

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

145

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 145

TRIMESTRIEL

III - 1985

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф,
прот. Алексей Князев, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н.А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Условия подписки на 1985 год : Франция — 215 Фр.
Другие страны, *Sea Mail* — 240 Фр. / \$ 35
AIR MAIL — 300 Фр. / \$ 40

0 (без пересылки)

GER»
is).

4001508

НСКОГО ДВИЖЕНИЯ

es Etudiants Russes,
France. Tél. 250-53-66.

LE MESSENGER

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2
915-10-73

ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

145

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001508

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 145

TRIMESTRIEL

III - 1985

ОТ РЕДАКЦИИ

ЗАВЕТЫ НА СЕГОДНЯ

Со страниц писем Григория Рачинского к Маргарите Морозовой* встает благородный образ доброго, умного рыцаря духа. Казалось бы — что? Несколько пожелтевших писем 75-летней давности малоизвестного деятеля русского религиозного возрождения, не оставившего по себе заметных трудов, а вместе с тем, сколько в них сказано ценного, нужного именно для наших дней! Добрый, старый — тогда всего лишь 60-летний — Рачинский обладал горячим, боевым темпераментом: он боролся внутри религиозного лагеря против разнородных заблуждений и искривлений, отвоевывал души у туманных антропософов, и, хотя и был исконно русским, не сочувствовал горделивым неославянофильским тенденциям, проявившимся в годы первой мировой войны у его близких друзей и единомышленников.

Много воды утекло, еще больше крови пролилось с тех баснословных лет: Россия провалилась в тартарары, опустошилась, в последнем усилии, обескровленная, прогнала внешнего врага, чтобы снова дать себя заковать в тяжелые, нерасторжимые цепи. И как ни странно, после уже не 7, а 70 лет "истребления и ужаса" (выражение Блока, 1921 г.) водораздел в области мысли остался тем же, что в то золотое, невозвратное время, когда стояли нетронутыми красота векового быта и мощь великой культуры.

Теперь, как тогда, но в огрубленной форме, мы встречаемся — в новейшей эмиграции, пожалуй, гуще, чем в самой России, с "реалистами и либералами", правда уже не "кадетского", а социалистического "закала", "у которых ни религии, ни настоящей, как мы ее с Вами понимаем, любви к России и в помине нет".

Теперь, как тогда, на противоположном полюсе — и в самой России чаще, чем за рубежом — с меньшим основанием и с большим ущемлением, чем 70 лет назад, "полемиический задор" приводит

* См. настоящий номер "Вестника", стр. 153.

Copyright © Le Messenger. Paris 1985.

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

к "отрицанию всего доброго" не только "в чужих верованиях", но и вообще во всей западной культуре, к безрассудному превознесению своего, причем своего уже полупризрачного, ибо затонувшего наподобие древнего города Китежа. Заодно берется под подозрение и все то, что русская культура вобрала в себя из западных ценностей: Соловьев объявляется "слепым вождем слепых" ("Вече"), Флоренский, гласный вождь московского славянофильства, по выражению Розанова, обвиняется в западничестве (самиздатская рукопись).

Такой подход, будь он продуман и доведен до конца, равносильно отрицанию русской культуры, в целом развивавшейся и в XII, и в XV, и в новейших веках в тесном общении с Западом, если не культуры как таковой, поскольку она всегда тяготеет к синтезу.

Рачинский считал, что спор с теми, кто "религии не знает и России не любит", бесполезен. Ревнителям не по разуму русского имени вместе с Рачинским хочется сказать:

"Пора им вернуться к добрым, старым традициям сороковых и пятидесятих годов, когда лучшие люди в России знали литературу Запада и его философию так, как теперь и не снится никому, любили и понимали западную культуру, но оставались в корне русскими людьми и жили до могилы русскими интересами, работая для России и во имя России".

Любовь к Гете не мешала Рачинскому любить Оптинских старцев и быть православным. Следует обобщить и расширить: чтобы быть, по мере сил, православным, необходимо тянуться к вселенскому мироощущению, ибо православие не этническая и не национальная религия восточно-европейских народов, а та незапятнанная никакими отклонениями Церковь, которую основал Христос и которая имеет всемирное призвание.

Никита Струве

Богословие, Философия

Прот. Георгий ФЛОРОВСКИЙ

ОТЦЫ ПЕРВЫХ ВЕКОВ*

Св. Игнатий Антиохийский

1. О жизни св.Игнатия мы мало знаем. Мученические акты, сохранившиеся в двух изложениях, римском и антиохийском, лишены всякого исторического достоинства. Достоверно только то, что можно извлечь из сохранившихся посланий самого св.Игнатия, из послания его друга, св.Поликарпа, епископа Смирнского, и из отрывочных упоминаний древних церковных писателей. Св.Игнатий носил два имени: римское или италийское Игнатия (Ignatius или Egnatius) и греческое Феодора — Богоносец, это второе имя, а не прозвище. О национальности, о времени рождения, о жизни св.Игнатия до последних ее лет мы не знаем почти ничего. Вероятно, он не был христианином по рождению и обратился уже в зрелые годы. О себе св.Игнатий выражался всегда со смирением и уничижением, называл себя "выкидышем", (Рим. IX), "отбросом" (Еф. VIII), "последним" и недостойным членом сирийской Церкви. В этих резких и неожиданных отзывах св.Игнатия о самом себе можно видеть намек на тяжелое прошлое, на позднее или трудное обращение ко Христу. И вместе с тем в них сказывается горячая и пылкая натура св.мученика. Древние предания ставят его в непосредственную связь с апостолами.

* Из ненапечатанных лекций по патрологии. В издательстве YMCA-Press вышло два тома лекций о Г.Флоровского "Отцы IV века" и "Отцы V-VII веков". Свой курс об отцах первых трех веков о.Г.Флоровский так и не подготовил к печати, в архиве хранится неисправленная рукопись.

Златоуст называл его впоследствии "общником апостолов в речах и в том, что неизреченно". Он был непосредственным или вторым преемником апостола Петра в Антиохии, — "вторым после блаженного Петра" называет его Ориген, позже Евсевий. Св. Афанасий Александрийский сближает его непосредственно с апостолами, а Феодорит говорит о его поставлении на архиерейство "десницею великого Петра". Указания апостольских постановлений, будто Игнатий был поставлен апостолом Павлом и одновременно апостолом Петром был поставлен во епископы Еводий, вряд ли достоверно. Игнатий, вероятно, был преемником Еводия. Во всяком случае, в представлении древних св. Игнатий бесспорно был "апостольским мужем". О его епископском служении сохранилось только одно известие: историк Сократ рассказывает о нем, что он видел ангельские хоры, воспевавшие св. Троицу в антифонах, и поэтому ввел в Антиохии антифонное пение, именно оттуда и перешедшее в другие Церкви. Возможно, что это и было так. Попеременное пение было в употреблении в иудейской псалмодии. Плиний младший сообщает о вифинских христианах, что они прославляли Христа, как Бога, в "попеременных песнях".

Может быть в Антиохии этот обычай был утвержден св. Игнатием. Не случайно св. Игнатий в переносном смысле призывает ефесских и римских христиан "образовать хор" и воспевать Отца через Христа Иисуса. Сам Игнатий называет Антиохийскую Церковь — "церковью Сирии". По-видимому, Сирия имела Антиохию своим церковно-иерархическим центром, подобно тому, как в Антиохии собирался провинциальный съезд Сирии, Киликии и Финикии. С ранних времен Антиохия была большим христианским центром.

2. Исторический туман вокруг образа св. Игнатия рассеивается только под конец его жизни. Антиохийской Церкви коснулось гонение на христиан, это было во времена Траяна. Епископ Игнатий был осужден на казнь, и осуществление приговора должно было состояться в Риме. Неизвестно никаких подробностей об этом гонении, и можно подвергать сомнению самый факт гонения. Во всяком случае, по-видимому, осужден был только один св. Игнатий. Из письма Траяна к Плинию младшему мы знаем о взглядах тогдашних властей на христиан: их не должно

разыскивать, но раз они обвинены и обличены, то подлежат наказанию. Преследование шло не сверху, но снизу: на христиан доносили иудеи и чернь, их окружала клевета, власть привлекала их к ответу как вольных или невольных виновников общественного беспокойства. По-видимому, положение не изменилось и к временам Адриана, как можно судить по его рескрипту Минуцию Фундану, который, впрочем, в подлиннике до нас не дошел. Официального сыска христиан не было, их предавали на следствие и суд добровольные доносчики, но на суде христиане оказывались виновными в отправлении неразрешенного культа и в упорном неповиновении, в уклонении от культа императоров. Тогда их осуждали на казнь. По посланиям св. Игнатия можно предполагать, что в Антиохийской Церкви были какие-то смуты и разделения, которые утихли во время пути св. Игнатия в Рим: Сирия обрела снова мир, восстановился снова порядок и прежнее величие. О гонении и о пострадавших св. Игнатий ничего не говорит в своих посланиях, но призывает помнить и молиться о Церкви Сирийской, в которой, после его отъезда, нет пастыря кроме Бога и епископа кроме Христа. Свой путь на казнь в Рим св. Игнатий совершает под стражей, суровой и жестокой, — он сам называет своих стражей леопардами. И тем не менее он имеет возможность встречаться не только с представителями местных Церквей, но и принимать особые посольства от Церквей отдаленных. Это заставляет думать, что не было общего и организованного гонения, но Антиохийский епископ был взят и осужден в связи с какими-то местными антиохийскими волнениями, по какому-то частному случаю. Послания св. Игнатия позволяют предполагать столкновения с иудеями и с еретиками. Нужно к тому же помнить о мученической жизни св. Игнатия, которая так пылко и резко сказала в его Послании к Римлянам, отправленном вперед с дороги. Осужденный уже в Антиохии, св. Игнатий для свершения казни отправляется в Рим. Не потому, что он был, подобно апостолу Павлу, римским гражданином, — этому противоречит определенный ему род наказания — жертва диким зверям. И Павел был послан в Рим не на казнь, но на суд, на суд Кесаря. А Игнатий путешествует уже как осужденный. Этот длинный путь на казнь из Антиохии в Рим для рядового "преступника", каким в глазах властей несомненно и был св. Игнатий, кажется на первый взгляд

неожиданным и неправдоподобным. Между тем, это бесспорный исторический и очень характерный факт. Мы знаем из римских историков о множестве несчастных, подвергавшихся смерти на аренах в играх с дикими зверями. По описанию Диона Кассия, в 106 году, по случаю победы над даками, игры длились 123 дня, и в них погибло 10 000 гладиаторов. Для этих игр осужденных привозили из провинции — об этом порядке прямо свидетельствует знаменитый римский юрист Модестин. Не должна вызывать сомнения и относительная свобода, которою пользовался св.Игнатий во время путешествия. Узы апостола Павла не мешали его проповедническому служению, в Риме он "принимал всех приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно" (Деян. XXVIII. 30—31), и, по его собственному признанию, "обстоятельства его послужили к большему успеху благовествования... и большая часть из братьев о Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие" (Фил. 1.12,14, след.). Из замечательных мученических Деяний Перепетуи и Фелицитаты мы знаем, что Перепетуге и Сатуре было дозволено из темницы написать рассказ о их страданиях, что путем подкупа стражи удалось на время улучшить их содержание и что начальник стражи допускал к ним в темницу "многих братьев". О таком же положении мы узнаем для III века из писем св. Киприана. В Апостольских Постановлениях есть наставление собирать деньги для осужденных, между прочим, в целях подкупа стражи. Мученик Памфил в тюрьме писал свою Апологию Оригена, в сотрудничестве с Евсевием, который оставался на свободе. Так было в более поздние времена, когда отношение власти к христианам стало круче. О временах св.Игнатия и, по-видимому, о нем самом мы имеем неожиданное свидетельство языческого писателя Лукиана Самосатского. В своей книге "о смерти Перегрин" он высмеивает христиан. Перегрин одно время стал христианином и достиг в христианской общине видного положения, стал пророком, "начальником жертвоприношений", синагогом. По-видимому, Лукиан отчасти при этом пародировал св.Игнатия. Перегрин посылает послания во все значительные города Сирии с увещаниями, наставлениями и последними заветами. Когда он был схвачен и заключен в темницу, христиане приняли это как общественное

несчастье. Руководящие люди подкупали стражу, чтобы быть с ним, и даже из некоторых отдаленных городов Азии приходили к нему христиане в качестве уполномоченных от своих общин, чтобы оказать заступничество, вести защиту и утешить мужа. Это явное повторение фактов из жизни св.Игнатия. Образ Перегрин у Лукиана — образ вымышленный, но типический, и Лукиан подбирал характерные черты из христианской жизни своего времени, о которой он знал немало.

3. Путь из Сирии в Рим был долгим. Мы знаем, что св.Игнатий был в Филадельфии и хорошо познакомился с тамошними церковными обстоятельствами. Впоследствии он горячо одобрял тамошнего епископа. Более продолжительной была остановка в Смирне. Здесь он принял уполномоченных от Церквей из Ефеса, Тралл и других мест, собравшихся вместе для встречи с ним. С любовью встретил св.Игнатия бл.Поликарп, епископ Смирнский. В посланиях к Смирнской Церкви и к епископу Поликарпу св.Игнатий впоследствии вспоминает об отдельных благочестивых смирянах и входит во все обстоятельства смирнской церковной деятельности. Из Смирны св.Игнатий отправил 4 послания: 3 в ответ на приветствия и посольства в Ефес, Магнезию и Траллы, и четвертое в Рим. Это последнее имеет дату — оно помечено девятым днем перед сентябрьскими календарями т.е. 24. VIII). Ефесская Церковь в глазах св.Игнатия имеет особую важность, она тесно связана с апостольскою памятью, ефесских христиан он называет "сотаяниками Павла" (XII. 2), и он утешается "любовью ефесцев". Ефесцы тверды в вере, всецело преданы Богу (VIII. 1). Еще ярче и сильнее похвалы св.Игнатия Римской Церкви. Он называет ее "председательствующей в любви", *Προκαθημένη τῆς ἀγάπης*. *Ἀγάπη* обозначает здесь любовь к Богу, скорее, чем к ближним, и, может быть, означает вообще духовную жизнь и церковное единство. Момента власти нет в этом отмечаемом св.Игнатием "председательстве" Рима. Он хвалит чистоту веры римских христиан. Характерно, что о римском епископе св.Игнатий совсем не упоминает. — Из Смирны путь Игнатия лежал в Троаду. В Троаде его настигли послы, принесшие весть об успокоении в Антиохии. Из Троады он пишет три послания: в Смирну, особо к Поликарпу и в Филадельфию. Поликарпу он поручает писать вместо него Церквам Востока, Церквам, которые

между Смирною и Антиохией, и призвать их разделить мир Антиохийской Церкви. Из Троады путники морем переправились в Неаполь и оттуда по Via Egnatia через Македонию отправились в Рим. Из Послания св.Поликарпа к Филиппийцам мы знаем, что в Филиппах путников приняли с трогательною любовью. Филиппийцы по наказу св.Игнатия обратились в Антиохию с приветственным посланием и просили св.Поликарпа переправить его по назначению. Вместе с тем они просили прислать им список со всех посланий Игнатия. Св.Поликарп исполнил их просьбу. — За Филиппами св.Игнатий скрывается от наших взоров. О его мученической смерти от зверей упоминает Ориген. Подробно о св.Игнатии рассказывает в своей Истории Евсевий. Год мученической его смерти точно не определим. Это было приблизительно в 107—110 гг.

4. Св.Игнатий шел на мученическую смерть торжественно и радостно. Он жаждет смерти, *ἐρώω τοῦ ἀποθανεῖν* (Рим. VII.2), стремится к страданиям, но не уверен, достоин ли он, — достоин ли умереть за Христа. Все Послание к Римлянам пронизано этим напряженным мученическим пафосом. Св.Игнатий боится, что римские христиане стараются освободить его от мученической смерти, — если допустить, что он был осужден не во время гонений и не за имя Христово, и был отправлен в Рим не столько на казнь, сколько в жертву зверям и для игр в цирке, становится понятным, как в Риме могли рассчитывать освободить его от смертной участи. Св.Игнатий и пишет в Рим прежде всего для того, чтобы убедить не мешать ему стяжать мученический жребий, стать истинным учеником Христовым. Он боится, как бы не помешала ему слишком сильная любовь римских братьев. "Я прошу вас об одном — дайте мне принести Богу возлияние моей крови..." (Рим. II). Он просит молиться о даровании ему силы, и внутренней и внешней, чтобы стать христианином не только по имени, но и на деле (III). "Умоляю вас, — восклицает Игнатий, — не оказывайте мне несвоевременного благожелательства. Оставьте меня в добычу зверям, ибо чрез них я приближусь к Богу". "Я — пшеница Господня, и пусть будет она размолота зубами зверей, чтобы стать мне чистым хлебом Христовым". "Позаботьтесь скорее, чтобы стали они моим гробом и ничего не оставили от тела моего, и никого бы не затруднило мое погребение. И когда мир уже не увидит моего

тела, я стану истинным учеником Иисуса Христа. Молите Христа за меня, чтобы чрез зубы зверей стать мне жертвою Богу... Дольше я раб. Но страсть сделает меня вольноотпущенником Иисус Христовым, и воскресну в Нем как свободный" (IV). "Лучше для меня умереть во Христа Иисуса, чем царствовать до краев земли. Его взыскую, умершего за нас. Его жажду, воскресшего ради нас. Вот когда я рождаюсь. Простите, братья: не мешайте мне родиться в жизнь, не ищите моей смерти. Богу хочу я принадлежать... Дайте мне идти к чистому свету: тогда я стану истинно человеком. Дайте мне стать подражателем страсти Бога моего". "Я все переношу, чтобы спострадать Ему" (См. IV). Св.Игнатий не только сносит или терпит безропотно страдания, он жаждет и ищет страдания и кровавой смерти. В цепях он чувствует себя, как "в духовных жемчугах" (Еф. XI). У него пафос смерти, — и смерть означает для него истинную жизнь, подражание умершему и воскресшему Христу, соединение с Нем. Мысль о избавлении от назначенной казни представляется св.Игнатию диавольским наваждением, — это князь века сего хочет вырвать его у Бога. Игнатий допускает, что в Риме, может быть, ослабеет его решимость, и он просит наперед: "Если, когда я буду среди вас, и стану просить вас, не слушайте меня. Но послушайте того, что теперь я пишу вам. И вот, живой я пишу вам, охваченный жаждой умереть. Мои страсти распяты, — нет во мне более горячего вещества для огня. Но только живая вода, и журчит она во мне и говорит — гряди ко Отцу... И не хочу я более жить по-человечески (VII—VIII). И св.Игнатий подчеркивает, что это послание диктовано не плотью, но ведением Божиим (VIII-3). У св.Игнатия мистический эрос мученичества, мученического подражания Христу, жажда той чаши, которую испил Христос, того крестного крещения, которым Христос крестился. Пред духовными очами св.Игнатия яростный образ страждущего Христа. И те же чувства и упования звучат у друга и ученика св.Игнатия, у св.Поликарпа Смирнского: уже на костре, связанный и возложенный на него, как некая жертва всежжения, он молился с хвалой и благодарением: "Благословляю Тебя, что Ты в сей день и час сподобил меня получить часть в числе мучеников и в чаше Христа Твоего, воскресение жизни вечной и тела, в нетления Духа Святого. Прими меня ныне в лицезрение Твое, как жертву тучную и благоприятную, которую

Ты, неложный и истинный Боже, предуготовал, предвозвестил и совершил. За сие и за все восхваляю, благодарю и прославляю Тебя, чрез вечного Архиерея, Иисуса Христа, возлюбленного Сына Твоего"... Эта торжественная молитва записана по памяти очевидцев в современном описании мученической кончины св. Поликарпа. (Martyrorem Polycarpi, Послание Смирнской Церкви к Филомелийцам, — у Евсевия, IV. 15). Это тот же круг, к какому принадлежал и св. Игнатий. Мученичество как жертва, как соучастие в жертве Христовой, в его чаше, "подражание" Ему. С этим связан древний взгляд на мучеников как Христоносцев. Сам Христос выступает с мучениками на поле битвы, венчает их и вместе венчается, говорил уже в III веке св. Киприан, — *ipse condreditur, ipse in certamine agonis nostre et coronat parites et coronatur*. Св. Перепетуя не страшилась предстоящего мучения, — "там будет Некто иной во мне, Кто пострадает за меня, как и я за Него пострадаю". "Страждущий в нем Христос", — говорят о мученике Саккте "акты мучеников Лионских и Виенских". "В сестре созерцали, даже телесными очами, Того, Который распят за них, чтобы убедить верующих, что всякий, страждущий за славу Христа, имеет общение с Богом живым"... Мученичество не героизм, но жертвенное приобщение ко Христу, некое воскресение жизни и нетления. "В час страдания мученики как бы отсутствуют из своих тел, или, скорее, — Христос присутствует и сообщается с ними" (Mart. Polyc., II. 2). Мученический эрос св. Игнатия связан с тайнозрением, Игнатий не раз ссылается на свои откровения. Дар пророчества или прозорливости, по суждению древней Церкви, всегда был связан с мученическим подвигом, по предсказанию Спасителя: "ибо в тот час дано будет вам, что сказать. Ибо не вы будете говорить, но дух Отца вашего будет говорить в вас, научит вас в тот час, что должно говорить". (Мф. X. 19–20. Мр. XIII. 11. Лк. XII. 11–12).

5. Послания св. Игнатия сохранились в трех редакциях: пространной, краткой и сокращенной. В краткой редакции известно семь посланий: к Ефесянам, Магnezийцам, Траллийцам, Римлянам, Филадельфийцам, Смирнтянам и к Поликарпу. Эти же послания называет Евсевий (III. 36). В пространной редакции, кроме них, и притом в распространенном тексте, содержатся еще восемь других, в том числе к Иоанну Богослову и к Деве Марии, с ответом

на него (сохранились только по латыни). Текст этой редакции представляет переработку краткого и носит несомненные следы догматического неправомыслия в духе ересей IV века. Фальсификацию того же времени представляют и послания, не сохранившиеся в краткой редакции. Сокращенная редакция известна в сирийском переводе, открытом Картоном в 1845 г. Сюда входят Послания к Ефесянам, Римлянам и Поликарпу. — Подлинность посланий св. Игнатия в настоящее время не подвергается сомнению. На них ссылаются Ириней, Ориген, непосредственно после написания их св. Поликарп, заботившийся об их рассылке по Церквам. Написаны они никак не позже последних годов Траяна, позже христиане не подвергались казни на арене.

6. Св. Игнатий не был богословом, скорее — исповедником. Его послания — не богословские рассуждения. Они напоминают апостольские послания, по стилю, даже по темам. Богословский язык св. Игнатия близок к языку Иоанна Богослова, этого апостола из Малой Азии. Св. Игнатий свидетельствует о Христе. Это его первая тема. Он смущен и взволнован распространяющимися лжеучениями. По-видимому, это был иудаизм и докетизм. Оба совпадали в приватном суждении о лице и о деле Христа. Одни отрицали Божество Спасителя, другие действительность воплощения, утверждали призрачность плоти Христа. Св. Игнатий как бы теряет свою кротость, когда говорит об еретиках: это дикие звери и бешеные собаки (Еф. VII. 1), звери в образе человек (Смирн. IV. 1), злые волки (Филад. II. 2), отравители (Тралл. VI. 2), паразитическая и злая поросль (Тралл. XI. 1), дьявольское зелье (Еф. X. 3), ядовитая мазь князя века сего (Еф. XVIII. 1). Св. Игнатий призывает верующих быть настороже против этой чумной заразы. И нововводным лжеучениям противопоставляет веру Церкви и заповеди апостолов (Тралл. VII. 1). Проповеди докетов св. Игнатий противопоставляет точное учение о воплощении. Христос воистину стал человеком (Смирн. IV), родился во плоти от рода Давидова, от крови Давида. Жизнь Спасителя не была призрачна. Он действительно родился от Девы, принял крещение, чтобы освятить воды и исполнить всякую правду. Он действительно, *ἀληθῶς*, был пригвожден ради нас при Понтии Пилате и Ироде Четверовластнике. И действительно воскрес во плоти, *ἐν σαρκί*, приходил ко апостолам, ел и пил с ними телесно, *σαρκικῶς*, они

осязали Его. В реальности этого восприятия — опора веры апостольской и их мученического дерзновения. Но Христос был не только человек, но и Бог, "Бог воплотившийся" (Еф. VII. 2). Плоть и Дух, от Марии и от Бога, Страждущий и Бесстрастный, от Крови Давидовой и от Духа Святого, сразу и Сын человека и Сын Божий (Еф. XX. 2). Христос — Бог и Господь, Сын и Слово, Сын Единый, бывший у Отца прежде веков, вне времени, *ἄχρως*, от единого Отца происшедший и неотлучающийся, но Суший едино с Ним (Магн. VII. 2). Св. Игнатий не раскрывает систематически учения о двух природах во Христе и об их единстве, не употребляет строгих богословских терминов — он говорит языком Нового Завета. Но двуединый образ Христа, Бога и человека, ярко светится в его посланиях. Христос — Бог наш, Бог мой, но — Бог, явившийся в образе человека (Еф. XIX. 3). Во Иисусе Христе Бог явился людям. Это — Слово Божие, вышедшее не из молчания (Магн. VIII). И это есть явление Жизни среди смерти (Еф. VII. 2). Господь воплотился ради нас. Невидимый, Он стал видимым. Нетленный пострадал. И это страдание и смерть стало началом истинной жизни. Крест Христов прежде всего пред взором Игнатия. Жизнь есть плод Креста (см. I. 2), христиане — отпрыск Креста (Тралл. XI. 2). Крестом Христос подымает нас на высоту, как камни Отчего храма (Еф. IX. 1). Соблазн для неверующих, для верующих Крест — спасение и вечная Жизнь (Еф. XVIII. 1). "Святая и блаженная страсть" Христа (см. I. 2) есть начало нашей надежды. "Мы оживотворены в крови Бога" (Еф. I. 1). Для Игнатия Христос прежде всего истинный и единственный целитель (Еф. VII. 2), Начальник жизни, "наша нераздельная жизнь (Еф. III. 2), "наша вечная жизнь" (Магн. I. 2). Он наш Первосвященник, которому вверена Святая Святых как единому Сотаиннику Божьих Советов. Он — дверь ко Отцу, чрез которую входят праотцы, пророки, апостолы и Церковь — в единство с Богом (Филад. IX. 1). Он — Учитель, которого ожидали пророки, единый учитель (Магн. IX. 3. Еф. XV. 1). Это совершилось во времени. Св. Игнатий подчеркивает: Евангелие — это Бог Иисус во плоти (Филад. V. 1). Основное в Евангелии — это пришествие Христа Спасителя, Его страсть и воскресение (Филад. IX. 2). Кто не верует этому, тот отчуждает себя от жизни, становится собственным гробовщиком (см. V. 2). Это было бы отказом от жизни. Господь избавил нас от засилия князя века сего, разрушил

его царство, открыл "новизну" вечной жизни, рассеял мрак неведения, разорвал узы всякой магии и зла. Дьявол не предвидел этого, не знал ни о Девстве Марии, ни о рождении от Нее, ни о смерти Господа, — три славных таинства, которые Господь уготовил и совершил в молчании. Только дивная звезда, помрачившая все звезды своим сиянием, возвестила пришествие Спасителя (Еф. XI), пророки провидели это, они пророчествовали и ждали Христа, указывая на Него, и спасены упованием и верою в Него, это как бы христиане до Христа, имеющие потому часть "в Евангелии общей надежды" (Филад. V. 2). Но ныне мы получили благодать (срв. 10. 1. 17) — "не христианство уверовало в иудейство, но иудейство в христианство, в котором соединяется всякий народ, верующий в Бога" (Магн. X. 3). Было бы странно и нечестиво оставаться теперь в заповедях иудаизма... Для св. Игнатия благовестие христианское есть прежде всего благая весть об истинной жизни, о нетлении и воскресении. Он не только ждет и чает воскресения грядущего, он показывает начало воскресения здесь, на земле. Это — Евхаристия — "врачевство бессмертия, противоядие против смерти, залог вечной жизни во Иисусе Христе (Еф. XX. 2). Нетленная любовь, говорит св. Игнатий в другом месте (Рим. VII. 3). От этой любви и жизни отчуждают себя докеты, которые, не веря в истину воплощения, не могут и не хотят исповедовать, что Евхаристия есть плоть нашего Спасителя, пострадавшая за грехи наши, воскрешенная благодатью Отца (Смирн. VII. 1). Между тем, даже небожители, ангелы во всей их славе, господства видимые и невидимые, не избежат суда, если не веруют в кровь Христа (Смирн. VI. 1), ибо Христос умер пред лицом и земных, и небесных, и преисподних (Тралл. IX. 1. Сравн. Филад. II. 10). Кровь Христа — это любовь (Тралл. VIII. 1), и любовь — "предел и совершение" (Еф. XIV), св. Игнатий богословствует от исполнения, от полноты веры. От этого избытия чувств и созерцаний язык его становится взволнованным, беспокойным. "В Боге я многое разумею, но сам налагаю на себя меру, чтобы не погибнуть в гордыне" (Тралл. IV. 1), — говорит он. В посланиях св. Игнатия чувствуется исключительная сила и напряженность мистического опыта и созерцания. В них, при всей беспристрастности изложения, есть внутреннее средоточие — это образ Общего Искупителя. Св. Игнатий выражает и определенный прототип

малоазийского благочестия, связанный с проповедью апостола Иоанна, для которого Христос прежде всего Агнец закланный. Из Малой Азии ведет свое начало и то направление греческого богословия, которое опирается прежде всего на факт воплощения как начало Жизни. Св. Игнатий предшественник св. Иринея Лионского.

7. Чрез все послания св. Игнатия проходит чувство тревоги за целостность Церквей, возмущаемых сеятелями раздора и лжеучений. Этим смутам св. Игнатий противопоставляет призыв к единомыслию и единому сердцу в вере и любви. "Будьте все заодно нераздельным сердцем" (Филад. VI), "составляйте из себя все до единого хор, чтобы согласно настроенные в единомыслии, дружно начавши песнь Богу, воспевать ее единым голосом Отцу через Иисуса Христа" (Еф. IV), — эти и подобные призывы не имеют в устах св. Игнатия характера только нравственных наставлений. То "единство" и "согласие", к которым он призывает, имеют религиозно-мистическое содержание. Прежде всего это образ и подобие Божие, отображение Божественного единства. Вера и любовь — это начало исполнения жизни, и их единство есть сам Бог (Еф. XIV). И воскресший Христос водрузил свое победное знамя затем, чтобы собрать всех святых и верных, из обрезания, как из языков, "во единое тело Церкви своей" (Смирн. I). Чрез Свой Крест, чрез свои страдания, Христос призывает нас к Себе как членов Своих. Не может глава быть без членов... Это Бог обещал нам такое единство, ибо Он есть единство (Тралл. XI), и мы должны быть соединены между собою, как Церковь соединена со Христом, и как Христос со Отцом, чтобы все согласовалось в единстве (Еф. V). Единство веры и любви есть выражение внутреннего существа Церкви, и поэтому — это высшее благо, выше которого уже ничего нет (Пол. I. Магн. I).

Единство Церкви — это одна из основных тем св. Игнатия. Церковь есть единое тело. И в своих разъяснениях этой истины св. Игнатий прямо и непосредственно исходит из разъяснения послания апостола Павла к Ефесянам, и как бы повторяет его. И так же, как у апостола, у него внутренне соединяется учение о Церкви, как о теле Христовом и царстве Духа, и учение о Ней, как о видимом общении верующих, объединенных и организованных чрез иерархию. В сознании св. Игнатия Церковь сразу есть

видимое и невидимое единство, плотское и духовное, *ένωσις σαρκική και πνευματική*, союз Божественный и человеческий. В словоупотреблении св. Игнатия *σάρξ* и *πνεύμα* одинаково выражают и противоположность видимого и невидимого, и противоположность тварного и Божественного. И как сам Христос есть вместе и плоть и дух, видимый и невидимый, человек и Бог, "во плоти явившийся Бог", *έν σαρκί γινόμενος θεός* (Еф. VII), так и Церковь есть вместе и плоть и дух. Церковь основана Христом, пострадавшим и воскресшим, и все верующие в Него как бы сопригвождены плотью и духом ко Кресту Господню, и утверждены во единой любви кровью Христа (см. I). Единство со Христом есть основание, залог и путь взаимного единства верующих во Христе. Христос есть единый учитель (Магн. IX), верховный Пастырь и Епископ, и Епископ епископов (Смирн. VII. Еф. III. Пол. надп. Рим. IX). Верховный Архиерей, Таинник Божиих Советов, дверь, чрез которую входят и восходят к Отцу праотцы, пророки, апостолы и вся Церковь (Филад. IX), и во Христе Отец опознает нас всех как членов Сына Своего в меру совершения и исполнения нашего единодушия и любви (Еф. IV). И вся Церковь объемлетя мыслию Божией, ибо Христос есть мысль Отца (Еф. III). Церковь есть единое тело, единый храм Отчий, в котором верующие суть камни (Еф. IX), хор любви (Рим. II, Еф. IV). И все верующие сопутники друг другу, а путь — Христос, — богоносцы и храмононосцы, крестonosцы, святоносцы, украшенные заповедями Христа, восходящие по пути любви (Еф. IX). И потому Церковь есть Церковь кафолическая соборная, *έκκλησία καθολική*. Это выражение у св. Игнатия встречается впервые, но вряд ли принадлежит лично ему. "Где Христос Иисус, там и соборная Церковь" (Смирн. VIII). Несколько раз это название мы встречаем в древних мученических актах св. Поликарпа, представляющих современное событию послание Смирнской Церкви о блаженной кончине своего предстоятеля к Церкви Филомелийской, во Фригии (прибл. 155—157). Св. Поликарп называется здесь "епископом кафолической Церкви в Смирне" (XVI). Перед взятием своим и перед смертью он молился о всей кафолической Церкви, распространенной по всей земле (VIII). И смертию своею, по выражению описателя мученических актов, он прославил Христа, Пастыря всех, по всей вселенной кафолической Церкви (XIX). *Καθολικός*

от καθ' ὅλον или καθ' ὅλου по онтологическому своему составу буквально обозначает целостный, всецельный, полный, и противопоставлен по смыслу κατὰ μέρος — частичный. Кафолический не значит вселенский в древнем словоупотреблении, как видно и из приведенных цитат, καθολικός и οἰκουμένης не отождествляется, почему эти обозначения и ставятся рядом. Точнее и вернее всего, и совсем не случайно, греческое καθολικός переведено в кирилло-мефодиевском славянском переводе: соборный — не от собора (по-гречески σύνοδος), но от собранность, целостность, целокупность. Καθολικὴ ἐκκλησία — это значит собранная, "в собранности и единении сушая", целостная, целокупная Церковь. Это не внешняя, количественная, или географическая, характеристика, но определение самого внутреннего существа или природы Церкви. Отчасти этот смысл выражается при противопоставлении "кафолической Церкви как истинной, т.е. хранящей полную, неприкосновенную истину", Церквам "еретическим, множественным, неустойчивым и дробящим по произволу апостольское предание целостной истины" (срв. у Климента Алекс. Strom. VII.17). Впоследствии св. Кирилл Иерусалимский объяснял название "кафолическая Церковь" так: "Она распространена по всей вселенной, она преподает догматы спасения полно и без опущения, διδάσκει καθολικῶς καὶ ἀνελλιπτῶς. Она полно врачует все немощи и грехи, καθολικῶς ἰατρεύει" (Catech. VIII.23). Ср. и у бл. Августина op. 83, 7: non ex totius orbis communionem, sed ex observatione praesceptorum omnium divinum atque omnium sacramentorum quod totum veraciter tenet. Подобное же значение имеет слово καθολικός в выражении: καθολικὴ ἐπιτολή ἢ καθολικὴ ἀνάστασις (Inst. Dial. 82) καθολικὴ ὠτηρία (Clem. Alex. Praed. 2.6) и друг. Это определяется и этимологией слова, и его прежней судьбою в греческом философском языке, начиная с Сократа, — всегда в противоположности κατὰ μέρος. Из живой речи это название было принято в богословский язык и вошло в символ веры. У св.Игнатия совершенно ясен именно этот смысл: где Господь, там и Церковь, и где Церковь, там и Господь, ибо Церковь есть живое и единое, цельное и целостное тело Христова, и Христос для верующих есть "нераздельная жизнь" (Еф. III). Единая, духовная, кафолическая природа Церкви открывается в каждой отдельной местной Церкви, которая есть некий малый

образ всей Церкви и кафолична и сама. Это сказывается уже в обращениях св.Игнатия к отдельным Церквам в надписаниях его посланий: Еф.: к Церкви, благословенной из полноты величия Бога Отца, предопределенной прежде века к вечной славе и нераздельному единству, избранной чрез истинную страсть (Христа)... Рим.: Облагодатствованной величием Вышнего Отца и Единого Сына Его Иисуса Христа, возлюбленной и просвещенной волею воззвавшего все сущее к бытию, по любви Иисуса Христа, Бога нашего... Св.Игнатий говорит о каждой отдельной Церкви как о всей Церкви, как о Кафолической Церкви. О каждой отдельной Церкви св.Игнатий говорит как о некоей полноте. Отдельные Церкви не разобщены, не обособлены друг от друга, — они связаны между собою союзом неизменной веры и любви, и эта любовь проявляется и во внешних взаимных заботах и внимании. Но эта любовь определяется живым сознанием и созерцанием высшего единства во Христе, едином Пастыре и Первосвященнике, пребывающем всюду и везде, без единого земного заместителя. Образом Христа в каждой Церкви является местный епископ. Нужно отметить, что св.Игнатий не останавливается на раскрытии понятия апостольского преемства, хотя, например, ефесянам, как "сотайникам Павла", он напоминает об этом достоуважаемом муже (Еф. XII). И римлянам о Петре и Павле (Рим. IV). Он делает ударение не на апостольском преемстве, но на той полноте и целостности духовной жизни, которая имеет свое основание и опору в живом единстве с самим Христом и которая с наибольшей полнотою открывается в святейшем евхаристическом таинстве, — ибо едина плоть Христа, едина чаша, соединяющая нас в его крови, един алтарь (Филад. IV). И это единство всей Церкви отображается и должно проявляться в каждой церковной общине. Для св.Игнатия единство Церкви имеет прежде всего мистико-догматический, и потому уже канонический смысл.

8. Св.Игнатий не изображает церковного строя подробно. Но по отдельным его намекам и наставлениям не трудно представить внутренний строй тех малоазийских общин, к которым он пишет. И прежде всего это так называемые "парикии", то, что можно назвать "епископскими приходами". Пресвитерские приходы нашего современного типа вообще возникают только с конца

III века, и утверждаются в жизни только в IV и даже V веке. С этим связано и то, что до IV века существуют только кафедральные или соборные храмы, *ecclesiae civitatis*, а не местные, — и когда такие местные храмы возникают, долгое время они имеют характер "отделений" *stationes* кафедрального храма, и службу в них отправляют присылаемые от епископа священнослужители, — постоянный клир, "причт", при подобных храмах устанавливается много позже. В доникейский период существуют только "епископские приходы", каждая церковная община, какова бы ни была она по объему, имеет полный иерархический строй, возглавляется епископом. И ввиду относительной малочисленности паствы епископ действительно мог быть пастырем. "Мог прекрасно знать" каждого члена своей паствы, "мог чуть не буквально глашать по имени овцы своя", как замечает Болотов, и у каждого верующего возникали живые и непосредственные отношения с епископом. Послания св. Игнатия свидетельствуют, что этот церковный строй определился уже к концу I века. Св. Игнатий предполагает его уже сложившимся и общеизвестным, бесспорным. В пределах этого строя значение епископа оказывается особенно высоким. Для св. Игнатия епископ в своей общине есть прямой заместитель самого Христа, и единство, единомыслие и единодушие со епископом является неременным условием и спасительного благочестия, и неповрежденной веры. Поэтому св. Игнатий для противодействия вкрадывающимся всюду лжеучениям и призывает верующих к единству, к духу "соборности", исключаяющему всякое разделение. Епископ есть как бы воплощение своей Церкви, — "епископ во плоти", так как высший и небесный Пастырь, епископ каждой Церкви есть сам Христос. И потому к епископу надо относиться, как к самому Господу, "смотреть" на него, как на Христа, и потому должно его почитать и бояться. Ибо домоуправитель должен быть принят, как сам Владыка дома, который его посылает во служение (Еф. VI). Во епископе должно почитать "силу Бога Отца", и помнить, что, отделяясь от "видимого епископа", каждый тем самым непокоряется епископу невидимому (Магн. III. срв. Еф. V). Нужно соблюдать единомыслие со епископом, без епископа ничего не делать (Филад. VII), — без епископа нельзя ни совершать крещения, ни Евхаристии, — и только то, что одобряет епископ, твердо и непреложно и угодно

Богу (Смирн. VIII). Противление епископу есть служение сатане (Смирн. IX). Епископ есть пастырь своего стада (Филад. II), управляет им (Пол. II), и в единстве со епископом осуществляется цельность и полнота церковной жизни. Сама Церковь становится как бы живым лицом, живым организмом (Смирн. IX). Кто принадлежит Богу и Христу, тот со епископом (Филад. III). Во всякой Церкви свой епископ, и епископы установлены до предела земли (Еф. III), — и установлены самим Богом: епископ Церкви Филадельфийской поставлен не своею волею, и не волею человеков, и не по тщеславию, но любовь Бога Отца и Господа Иисуса Христа вверила ему служение и управление Церковью (Филад. I). Епископ облачается благодатию (Пол. I), утверждается согласием Христа, поставляющего священнослужителей своею волею и укрепляющего их Духом Святым (Филад. Надп.). — И именно поэтому епископ не есть внешний начальник, владывающий во имя начала власти. Он несет служение, и несет его в неразрывном единстве со всею Церковью. Внешним проявлением этого единства служит "совет" старейшин, окружающий епископа. Епископ неразделен и должен быть неразделен со пресвитерами, с "пресвитерием" (Еф. IV), "епископы и пресвитеры должны быть согласны, как струны и кифара. Если епископ замещает Бога, *εις τόπον θεού*, то пресвитеры представляют собою "собор апостолов" (Магн. VI), и окружают его, как некий "духовный венец" (Магн. XIII), подобно тому, как апостолы окружали Христа, — пресвитеры есть некий совет Божий и собрание апостолов (Тралл. III). Надо подчеркнуть: епископ один, пресвитеров много, и в совокупности они образуют единый совет или союз, синедрион, пресвитерий, — и на их обязанности в особенности лежит помощь, духовное содействие епископу (Тралл. XII). Пресвитеры образуют совет при епископе, не столько подчиняются, сколько "согласуются с ним" (Магн. III). Выражению св. Игнатия: *συνχωράτας*, в других памятниках древности соответствуют равнозначные: *βαλῆ* или *συμβαλῆιον* (Ориген С. Cels. III. 29–30), *consilium nihil sine consilio vestro et sine consensu plebiu mea privatim sententia gerere*, — говорит о себе св. Киприан. Пресвитеры — помощники и советники епископа, собор и совет Церкви, венец Церкви, по выражению позднейших Постановлений Апостольских, в которых, кстати заметить, очень резко подчеркнута епископская власть и честь (II. 28). Это язык

св. Игнатия. Еще Златоуст говорит о синаедрионе пресвитеров, *τῶν πρεσβυτέρων συνέδριον* (Освящ. III. 15), и о пресвитерии сохраняется память в прощении нашей ектении: "Об епископе нашем,.. о честном пресвитерстве, и о еже во Христе диаконстве"... — о пресвитерии, — не о пресвитерах... (Срв. I Петра V. 1, — *συμπρεσβύτερος*)... Пресвитеры — соправители епископа, его советники прежде всего в делах суда и управления, — и соучастники его литургического служения. И повиновение или послушание паствы обращается нераздельно к епископу и пресвитерам, — без них ничего не делайте (Магн. VII), без епископа, пресвитерия и диаконов, — иначе нельзя иметь чистую совесть (Тралл. VII). В известных случаях пресвитеры могли замещать епископа в предстоянии на богослужбных собраниях (Смирн. VIII). На третьем месте стоят диаконы, — они подчинены епископу и пресвитерии (Магн. II), они несут особое служение Христово (VI), "служение тайн Христовых", — они не простые служители столов, пищи и питья, но служители Церкви Божией (Тралл. II. Срв. Деян. VI. 2–10). Диаконы, таким образом, служат евхаристической трапезе, но кроме того мы встречаем их и в качестве проповедников слова Божия, — таковы диаконы Филон из Киликии и Рей-Агафопод из Сирии, состоящие при Игнатии в служении слова Божия (Филад. X, срв. Смирн. X), — и в качестве посланных или уполномоченных Церквией — таков Вурр из Ефеса (Смирн. XII. Филад. XI). Иерархия имеет, таким образом, тройские ступени, и вместе с тем составляет нераздельное единство, пред которым община обязана почтением и послушанием, — ничего не делать без епископа, пресвитерия и диаконов, ибо кто вне жертвенника, тот нечист (Тралл. VII), — в подчинении епископу и пресвитерии достигают верующие освящения (Еф. II), ибо только чрез них имеют служение и общение таинств... Будучи среди филиладельфийцев, св. Игнатий, как сам он напоминает им, "вопийал, увещевал их громким голосом, голосом Божиим, — быть со епископом, пресвитерием и диаконами", и, прибавляет св. Игнатий, увещевал их не ввиду возможного раскола, "не по человеческому рассуждению, но по откровению Духа" (Филад. VII). И в послании к траллийцам он еще резче призывает почитать иерархию, — "ибо без них нет Церкви" (III). — Священнослужители есть прежде всего служители единства, через них у единого жертвенника объединяются верующие, вкушая единый

хлеб и от единой чаши. Алтарь должен быть один в каждой общине, и Евхаристия одна, одно Богослужение, ибо Церковь едина, единое тело или созвучный хор... "Ибо едино тело Господа, и одна чаша во единство крови Его, один жертвенник, как и один епископ со пресвитерием и диаконами" (Филад. IV). И только та Евхаристия законна, *βεβαία*, которая совершается епископом или по его полномочию, — с епископом должен быть народ, как со Христом — кафолическая Церковь (Смирн. VIII). Не только для крещения, но и для брака требуется согласие епископа, чтобы был он о Господе, а не в вожделии (Пол. V). Богослужение есть жизнь Церкви, и единство алтаря неразрывно с тем единством веры и любви, в котором св. Игнатий исповедует существо Церкви и церковности. Все должно быть общим и нераздельным в Церкви — и молитва, и подвиг, и бдение, и покой (Пол. VI), и епископ поставлен на служение единства, как выражается св. Игнатий о самом себе (Филад. VIII). Одна молитва, одно прошение, один ум, единая надежда в любви, в непорочной радости, — это Христос, это общение с Ним (Магн. VII). И если много может соединенная молитва двоих, заключает св. Игнатий, то сколь больше может молитва епископа и всей Церкви (Еф. V)... — В послании к Поликарпу св. Игнатий дает ему советы, и эти советы полны внимания и любви. Св. Игнатий всегда пишет с глубоким смирением, и это усиливает твердость и силу его слов. "Не приказываю вам, как что-нибудь значащий, — пишет он ефесянам, — ибо если я и в узах за имя (Христово), не совершился я еще во Иисусе Христе, — ныне только полагаю начало учению и взываю к вам как соучителям моим" (Еф. III). "Никто не надмевайся высоким местом, ибо все, *τὸ ὄλον*, в вере и любви", — пишет он смирнянам. И потому так любит он называть себя меньшим и последним. Поликарпу напоминает он прежде всего об единстве — "подвизайся сам, и носи тяготы других, чтобы и они спаслись, всем приходи на помощь в любви. Заботься о каждом, и нет заслуги любить добрых учеников, — важнее нечистых смягчить кротостью, ибо кротостью низлагается князь века сего" (Ср. Тралл. IV)... Молись постоянно, проси мудрости всегда возрастающей, бди за собою, будь тверд, как наковальня, на которой бьют и куют. Св. Игнатий любит уподоблять христианина борцу или атлету, — он повторяет образ апостола Павла... Св. Игнатий советует Поликарпу чаще собирать общину,

призывая входить в общение с верными лично. К общим советам он присоединяет частные, — заботиться о вдовах, не пренебрегать рабами, — и пусть они не слишком нетерпеливо ждут своего освобождения на счет общины, — это было бы свидетельством горшего рабства своим желанием... И в заключение св.Игнатий дает наставление верующим. "Внимайте епископу, дабы и Бог внимал вам. Вместе подвизайтесь, вместе свершайте ваш путь, вместе терпите, вместе упокуевайтесь, вместе подымайтесь, как Божии домостроители, и домочадцы, и слуги... Храните крещение ваше — как щит, веру — шлем, любовь — как коши, терпение — как доспехи"... "Будьте великодушны и кротки между собою, как Бог к вам"... "И да сохранит Христос в единстве Божиим"... Об единстве и смирении св.Игнатий прежде всего бдит. Если кто избрет воздержание во славу тела Господа, пусть будет смирен, — если возгордится, он погиб, и если возмечтает, что он выше епископа, то уже умер (Пол. V). "Многое разумею я в Боге, — пишет он траллийцам, — но полагаю меру, чтобы не погибнуть в возношении. И ныне в особенности должен я бдить и остерегаться льстецов, — я чаю страданий, но не знаю, достоин ли их" (Тралл. IV). Высший образ смирения — сам Христос. Св.Игнатий не излагает систематически догмата о Церкви, но из его кратких, отрывочных, но всегда ярких и ясных слов в полном свете открывается природа Церкви. И мы понимаем, что значила для первых христиан жизнь в Церкви. Это значило быть со Христом, и быть со Христом — означало пребывать в Церкви, в единстве, в согласии, в любви... Церковь есть для св.Игнатия исполнение и полнота. Христос принял помазание от Марии, чтобы вдохнуть Церкви нетление (Еф. XVII). Все сбылось — пришел Господь. "Иные говорят, — пишет св. Игнатий филиладельфийцам, — если не найду в архивах, не поверю тому в благовестии". И если им ответить, что "написано", они возразят: в этом-то и вопрос (Филад. VIII). Речь идет о доказательствах от Писания, от Ветхого Завета, от "древних". Но больше Писания — Христос. "Мои архивы, — восклицает св. Игнатий, — это Христос. Мои непреложные архивы — Его крест, смерть, Его воскресение и вера чрез Него". Во благовестии, в Евангелии самое важное — пришел Спаситель и Господь. Евангелие есть исполнение бессмертия (VIII—IX). И это бессмертие, как благодать или дар Божий, разливается в Церкви и доступно только живущим

в ней в единстве и любви. Это — начало и конец упования и исповедания блаженного Игнатия.

Св. Поликарп Смирнский

1. Из жизни св. Поликарпа мы знаем только несколько отдельных эпизодов. Год его рождения приблизительно можно определить, если принять свидетельство его мученических актов, что он пострадал 86 лет, и относить его кончину к 155—156 году. Выходит, что родился он в 69—70. О национальности его мы ничего не знаем, но вряд ли был он евреем — в своем Послании к Филиппийцам он вовсе не ссылается на Ветхий Завет. Он был учеником апостольским — "собеседник апостолов, получивший епископство над Смирнской Церковью от самовидцев и служителей Господа", говорит о нем Евсевий (III. 36). Прежде всего был он связан с апостолом Малой Азии, Иоанном Богословом. По-видимому, он пользовался большим уважением и в Смирне, и в окрестных Церквах. Об этом свидетельствует тот факт, что он принимает св. Игнатия во главе делегации от других Церквей, и Игнатий пишет ему особо. На него ложится обязанность пересылать по разным общинам послания св. Игнатия. В глазах язычников он был "учителем Азии, отцом христиан" (Mart. XII. 2), а христиане чтили его за доблестную жизнь (XIII. 2). Верующие имели обыкновение собираться у него и слушать его беседы. Об этом так рассказывал впоследствии св. Ириней, бывший в молодости слушателем Поликарпа: "Могу наименовать даже место, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп. Могу указать все входы его и исходы, начертать образ его жизни и внешний вид, изложить его беседы с народом, описать, как сам он рассказывал о своих беседах с Иоанном и другими самовидцами Господа, как припоминал слова их, как и что слышал он от них о Господе, как пересказывал о Его чудесах и учении, о чем получил предание от людей, которые сами видели Слово жизни, — и все его сказания согласовались с Писанием"... (Письмо к Флерину, у Евсевия V. 20). Св. Поликарп был муж апостольский, живой свидетель апостольского благовестия, — это в нем прежде всего ценили его ученики.

2. В 154 году св.Поликарп путешествовал в Рим, при папе Аниките, и был там принят с уважением. Епископы говорили между собою о разных вопросах и, между прочим, о праздновании Пасхи. В это время обнаружилось уже обрядовое разногласие между отдельными Церквами, за которым чувствовалось разное понимание смысла и значения величайшего христианского праздника. Вскоре вспыхнули по всем Церквам горячие споры, так что понадобилось собираться соборам для примирения и выяснения вопроса. Св.Ириней так вспоминает о споре Поликарпа с папой: "Ни Аникита не мог убедить Поликарпа не соблюдать того, что он всегда соблюдал, живя с Иоанном, учеником Господа, и обращаясь с остальными апостолами, ни Поликарп не убедил Аникиту соблюдать, ибо Аникита говорил, что обязан сохранять обычаи предшествовавших ему пресвитеров". (У Евсевия V. 24). Соблюдать, — о соблюдении чего шел спор? Нужно думать, — о соблюдении ветхозаветного срока Пасхи. В малоазийских Церквах праздновали Пасху 14 ниссана, по примеру самого Христа, именно в этот день совершившего Тайную Вечерю, — от "разногласия евангелистов" в данном случае можно отвлечься. При этом совершалось воспоминание страстей Христовых, Пасха крестная. "Пасха наша, Христос заклан за нас", — говорил апостол Павел и видел и в Евхаристии прежде всего воспоминание смерти Господней (I Кор. V. 7. XI. 26). В Риме и в некоторых других Церквах праздновали ближайший за 14 ниссана воскресный день в память Воскресения Христова, Пасха воскресная, "таинство воскресения". Сталкивались два пасхальных восприятия: Пасха скорби — Пасха радости. Принципиальный вопрос осложнялся разногласием об "образе поста", — четырнадцатники, праздновавшие день 14 ниссана, естественно в этот день прекращали пост, тогда как воскресники с особым воздержанием проводили дни ожидания воскресного дня, — дня, когда взят Жених... При столкновении обоих обычаев в одной церковной общине это практическое разногласие должно было чувствоваться особенно резко и болезненно. Соблюдение ветхозаветного срока несомненно опиралось на апостольский пример и обычай, на что ссылается и Поликарп. Иерусалимские христиане, во всяком случае в первые годы, совершали два главных иудейских праздника — Пасху и Пятидесятницу, соединенные исторически и с величайшими событиями новозаветной истории: Страсти

Христовы и сошествие Духа. К тому же, на Востоке долгое время пользовались иудейским календарем — не только в Палестине, но и в Александрии. В частности, для малоазийских Церквей несомненно решающим был пример апостола Иоанна, который "возлежал на персях Господа, был священником и носил дщницу *τὸ πέταλον*", как напоминал несколько позже Смирнский епископ Поликарп: и он праздновал Пасху "по Евангелию в четырнадцатый день, ни в чем не отступая от правила веры, но во всем держась его" (Евс. V. 24). Апостол Иоанн был истинным израильтянином по духу, любил и чувствовал Ветхий Завет, был ближе к апостолу Петру, нежели Павлу, и к тому же, воспоминания пасхальной ночи имели для него особую, личную яркость. Может быть именно с его личным примером и связано упорство малоазийцев в пасхальной практике. Обычай праздновать день Воскресения не был только римским. Можно думать — он с самого начала установился в Церквах всех языков, среди них римская была самая влиятельная. К тому же, по-видимому, в первые годы вероятно и не справлялось годичное воспоминание Воскресения Христова — оно воспоминалось каждую неделю — "в едину от суббот"... Только постепенно установилась годичная память воскресения, и по-видимому повсеместно. Только в Малой Азии держались иудейского обычая. В сущности, здесь не было разделения между Востоком и Западом. Потому в конце II века на соборах не только западных, но и восточных, "единодушно было положено общим правилом праздновать таинство Воскресения Господня не иначе, как в день воскресный" (Евс. V. 28). Малоазийский обычай был пережитком апостольского времени, запоздалым архаизмом. Во 2-ую половину II века этот архаизм становился опасен в связи с обострением иудаистических настроений в евионитстве и монганизме. Поэтому Церковь так решительно борется с ним. Для св.Поликарпа этот обычай имел другой смысл, — смысл живого воспоминания об возлюбленном учителе... Это новое свидетельство о его близости к великому апостолу любви. Можно прибавить еще, что преимущественная память о дне Страстей Господних согласуется с тем ярким мученическим пафосом, который был силен у Поликарпа, как и у его блаженного друга св. Игнатия.

3. В 154 году св.Поликарп был в Риме, а в 155 году принял мученическую кончину в Смирне. О его мученичестве сохранился

рассказ очевидцев в осведомительном послании Смирнской Церкви к Церкви Филомелийской во Фригии, — и "ко всем, во всей вселенной, парикиям святой и кафолической Церкви". Подлинность этого послания не подлежит спору. Написано оно под свежим впечатлением событий. На одном из древних списков есть приписка: "Пострадал же блаженный Поликарп месяца Ксанфика, во вторую декаду за семь дней до мартовских календ, в великую субботу в восьмой час. Был взят Иродом при архиерее Филиппе Тралльском и проконсуле Стации". Эту точную дату нелегко перевести на наше летосчисление. Однако внимательное хронологическое исследование приводит к выводу, что она соответствует 23 февраля 155 года нашей эры. — Послание Смирнской Церкви — окружное, общительное послание. Оно написано в ответ на пожелание знать подробности события. И смирняне просят филломелийцев переслать их послание "более удаленным братьям", чтобы и они прославили Господа "за тот выбор, который Он сделал среди рабов своих". Уже в этом выражении сказывается повышенное уважение к мученическому подвигу: мученики — это отбор, избранники, избранная часть. В час страдания они — уже не люди, но ангелы, и Христос с ними. В рассказе много исторических деталей. Особенно нужно подчеркнуть — христиан преследуют как безбожников, атеистов, *τοὺς ἀθεοῦς* (III. 2. IX. 2). Мы знаем, что это было действительно одним из главных обвинений против христиан, особенно в народных массах, — христиане не признавали и не почитали языческих государственных богов, не принимали участия в общем культе, и потому казались безбожниками тем, кто не знал и не чтит единого истинного Бога. При великом уважении к мученическому подвигу, смирняне подчеркивают, что не следует его искать, "предавать самих себя", — это несогласно с Евангелием. И они рассказывают нам, как один фригиец, по имени Квинт, сам явился к проконсулу, и увлек с собою других, — но убоился мук, отрекся и принес всеожжение. — Св. Поликарп пострадал во время гонения. Он не был первым мучеником в Смирне. До него многие пострадали. Он уединился в маленьком сельском домике недалеко от города, и там молился о всех и о Церквях всего мира, — "по своему обыкновению", замечают смирняне (V). За три дня до того, как он был схвачен, во время молитвы он видел: его подушка была охвачена огнем, — тотчас же он объяснил: меня

сожгут живым (V). Его выследили и нашли. Это было в пятницу. Пришедших взять его он встретил в мире, предложил им трапезу, а сам, с их разрешения, встал на молитву, — она была вдохновенной, — "настолько была полна благодати, что в продолжение двух часов не мог он умолкнуть". Преследователи были смущены (VII). Ириарх (начальник полиции) и его отец встретили его на дороге, пригласили к себе в колесницу и убеждали его принести жертву, — раздраженные его молчанием и кротким отказом, они вытолкнули его из колесницы с такою силой, что он поранил ногу. Его повели на стадию, где неистовствовала толпа. На стадии святого убеждал проконсул. Святой ответил: "Я — христианин. Если хочешь узнать учение христианства, назначь день и выслушай". Проконсул сказал: "Убеди народ", — в этих словах слышалось презрение. Блаженный старец отвечал: "Тебя я удостоиваю слова, ибо нам предано воздавать честь подобающую властям и началам, поставленным от Бога, поскольку то не вредит нашей вере, а этих людей я не считаю достойными, чтобы защищаться пред ними"... Народ требовал казни. У проконсула уже не хватило зверей, — он осудил Поликарпа на сожжение. Поликарп взмолился на костер с дерзновением и радостно, лицо его исполнилось благодати. Народ собирал дрова для костра, — из мастерских и из бань. Как обычно, всего более усердствовали иудеи. На костре святой молился словами благодарения и хвалы, — "огонь принял форму шатра и, подобно корабельному парусу, надутому шатром, окружал тело мученика, так что, находясь в середине, оно казалось не плотью сожигаемой, но золотом или серебром, разжигаемым в горниле". И очевидцы прибавляют: "Мы ощущали при этом такое благоухание, словно курился ладан или иной какой драгоценный аромат". Пришлось праведного добить мечом, — пролилась кровь и залила огонь. Чтобы тело мученика не досталось христианам, по наущению иудеев, по языческому обычаю сотник сжег его. "Но мы потом собрали его кости, — сокровище, драгоценнее дорогих камней и чище золота, чтобы положить их в достойном месте", — и на святых мощах праздновать день его мученического рождения (XVIII. 3), когда приял он "венц нетления" (XIX. 2). — Смирняне разделяли мысль своего блаженного епископа: в мученических светолепных узах он видел венцы избранников Божиих. И исповедовал, что мученики ныне занимают место около Господа, страдания

Которого они разделили, "Которому спострадали" (Фил. IX). И смиряние видели в мучениках "учеников и подражателей Христа", привязанных к Царю и Учителю безграничной любовью (Mart. XVII. 3).

4. Св. Поликарп совсем не был писателем, — если что писал, то по обстоятельствам пастырского служения. Сохранилось только одно Послание к Филиппийцам, — в ответ на их письмо, извещавшее о приезде св. Игнатия. Св. Ириней говорил о его посланиях во множественном числе, — "которые он писал иногда соседственным Церквам для укрепления их, а иногда к некоторым братьям с намерением преподать им увещание и наставление"... Впрочем, и у Иринея есть ссылки только на Послание Филиппийцам. Более позднее указание других писателей нельзя проверить. Подлинность сохранившегося послания хорошо засвидетельствована. Во времена бл. Иеронима оно читалось за богослужением в азиатских Церквах. Полный текст (14 глав) сохранился только в латинском переводе, во всех греческих рукописях только 9 глав, а далее следует вторая часть послания Варнавы, — ясное указание на ошибку переписчика, спутавшего листы. У Евсевия сохранены почти полностью главы 9-ая и 13-ая. Это послание — скорее всего письмо. В нем всего больше нравственных советов. По-видимому, и в Филиппах распространялся докетизм: св. Поликарп напоминает, что кто не исповедует Христа, пришедшего во плоти, тот антихрист, и кто не приемлет "свидетельства Креста", тот от дьявола (VII. 1). Еретическим новшествам и разделением св. Поликарп противопоставляет предание Церкви, — "преданное изначала Слово". Он напоминает филиппийцам об апостоле Павле, некогда преподававшем им "Слово истины" и писавшего к ним послания, — призывает объединиться в истине, *in veritate sociati* (X. 1). Св. Поликарп не излагает учения веры, он предполагает его известным и только о немногом напоминает. Христос, наш вечный Первосвященник, пришел во плоти ради нас, умер за нас и за грехи наши, воскрес и разрешил затворы адавы. Он сидит одесную Бога. Ему все подчинено на земле и на небе. Ему повинуется всякое дыхание и служит, Он придет судить живых и мертвых, и Бог взыщет Кровь Его с тех, кто не уверовал в Него (II). Он все перенес за нас, чтобы и мы имели жизнь в Нем, — Он образ для нас, и образ прежде всего в своем страдании (VIII). Он — надежда наша, и чрез Него приходит спасение от

Отца. Св. Поликарп продолжает борьбу св. Игнатия с докетами. Он повторяет слова Иоанна Богослова: кто не исповедует, что Иисус Христос пришел во плоти, — антихрист (I Ио. IV. 2. 3), и продолжает: кто отвергает свидетельство креста, *τὸ μαρτύριον τοῦ σταυροῦ*, тот от дьявола, и кто извращает слова Господа в угоду своим вожделениям и отрицает воскресение и суд, тот первенец сатаны (VII). Св. Поликарп призывает филиппийцев быть твердыми в вере, напоминает им заповедь любви. Особо дает наставления пресвитерам и диаконам: они должны быть благоутробны и милосердны, заботиться о слабых и блуждающих, не презирать ни вдов, ни сирот, ни нищих, избегать гнева, несправедливости. Они не должны поспешно верить дурным слухам, не должны быть суровы в своем суде, помня, что все мы повинны греху и нуждаемся в прощении, — поэтому и сами должны прощать. Диаконы должны помнить, что они служители не человека, но Бога и Христа. Вдовицам св. Поликарп внушает иметь веру твердую и смиренно-мудренную, заступаться за всех, не верить лжесвидетельствам и помнить, что они — жертвенник Божий. Все должны быть стойки в борьбе со страстями. И главная заповедь — молитва за всех. — Для характеристики св. Поликарпа следует привлечь также его предсмертную молитву, исполненную такой горячей веры. В ней не без основания отмечают отзвуки литургических песнопений и обороты, близкие к языку апостола Иоанна. Св. Поликарп, ученик Иоанна Богослова и учитель св. Иринея, был посредствующим звеном между ними. Он был выразителем той слагавшейся малоазиатской традиции в богословии, которая впервые получила связанное изложение у Иринея и для которой характерна сотериологическая точка зрения — исповедание веры, исходящее из созерцания искупительного дела Христова.

ВХОД В ЦАРСТВО*

1. Шествие

В давние времена крещение и миропомазание совершались не в храме или притворе, а в особом здании, называемом баптистерий.¹ Поэтому сразу же после помазания новокрещеных, облаченных в белые одежды и со свечами в руках, епископ и священнослужители, помогавшие ему в совершении таинства, вели в храм, где собравшаяся община ожидала их прибытия, чтобы начать совершение пасхальной Евхаристии.

Ранние комментарии всегда представляют и объясняют участие в этом шествии как существенную и неотъемлемую часть крещального таинства, как предельное проявление его смысла и значения.² И даже сейчас, несмотря на все преобразования и развитие, несмотря на литургический разрыв между совершением крещения и празднованием Пасхи, этот обряд сохранился. Поэтому весьма важно восстановить его смысл, что должно способствовать восстановлению понимания крещения во всей его полноте.

В теперешней литургической практике шествие совершается в конце крещального богослужения, и, кроме того, такое же шествие (крестный ход) совершается в начале празднования Пасхи. Действительно, в самом конце обряда крещения, сразу же после помазания святым миром, священник вместе с новокрещеным и его восприимниками обходят вокруг крещальной купели, и в это время поется стих из послания апостола Павла: "Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь. Аллилуйя!" (Гал. 3,27). Что касается пасхального богослужения, то каждый знает, что оно начинается с крестного хода: в полночь мы обходим вокруг церкви, и как раз перед закрытой дверью мы слышим первое провозглашение "Христос Воскресе!"

* Четвертая глава из книги "Водой и Духом. О таинстве крещения". Начало см. "Вестник РХД", №№ 142, 143 и 144. Перевод с английского осуществлен в Самиздате. Полностью книга выйдет в издательстве YMCA-Press в 1985 г.

Однако, подавляющее большинство верующих не знает, что первоначально оба эти шествия составляли одно целое, что в ход новокрещеных в церковь, который в ранней литургической традиции открывал празднование Воскресения, был его началом не только по времени, но и по духу. Другими словами, ключ к смыслу послекрещального шествия вокруг купели следует искать в его связи с Пасхой, в его направленности к пасхальной Евхаристии, точно так же, как ключ к пасхальному богослужению нужно искать в его истоках, в крещении. Но, как часто случалось в истории литургии, коль скоро первоначальный ключ был потерян, то появились новые и, как правило, искусственные объяснения обрядов.

Так, например, шествие вокруг крещальной купели объясняется как символ духовной радости, или вечности, или вечного почитания Святой Троицы и т.п. Что касается пасхального хода, то он толкуется как символическое изображение жен-мироносиц на их пути ко гробу Господню. Недостатком таких объяснений с их иллюстративной символикой является не только то, что они неадекватны даже с иллюстративной точки зрения (согласно Евангелию, женщины пришли ко гробу не в полночь, но "очень рано... на рассвете" и нашли камень отваленным от гроба, а сам гроб пустым и т.д.), но и то, что они затемняют и искажают смысл самого богослужения, смысл литургических действий. Литургические действия и обряды, вместо того, чтобы быть событиями для нас в полном смысле этого слова, т.е. чем-то, что действительно происходит с нами и нашей жизнью, средством вхождения в реальность, открываемую и даваемую нам Христом, — становятся обычным представлением, посторонним для нас так же, как роль актера, исполняемая им в пьесе, является посторонней для него.

Поэтому, если уж мы отыскали правильный ключ, мы должны расшифровать то, что даже для историков и богословов кажется случайными усложнениями, возникшими в результате чисто исторического развития и не имеющими значения для *lex credendi* Церкви.

Первая проблема явно касается самого послекрещального шествия. В теперешней литургической практике, перестав быть шествием в церковь, к Евхаристии, оно стало, по мнению многих, простым приложением к крещальному обряду, не прибавляющим

ничего нового к смыслу крещения. Наша первая задача — показать, что даже в своем настоящем виде послекрещальное шествие остается существенной частью крещального богослужения и фактически является предельным проявлением (эпифанией) его смысла.

“Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облечлись” — пост Церковь во время послекрещального шествия. И то же самое поется вместо Трисвятого в пасхальной службе (а также при богослужениях в те праздники, в которые ранняя Церковь совершала крещение, т.е. в Рождество, Богоявление и Лазареву Субботу). Но в ранней литургической практике Трисвятое (“Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!”) было как раз гимном входа, “входным”, процессионным пением, исполнявшимся общиной, когда она вступала в храм и готовилась к слушанию Св. Писания и участию в Евхаристии. Трехантимонное пение Трисвятого, которое сейчас предшествует так называемому “малому входу”, имело место только в определенных случаях и происходило вне церкви и на пути к ней, так что наш “малый вход” был действительно входом в церковь, а Трисвятое было гимном, выражающим смысл этого входа как входа в “Святая Святых”.³ Поэтому замена, в Пасху, Трисвятого крещальным “входным” пением ясно указывает, что в мысли и практике ранней Церкви крещение было органически связано с евхаристическим собранием, находило свое исполнение во “входе в Церковь” и участии в Евхаристии, и что послекрещальное шествие и вход в храм были началом празднования Церковью Христова Воскресения. Это ясно чувствуется и в нашем теперешнем совершении крещального обряда: с одной стороны, шествие вокруг купели непосредственно предшествует чтениям из Апостола и Евангелия, которые обычно составляют первую часть Евхаристического богослужения; а с другой стороны, это пасхальные чтения, т.е. как раз те же самые, которые слушаются во время пасхального богослужения Великой Субботы.

Наконец, этот пасхальный и евхаристический смысл послекрещального шествия открывается в нашем теперешнем пасхальном крестном ходе. Ключевым символом, существенным для его понимания, здесь являются “двери затворенны”. Если этот символ перестали понимать и, как мы видели, заменили чисто иллюстративной символикой жен-мироносиц у гроба, то это

произошло из-за переноса, в относительно недавнее время, названия “царские врата” с дверей центрального входа в храм на створки иконостаса. Однако, в ранний период, в течение которого крещальное богослужение достигло своего полного пасхального выражения, “царскими вратами” назывались двери главного входа храма, ибо весь храм, а не только святилище, был для верующих символом и воплощением Царства Божия. И именно возрождение в крещении и миропомазании открывает двери в Царство, двери, которые были заперты грехом и отречением человека от Бога. Представляя собой дар и опыт воскресения, крещение есть подтверждение Христова Воскресения, единственное “экзистенциальное” доказательство того, что Христос воистину воскрес и сообщает Свою воскрешенную Жизнь тем, кто в Него верует. Таким образом, радостный возглас и утверждение “Христос Воскресе!” раздается в момент, когда шествие новокрещенных приближается к “закрытым вратам”. Этим провозглашением, свидетельством того, что только что свершилось в крещении, отпираются врата и открывается празднование Церковью Христова Воскресения. И это празднование, эта единственная в своем роде ночь, которая, по словам св. Григория Нисского, “светлее дня”, которая воистину есть центр, средоточие, высшая точка всей жизни Церкви, есть, таким образом, празднование не только события, происшедшего в прошлом, но самого Царствия Божия, которому это событие положило начало и которое сделалось жизнью и радостью Церкви. Таким образом, крещение поистине реализует себя как шествие в Церковь и к Евхаристии: к участию в Христовой Пасхе “за Его трапезою, в Его Царстве”. (Лк. 22, 15—16, 29—30).

Второй вопрос, относящийся к послекрещальному шествию, очевидно связан с двойным празднованием Воскресения Церковью: сначала накануне Пасхи, во время литургии св. Василия Великого — в перемену темного облачения на белое, в пасхальных паремиях и явно пасхальной радости, пронизывающей всю литургию; и затем в полуночном богослужении, которое включает в себя пасхальный крестный ход, утреню и литургию св. Иоанна Златоуста. Этому двойному празднованию, которое мы находим также в чинопоследовании двух других крещенских праздников — Рождества и Богоявления, — нигде не было дано правильного истолкования. Все объяснения, относящиеся к данному вопросу,

носили почти исключительно исторический характер, в то время как правильный ключ к этому — опять же богословский: он связан с первоначальным опытом Церкви, для которого крещение было пасхальным таинством, а Пасха была празднованием крещения.⁴

Как мы уже не раз говорили, в ранней Церкви крещение оглашенных совершалось во время Пасхального всенощного бдения и представляло собой интегральную часть Святой ночи (nox sancta). Бдение начиналось фактически как торжественное заключение обучения, приуготовления к крещению. И этот катехизический, предкрещальный элемент еще заметен в вечерне Великой Субботы, еще более — в 15 паремиях из Ветхого Завета, каждая из которых является "прообразом" не только Воскресения, но также и крещения, или скорее спасения как перехода — от рабства к свободе, от смерти к жизни, от земли к небу. В заключение этого последнего и торжественного акта обучения, кандидатов для крещения вводили в баптистерий, в то время как собрание продолжало свое бдение, свое ожидание их возвращения и евхаристического совершения Пасхи. Таким образом, вечернее бдение, совершение крещения, шествие новокрещеных и, наконец, Евхаристия составляли единое празднование.

Изменилось же это празднование, первоначально единое и всеохватывающее, действительно благодаря историческому фактору, который превратил его в два богослужения: первое, согласно Уставу, должно совершаться в вечер Великой и Святой Субботы, т.е. в канун Пасхи, и второе, которое в настоящее время и составляет собственно пасхальное богослужение. Этот фактор заключается в очень большом росте количества желающих креститься, — т.е. следствием христианизации империи и массового обращения ее населения. Со временем становилось все труднее совершать крещение всех желающих в один и тот же день в рамках одного богослужения. Это привело, с одной стороны, к увеличению числа дней, в которые можно было совершать крещение: именно в это время Рождество, Богоявление и Лазарева Суббота и даже на некоторый период Пятидесятница стали крещальными праздниками. С другой стороны, это сказалось и в перестройке самого пасхального богослужения, которое было разделено на две части: часть крещальную и часть собственно пасхальную.

Эта перестройка, вызванная практическими нуждами, способствовала, однако, богословскому и поистине творческому углублению церковного литургического сознания. Было введено новое пасхальное чинопоследование, которое, несомненно, является шедевром, высшим духовным проявлением византийской литургической традиции, уникальной литургической эпифанией всего таинства Спасения.

Действительно, вместо того, чтобы просто исключить крещение из пасхального празднования и превратить его только в службу для крещаемых (решение, которое было принято позднее, во времена литургического упадка, и которое все еще доминирует в нашей литургической практике), Церковь придала самому этому празднованию двойной фокус, выражая тем самым двойной опыт Пасхи как завершения и как начала: Пасхи как завершения Домостроительства, длинной последовательности переходов, которые приуготовляли последний переход и которые нашли свое исполнение в этом последнем переходе, совершенном Христом и во Христе всеми теми, кто в Него верует, и Пасхи как воистину начала нового не вечернего дня Царства Божиего.

Пасху завершения Церковь празднует вечером в Святую Субботу. Это — седьмой день, "Благословенный Шабат", день отдыха, в который Сын Божий почил, совершив Дело Спасения и Восстановления. Это поистине последний день старого времени, конец ветхого мира. И крещение делает нас сопричастниками этого благословенного завершения; сердцем этой вечерней службы является свершение всех времен и всех приуготовлений. Но для Церкви вечер, окончание одного дня и одного цикла, есть также воззвешение и, таким образом, начало следующего дня. Празднуя Воскресение Христово как конец и свершение, Церковь возвещает и открывает также празднование Воскресения как начала. Ибо, поистине, полуночная служба есть не что иное, как сплошной порыв радости, и эта радость, говоря словами пасхального канона, есть радость об "иною жития вечного начале", о явлении Царства Божия в нашей жизни. Таким образом, в вечернем и крещальном богослужениях Пасха являет нам время и жизнь Церкви как постоянную эпифанию конца, а своим ночным и эсхатологическим празднованием она являет их также как начало.

Таковы духовные и богословские комментарии к послекрещальному шествию. В нем новая жизнь, полученная в крещении и запечатленная в миропомазании, открывается в ее динамической — а не статической — сущности, открывается как конец, всегда преобразующийся в начало, как действительный переход из "мира сего" в Царство Божие, как шествие к невечернему дню Божьей вечности. Это связывает крещение, таинство возрождения, с Евхаристией, таинством Церкви: таинством, которым Церковь являет присутствие и дар в "мире сем" Царства Божия. И эту связь мы должны теперь выяснить.

2. Крещение и Евхаристия

Трехчастная структура литургии посвящения — крещение, миропомазание и Евхаристия, — столь явно проступавшая в ранней литургической традиции, практически прекратила свое существование. Как богословие, так и литургическая практика игнорировали ее в течение столь долгого времени, что даже упоминание о ней сейчас многими рассматривается как опасное "новаторство". Однако, мы испытываем необходимость напомнить о ней не по причине некоей романтической и "археологической" любви к прошлому и желанья видеть его искусственно реставрированным (ибо всякая реставрация искусственна), а по причине нашей уверенности в том, что только в рамках этой первоначальной структуры можно выявить и понять полный смысл крещения.

В ранней традиции крещение, миропомазание и Евхаристия были неразлучны⁵ и составляли единое литургическое чинопоследование со строгим порядком, так как каждое таинство находило свое исполнение в последующем таким образом, что невозможно полностью понять одно в отрыве от другого. Если в миропомазании, как мы уже пытались показать, находит свое исполнение крещение, то в Евхаристии реализует себя миропомазание. Здесь под исполнением, реализацией мы понимаем не "действенность", ибо каждое таинство по-своему действительно, а духовную, динамическую и экзистенциальную взаимосвязь между этими таинствами в новой жизни, полученной от Христа. В крещении мы заново рождаемся от Воды и Духа, и именно это рождение делает нас открытыми дару Святого Духа, нашей личной Пятидесятнице. И наконец, дар Святого

Духа "открывает" нам доступ к Церкви, к Христовой трапезе в Его Царстве. Мы крещены, и мы можем принять теперь Святого Духа; мы приняли Святого Духа и можем стать живыми членами Тела Христова, преуспевая в Церкви в меру полного возраста Христова.

Если многие по-видимому не понимают этой взаимосвязи таинств — если они не понимают, почему, согласно св. отцам, Евхаристия была "таинством всех таинств", самоочевидным завершением всякого другого таинства, — то это потому, что, находясь под влиянием определенного направления в богословии, они не понимают действительного значения Евхаристии для Церкви и ее жизни. Для них Евхаристия есть только одно из таинств, один из "источников благодати" среди других, и, подобно другим таинствам, нацелена на личное спасение верующего. Но они не понимают истинно уникального смысла Евхаристии как таинства Церкви, т.е. священнодействия, в котором и для которого Церковь всегда "становится тем, что она есть", являет и исполняет себя как Тело Христово и Храм Святого Духа, как осуществление в "этом мире" Царства Божия. И они не понимают этого потому, что под влиянием Запада легалистическое и схоластическое богословие, которое сформировало современную евхаристическую практику и благочестие, уже давно свело Евхаристию к только одной "реальности": превращению хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, — и исключило все другие аспекты и измерения этого таинства. "Пресуществление" этих элементов и наделение ими для причастия (личного и индивидуального) достойных и желающих получить его — таковы единственно те стороны Евхаристии, о которых идет речь в наших богословских учебниках. И неудивительно, что не только игнорируется органическая связь Евхаристии с другими таинствами — и в особенности с крещением, — но что Евхаристия в сущности перестала быть тем, чем она была для святых отцов: фокусом, источником и исполнением всей — а не только литургической — жизни Церкви, таинством церковного самопроявления и церковного строительства.

Однако в истинной православной традиции — проявляющейся, прежде всего, в самой Евхаристии и в ее чинопоследовании — мы видим совсем другой подход. Здесь сама метабола — превращение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы и причастие от Святых Даров рассматриваются как исполнение, как венец

и высшая точка евхаристического богослужения, смысл которого как раз и состоит в том, что оно реализует Церковь как новое творение, искупленное Христом, примиренное с Богом, получившее доступ к небесам, исполненное Божественной Славы, освященное Святым Духом и поэтому способное и призванное к участию в Божественной Жизни, в причащении Тела и Крови Христовых.

Ясно, что только такое понимание и такой опыт Евхаристии выявляют ее как самоочевидное и необходимое исполнение крещения. Нам говорят, что крещение делает нас неотъемлемой частью Церкви. Но если решающая сущность Церкви открывается в Евхаристии и через Евхаристию, если Евхаристия есть поистине Таинство Церкви, а не только одно из церковных таинств, то вступление в Церковь необходимо влечет за собой вступление в Евхаристию, которая поистине является исполнением крещения. Лучше всего это можно понять, если мы последуем за новокрещеными, когда они вступают процессией в храм, сливаются с собранием верующих и вместе с ними приступают к участию в евхаристическом богослужении.

Действительно, их вход есть, прежде всего, акт присоединения к собравшейся общине, к Церкви в первом и самом буквальном смысле греческого слова *ἐκκλησία*, которое означает "собрание". Их первый опыт Церкви — это не принятие некоей абстракции или идеи, а реальное и конкретное единство с людьми, которые в силу того, что каждый из них соединен со Христом, соединены между собой и составляют одну семью, одно тело, одно братство. Таким образом, Евхаристия, прежде чем она является или может быть чем-то другим, есть собрание, или, лучше сказать, есть сама Церковь как единство во Христе. И это собрание — сакраментально, потому что оно является, делает видимым и реальным, невидимое единство во Христе, Его присутствие среди тех, кто верует в Него, любит Его и в Нем любит всех остальных; и также потому, что это единство есть поистине новое единство, есть победа Христа над "этим миром", над злом, которое как раз и состоит в отчуждении от Бога и поэтому в разъединенности, раздробленности, враждебности, одиночестве.

Это новое единство, как показывает новокрещеным собрание, к которому они присоединились, не ограничивается только людьми.

Оставив мир за дверями Церкви, они находят в ней тот же самый мир, но очищенный, преображенный, снова исполненный божественной красотой и смыслом, — подлинный образ Царства Божия. Это не собрание "беглецов", спасающихся от мира, с горечью наслаждающихся своим уходом из него и питающих к нему ненависть. Послушайте их псалмы и гимны, посмотрите на благородную красоту их икон, их движений, на праздничность всего строя богослужения! Поистине космическая радость пронизывает все это; все творение — материя и время, звуки и краски, слова и молчание — славит и почитает Бога и в этом восхвалении и почитании становится снова самим собой — Евхаристией, таинством единства, таинством нового творения.

Затем Слово Божие: новокрещенные слышали его, еще когда были оглашенными; но теперь впервые они слушают его не со стороны, как призыв и обещание, как слово о Боге, а изнутри, ибо они уже "сограждане со святыми и домашними Бога" (Еф. 2, 19) и могут теперь жить Словом и возрастать в его понимании — Евхаристия являет Церковь как таинство Слова.

Предложение хлеба и вина: сама жизнь, восстановленная как жертвенное стремление к Богу, стремление, которое присоединяет нас к совершенной Жертве и Самопожертвованию Христа, включает в себя всю нашу жизнь и жизнь всего мира, — Евхаристия являет Церковь как таинство Предложения.

Поцелуй мира, исповедание веры: наше принятие друг от друга той божественной любви, которая "излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам" (Рим. 5, 5), наше исповедание той истины, которая одна делает нас снова свободными, "чадами дня, чадами света" — Евхаристия являет Церковь как единство веры и любви.

И наконец, анафора: становление (реализация) Церкви и в ней всего творения во всеобъемлющем, поистине высшем акте благодарения и поклонения, воспоминания и ожидания — акта, который, подводя итоги всей жизни, всех времен, всего существования, уводит нас в вечность, позволяет нам стать — во Христе — пред престолом Бога и предложить Ему вечную Евхаристию Христа.

И вот Церковь дома. Своим сошествием Святой Дух позволил ей подняться на небеса, и здесь, за Христовой трапезой в Его Царстве, в Духе, она знает, что хлеб и вино, предлагаемые ею, воистину стали Телом и Кровью Христа, участием

в Его обоженном человечестве, причастием божественной и неистощимой Жизни.

И вот новокрещенные стали участниками и сопричастниками всего этого. Они были крещены, чтобы, умерев со Христом, соучаствовать в Его Воскрешенной Жизни, и эту Воскрешенную Жизнь Евхаристия являет и сообщает в Церкви, делая ее членом свидетелями грядущих событий.

Теперь можно понять, почему все увеличивающийся отрыв крещения от Евхаристии, как богословский, так и литургический, представляет собой нечто большее, чем чисто внешнее отклонение от ранней традиции. Он действительно искажает оба таинства — разумеется, не в полноте их данности, на которую не влияют наши ошибки и недостатки, но в нашем понимании иприятии этой полноты. Превращенное в отдельный и самодостаточный обряд, крещение уже не ощущается как вступление в Церковь, как постоянный источник ее жизни и жизни в ней. Что касается Евхаристии, этот разрыв, это отсечение Евхаристии от других таинств более, чем что-либо другое, ответственно за ее сведение к статусу одной из многих служб, одного из многих "источников благодати", за то, что ее перестали понимать и ощущать как Таинство Церкви.

Но даже в своем теперешнем виде крещальное богослужение указывает на нечто, находящееся вне его, и, таким образом, напоминает нам об его основной устремленности к Церкви. Мы находим это нечто, эту устремленность в тех чтениях из Писания, которые совершаются сразу же после шествия вокруг крещальной купели. Оба чтения — Послание апостола Павла (Рим. 6, 3—11) и Евангелие (Мф. 28, 16—20) — не просто "объяснения" крещения (такие библейские объяснения давались и до крещения, были частью катехизического приуготовления к нему), но, прежде всего, само откровение обновленной жизни, того нового содержания жизни, которое человек получает в крещении. Плодом крещения, его истинной реализацией, является новая жизнь; не просто лучшая, более нравственная или даже более благочестивая, а онтологически отличная от ветхой. И это отличие, само содержание этой новизны состоит в том, что это — жизнь во Христе. "...Если мы умерли со Христом, то веруем, что также будем жить с Ним". (Рим. 6, 8). Это Его Воскрешенная

Жизнь "для Бога" дается нам и становится нашей жизнью и нашим воскресением. Но Его Жизнь в нас, наша жизнь в Нем как раз и есть Церковь, ибо она не имеет иного существования и иной цели, кроме как быть Христом в нас и нами во Христе. "И вот Я с вами всегда, до скончания века" (Мф. 28, 20): это и есть Церковь; и вот почему таинство Христовой парусии, Его пришествия и присутствия, таинство разделения Им с нами Своей Воскрешенной Жизни и есть воистину Таинство Церкви, и есть воистину исполнение крещения.

3. Обряды Восьмого Дня⁶

В настоящее время последние обряды чинопоследования крещения — отмыwanie святого мира с тела и пострижение волос — совершаются в тот же день, что и крещение, сразу же после чтения Евангелия. Но в служебнике они названы Обрядами Восьмого Дня; и в ранней Церкви, во времена, когда крещение еще естественным образом было связано с Пасхой, они совершались на восьмой день, т.е. в воскресенье, следующее за пасхальным празднованием крещения. И хотя в наше время, по-видимому, никто не обращает на это внимания, ссылка на "восьмой день" дает нам ключ к правильному пониманию этих обрядов.⁷

В ранней литургической традиции в пасхальную ночь чинопоследование крещения не оканчивалось. Ибо в течение всей недели, следующей за ней, новокрещенные ежедневно собирались в храме для обучения тайноводству, т.е. для послекрещального обучения, сосредоточенного на объяснении Евхаристии. Это объяснение не давалось до крещения, т.к., по твердому убеждению Церкви, только крещение — просвещая ум и сердце человека — делает его способным войти в таинство Церкви, вкушать и потому видеть. И так же, как трехдневное пасхальное празднование возникло в связи с обрядом крещения, так и "тайноводственная" неделя стоит у истоков нашей пасхальной Светлой седмицы. Эта неделя, с ее уникальной богослужебной структурой — ежедневным повторением полной пасхальной службы, при изменении только гласа (каждый

день — свой "глас"), — представляет собой непрерывное радостное продолжение празднования Пасхи. Ибо (и в этом суть дела) эта неделя — не просто время для некоторого добавочного обучения: она сама есть часть этого обучения, явление чего-то существенного для смысла крещения и "обновленной жизни", получаемой в нем. И поскольку это явление как раз касается в р е м е н и, сообщение его возможно посредством времени или, скорее, посредством той библейской числовой символики времени, без которой невозможно понять правильно литургический опыт ранней Церкви.

В библейском откровении число *семь* является символом мира: мира, сотворенного Богом и потому совершенного, законченного, "хорошего весьма", но также и мира, искаженного человеческим грехом и превратившегося в "сей мир", подверженный злу и смерти; и наконец, мира как "истории спасения", как места и объекта спасительного акта. Поэтому седьмой день, день, который задает меру времени мира и поэтому организует его жизнь, является выражением и опытом всего этого. Как день, в который Бог почил от всех Своих трудов и который Он благо-словил, это день радования человека о Боге и Его творении, которое связывает человека с Богом. Как перерыв в работе, а не ее фактический конец, отдых, вызванный самой работой, он является выражением порабощенности человека миру. И, наконец, поскольку он напоминает человеку о Боге, но при этом являет и его отчуждение от Бога и его рабство миру, этот день является днем ожидания, днем человеческой надежды на искупление и освобождение, ожиданием дня, находящегося за пределами "седмицы", вне бессмысленного повторения времени, единственным горизонтом которого являются смерть и разрушение.

Этот новый день приходит, и начинается он с Воскресения Христова. Завершив историю Спасения, в остановив в Себе человека и мир, почив в Священную Субботу, Христос воскрес из мертвых в "первый день после субботы". В этот день началось новое время, которое — хотя внешне и остается в рамках "старого" времени этого мира и все еще измеряется числом *семь* — ощущается верующими как поистине новое: открытое вечности, пронизываемое для Царствия Божия, присутствие, силу и радость которого оно проявляет в "этом мире". В ранней Церкви, в творениях святых отцов и в литургической традиции, символом этого нового

времени является число восемь. Ибо, с одной стороны, нет такого восьмого дня во времени этого мира, которое пока неизменно измеряется числом семь. Однако, с другой стороны, он реально существует в опыте Церкви, является действительно самым фокусом этого опыта. С самого начала христиане собирались как Церковь, чтобы совершать Евхаристию, в первый день недели (т.е. день, следующий за седьмым). Таким образом, в терминах этого мира, это был один из семи дней, полностью принадлежащих времени этого мира. Однако полный смысл этого собрания, этого богослужения, как мы уже говорили, был в том, что в нем Церковь выражала себя как восхождение на небеса, а это означает исполнение себя за пределами времени, участие в Христовой трапезе Его вечного Царства. Она воспринимала первый день времени этого мира как восьмой день — день вне времени, вне семи, вне этого мира — как свое участие в "невечернем дне" Царства. И именно этот опыт — выраженный, прежде всего, в ритме Дня Господня, первоначального христианского воскресенья, дня евхаристического восхождения Церкви на небеса — сформировало всю литургическую жизнь Церкви и — хотя, к сожалению, это неизвестно подавляющему большинству верующих — продолжает ее формировать.

Теперь мы можем вернуться к Светлой Седмице и ее значению для крещения. Ибо предполагалось, что Светлая Седмица должна сообщить новокрещеным именно этот опыт времени, и Светлая Седмица была эпифанией и даром именно этого опыта: опыта новой жизни как поистине жизни не от мира сего, дара Церкви *in statu patriae* (на родине) в ее небесной полноте, как поистине дара Царства. Семь дней: все это время ощущается как исполнение вечности, превратившееся в непрекращающуюся Пасху, "радость, и мир, и праведность в Святом Духе". Даже в наше время те немногие, которым посчастливится приобщиться к радости участия во всех службах этой единственной недели, знают, что в этой непрерывной Пасхе они прикасаются к высшей сущности Церкви, ощущают вкус того, чего "глаз не видел, ухо не слышало... но что Бог приутожил тем, кто любит Его".

Однако этот опыт должен иметь конец; новокрещенные *должны вернуться* в мир. Ибо, хотя Церковь и "не от мира сего", Христос установил ее именно в этом мире и хочет, чтобы она оставалась в нем до скончания самого мира. Ее задача — свидетель-

ствовать о Христе в мире, спасением которого Он является, продолжать Его подвиг Спасения, сообщать Его присутствие, давать возможность слышать Его Слово, провозглашать и являть Его Царство. Без восхождения на небеса, без осуществления себя как Тела Христова и Храма Святого Духа — другими словами, без ухода из "мира сего", где она пребывает *in statu viae* (в пути), в странствии и ожидании Царства Божия — Церкви не о чем было бы свидетельствовать. Без возвращения в мир она не могла бы совершать свою божественную миссию и перестала бы быть служением и жертвой Христа. Отсюда двойной ритм церковной жизни: уход из "этого мира" в "восьмой день" Царства Божия — и возвращение в реальность и время седмицы. Отсюда и заключительный акт крещального богослужения, состоящий из обрядов, выражающих возвращение, означающих начало христианской жизни как миссии и свидетельства. Эти действия совершались на восьмой день после крещения. Это означает, что начало новой жизни есть поистине возвращение, что из недр неизреченной глубины пасхального опыта, основного опыта Церкви, новокрещеным приказывается возвратиться — они посылаются в мир. Это воскресение, первое после Пасхи, называется Новым Воскресением. Это означает, что "новый эон", начало которого явлено и положено Пасхой, остается таинственно присутствующим, реальным, ощутимым в "старом" времени этого мира, что он действительно есть сила, посредством которой Церковь и ее члены могут совершать свою задачу и миссию в мире. Начинается послепасхальное время, но оно пронизано радостью и светом Пасхи, энергией, исходящей от нее, делающей ее источником и критерием всякого поступка и самой жизни. И новокрещенные посылаются теперь во время, сотканное из напряжения и борьбы между старым — в нас, в мире и в жизни — и новым.

4. Отмывание святого мира

Первый обряд, приготовляющий новокрещеного к этой борьбе, открывающий борьбу как содержание христианской жизни, есть отмывание святого мира:

И во осмый день паки приносят его в церковь,
во еже омыти...

В ранней практике этому обряду предшествовал другой обряд — возложение епископом рук на голову неопита, и на этот обряд до сих пор есть ссылака в первой молитве восьмого дня. Новый христианин посылается в мир, где он должен стать, как уже было сказано, свидетелем (буквально — мучеником) Христовым, глашатаем Царства Божиего и поэтому борцом против "князя мира сего". Его жизнь будет насыщена постоянной опасностью и нескончаемыми искушениями. Ибо мы знаем из Евангелия, что враг, хотя и поверженный победой Христа, готовит последнюю и отчаянную битву против тех, кого Христос отвоевал у него, с тем, чтобы "прельстить, если возможно, и избранных". (Мф. 24,24). Исторические горизонты Евангелия вовсе не оптимистичны, но полностью противоположны нашему современному мифу о прогрессе: "...Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле!" (Лк. 18,8). Конечный результат борьбы — это либо вечная жизнь, либо вечная смерть, спасение или гибель. Отсюда "военизированные" язык и символика ранней Церкви, столь чуждые современному христианину, озабоченному своими "проблемами". Интересно было бы проследить эту постепенную трансформацию христианского мироощущения, его отрыв от первоначальной мужественности. Но факт остается фактом, что если ранняя Церковь считала себя воинством Христовым, народом Божьим, мобилизованным на борьбу с врагом, то современный христианин предпочитает определять себя и свою веру в терапевтических терминах, видеть себя не как воина, призванного на долгую войну, а как пациента в клинике.

Однако, чтобы понять обряды восьмого дня, нужно вспомнить первоначальный воинственный дух Церкви. И действительно, епископ предстает сейчас перед новокрещеными как военачальник, принимающий под свое командование новых рекрутов. На них еще их новая яркая форма, они еще полны энтузиазма и рвутся в бой, желая утвердить себя. Но военачальник знает, что предстоящая битва будет долгой и страшной, что его людей ожидают страдания и усталость, а порой и разочарования и поражения. Таким образом, первая молитва, читаемая священником, — это молитва, просящая защиты, помощи, смелости, верности, терпения:

...щит веры его не наветован от врагов соблюди; нетленная одежду, егоже одеяся, нескверну в нем и неблазнену сохрани...

Затем он возлагает руку на их головы и говорит:

...возложи на него руку Твою державную, и сохрани его в силе Твоея благодати, некрадомо обручение сохрани, и сподоби его в жизнь вечную и в Твое благоугождение...

Один лишь Бог может охранить нас в превратностях и отчаянии нашего земного странствования и борьбы. Это возложение рук есть, таким образом, назначение новых офицеров, вручение им походных предписаний, знака и дара того героизма, без которого не может быть христианской жизни.

Новый христианин принимает это назначение: "Главы ваша Господеви приклоните", — говорит священник, и преклонением головы новокрещеный показывает свое послушание, свою готовность подчиниться дисциплине воинства Христова, оставаться в его рядах, искать не собственной славы и удовлетворения, а победы своего Господа.

И священник молится:

Одеявшийся в Тя Христа и Бога нашего, Тебе подклони с нами свою главу, егоже сохрани непобедима подвижника пребыти на всуе вражду носящих на него и на ны, Твоим же нетленным венцем даже до конца победителя вся покажи.

Яко Твое есть, еже миловать и спасати...

Теперь внешние знаки и символы могут быть устранены, потому что отныне ничто внешнее уже не поможет; только внутреннее усвоение человеком дара благодати, веры и верности поддержит его. Когда начинается реальная битва, яркая и блестящая форма становится бесполезной и сменяется на форму походную. Итак, белая одежда снимается. Чтобы победить врага, Сам Христос сивлек с себя Свое славное одеяние и принял вид раба. Но нигде Его слава не была проявлена столь очевидно, как тогда, когда "Он уничижил Себя Самого, приняв образ раба... быв послушным даже до смерти, и смерти крестной". (Фил. 2, 7-8). Тогда был прославлен Сын Человеческий. Белая одежда снимается, и смывается святое

миро, ибо они были даны не как знаки, а как сама реальность, знаки, которые должны быть преобразованы в жизнь. Вот почему священник, смывая миро с тела, обращается к самому человеку:

Оправдался еси. Просветился еси. Освятился еси. Омылся еси именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего...

Теперь новокрещеный готов встретить лицом к лицу мир, начать свою "маририю".

5. Пострижение

Последний обряд — это обряд пострижения волос. Пострижение всегда было одним из основных религиозных обрядов: символом послушания и жертвы. С незапамятных времен люди чувствовали в волосах наличие "маны", сосредоточение в них силы и энергии человека. Примером такой веры служит библейский рассказ о Самсоне. Но даже в наше время кое-что от этой веры остается в постоянной озабоченности людей по поводу своих волос и причесок. Они остаются выражением, символом человеческой красоты, символом национальной принадлежности (например, стиль причесок "Афро"), символом даже некоторых глубоких и патологических отклонений в человеке. Короче говоря, существует "тайна волос" как одного из основных средств самовыражения, самоутверждения и характерности. Поэтому христианский обряд пострижения волос (который, помимо обряда крещения, встречается в монашеском пострижении и в посвящении в чтецы, т.е. в члены клира) не должен рассматриваться как один из многих других "освященных древностью" обрядов, совершаемых неизвестно почему и принимаемых как неотъемлемая часть нашего "наследия". В Церкви все всегда действительное, настоящее. Каждый символический акт символичен именно потому, что он являет саму Реальность, те далекие и неизреченные ее глубины, с которыми мы общаемся посредством символов и обрядов.

Послекрещальное "пострижение власов" начинается торжественной молитвой, которая подводит итоги значению

тайнства: восстановление человека как самого совершенного, самого прекрасного Божьего творения. Как будто Церковь, совершив работу по восстановлению, смотрит на человека и восклицает радостно и ликующе: как ты хорош!

Владыка Господи Боже наш, иже образом Твоим почти-
вый человека, от души словесный и тела благолепного
устроивый его: яко да тело служит словесной души:
главу убо на высочайших положивый, и в ней множайшая
чувств водрузивый... власы же главу покрыл еси... и вся
уды его потребно насадивый, да всеми благодарит Тя
Изряднохудожника...

Человек есть образ божественной неизреченной славы и красоты, и созерцать человеческую красоту и радоваться ей — значит возносить благодарение Самому Богу. Как и все в мире сем, красота была затемнена, унижена, искалечена, превращена в падшую красоту. И некоторые склонны просто-напросто отказаться от нее как от дьявольского искушения. Однако, не таково восприятие красоты Церковью. Несмотря на всю ее деградацию, красота всегда остается божественной как Божий знак и печать на творении. Человек прекрасен, и он должен быть восстановлен в своей красоте, должен возрадоваться этой красоте и вознести благодарение Богу за нее, как это сделал святой египетский монах, чистота сердца которого увидела божественную красоту даже в проститутке.

В нашем падшем мире путь к божественной красоте и ее восстановлению есть послушание и жертва. И таким образом, жизнь начинается с принесения жертвы Богу, т.е. принесением Ему с радостью и благодарностью того, что в этом мире стало символом человеческой падшей красоты. Таков смысл послекрещального острижения волос: это первая свободная и радостная жертва человека от себя Богу. Особенно подлинным и живым это значение становится при крещении младенцев: действительно, ребенок не может предложить Богу ничего другого, и поэтому мы забираем несколько скудных волосиков у него с головы! Славное уничтожение: начало единственно истинного пути к настоящей красоте, радости и полноте жизни.

Наконец, крещальная служба совершена и исполнена. Теперь должна начаться "нормальная" жизнь. Но насколько отличной от

нормальности, проповедуемой нам и накладываемой на нас этим миром, должна и может быть эта жизнь, если крещение остается ее скрытым, но все же истинным источником и силой! Так же, как вся жизнь Церкви уходит своими корнями в Пасху и ведет нас через Пятидесятницу и время "после Пятидесятницы" к новой Пасхе, вся наша жизнь, начавшаяся в крещении, превращается в переход — странствие и восхождение — к не вечернему дню вечного Царства Божиего. И по мере нашего продвижения, борьбы и труда, таинственный свет этого Дня уже освещает наш путь, светит повсюду, преобразует все, все делает жизнью в Боге и путем к Богу. Только когда завершается крещальное чинопоследование, крещение начинает "действовать" в нас.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: F.J. Dölger, Zur Symbolik des altchristlichen Taufhauses: Das Oktagon und die Symbolik der Achtzahl, in: *Antike und Christenthum* 4 (1943), S. 153–187. H. Leclercq, Baptistère, in: *Dictionnaire d'Archéologie Chrétienne et de Liturgie* 2. 1, 382–469. W.M. Bedard, Symbolism of the Baptismal Font, Washington, 1951.
2. О послекрещальном шествии см.: St. Ambrose, *De Myst.*, 43; св. Григорий Назианзин, *Patr. Graeca* 36, 425 А. Daniélou, *Bible et Liturgie*.
3. Часть божественной литургии до входа рассматривается в моей книге о Евхаристии. См. мою статью "Таинство входа" в *Вестнике РСХД*, № 111, Париж, 1974.
4. Фактически не существует полного исследования двойного евхаристического празднования Пасхи на Востоке. То же относится и к Западу. См.: J.W. Tyrer, *Historical Survey of Holy Week, Its Services and Ceremonial*, Alcuin Club Collections, 29 London, 1932, p. 169. На Востоке этот вопрос как будто не обсуждается. См.: Lazar Mirkovich, *Kheortologia*, Beograd, 1961, с. 62 и далее. Главная трудность состоит в том, что все существующие Типиконы относятся к более позднему времени по сравнению с возникновением этой практики. См.: А. Дмитриевский, *Описание литургических рукописей*, т. 1, Типиконы, Киев, 1895. См. также его "Богослужение страстной и пасхальной седмиц во св. Иерусалиме", Казань, 1894. Г. Орлов, *Объяснение пасхального богослужения*, Москва, 1898. Похоже на то, что двойное празднование пасхальной Евхаристии — упоминаемое уже у Etheria в *Peregrinatio*, 38, возникло в Иерусалиме. Я надеюсь рассмотреть этот вопрос в отдельной работе "Пасха и Пятидесятница".
5. См. у св. Иоанна Златоуста: "...Как только они выходят из этих святых вод, они приводятся к трапезе священной и бесчисленных исполняются благ, и Тела вкушают и Крови Господней и обиталищем становятся Духа". (Огласит. слова 2, 27, в: *Ancient Christians Writers*, 31, p. 53). Общее исследование этой взаимозависимости приводится у Daniélou, *Bible et Liturgie*, гл. 9–10. См. также: Алмазов, *История...*, с. 438. Эта связь была еще очевидной для Симеона Фессалонийского (XV век), который пишет: "Это-то и составляет конец всех таинств, чтобы, освободившись от заблуждения и греховной нечистоты и сделавшись чистыми и запечатленными Христу в Святом Духе, мы причастились плоти и крови Самого Христа и телесно соединились с Ним". (*Писания Святых Отцов и учителей Церкви*, т. 2, СПб, 1856, с. 73). Учебники догматики, однако, все это просто-напросто игнорируют. (См.: Сильвестр, *ук. соч.*, с. 455 и далее; Gavin, *op. cit.*, p. 316; Trembelas, *op. cit.*, p. 139).
6. Об обрядах восьмого дня см.: Алмазов, *История...*, с. 466–475. F. Cabrol, *La Semaine Sainte et les origines de l'année liturgique*, Paris, 1906.
7. О восьмом дне в христианском богословии и духовной жизни см.: *Le Jour du Seigneur*, сб. статей, Париж, 1948; Daniélou, *Bible et Liturgie*, гл. 16: "Восьмой день".
8. "Оправдался еси, просветился еси, освятился еси, омылся еси"... "Здесь, — пишет епископ Вениамин, — все первые слова, кроме последнего, т. е. *омылся еси*, изображают три таинства, совершившиеся на просвещенном. Выражение *оправдался еси* показывает, что он получил прощение грехов... *Просветился еси* — выражает просвещение души верою... В словах *помазался еси* заключается все таинство миропомазания. Выражение *освятился еси* относится к таинству причащения..." (*Новая скрижаль*, изд. 14, СПб, 1844, с. 364).
9. См.: Van der Leeuw, *Religion*, p. 42–43. Алмазов, *История...*, с. 445 и далее.

ОБ ОТНОШЕНИИ ХРИСТИАНСКОГО СОЗНАНИЯ К ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ТРАДИЦИИ

"Сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам", ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму".

(Мф. 3, 8–9)

"Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном, а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов".

(Мф. 8, 11–12)

Нынешняя расстановка общественных настроений в СССР характеризуется их крайней поляризацией. На крайнем правом их фланге находятся силы так называемого "русского национального возрождения". Для "русского национального возрождения" характерно отталкивание от западной культуры и западного опыта, а также большая или меньшая степень неприязни к евреям, как "проводникам западных идей и бездуховного, антихристианского секуляризованного сознания". Это направление, называемое еще "нео-славянофильством", в настоящее время набирает силы, охватывая все более и более широкие круги народа и русской интеллигенции.

На противоположном фланге находятся "либералы" или представители так называемого "демократического движения".

За последние несколько лет усилилась напряженность между этими двумя крайними направлениями в общественной мысли. Каждая из крайних группировок видит в противоположной исчадие мирового зла. Наиболее крайние сторонники "русского национального возрождения" видят в представителях "демдвижения" адептов мирового "сионистско-масонского заговора", стремящихся к уничтожению России и всего христианского мира, а наиболее либеральные

либеральные сторонники "демдвижения" считают, что целью "русского национального возрождения" является установление диктатуры национал-социалистического типа и "полное решение еврейского вопроса", в лучшем случае — путем высылки всех евреев за границу, в худшем — путем их физического истребления. Каждая из крайних группировок склонна преувеличивать значение противоположной себе, склонна обвинять противоположную в сотрудничестве с властями. Таковы они в отрицательных частях своих взглядов.

Но давайте разберемся, так ли уж противоположны они в своих положительных идеалах?

Высшей ценностью для "русского национального возрождения" является (или должно являться) христианство.* Один из важнейших основателей славянофильства, И. С. Аксаков, писал: "христианство есть венец иудаизма — конечная цель, к которой иудаизм стремился, которая осмыслила его историческое бытие... хотя теперь иудеи за свое неверие не пользуются действительными благодеяниями Божиими, но поелику они принадлежат к избранному роду, — такому, который из всех языков избран Богом и Им себе усвоен, то Бог, ради сего избрания, которого удостоены ради отцов своих великих, не вконец отвратился от них, не вконец отверг их, но продолжает отечески воззреть на них и готов опять принять их, как только уверуют".

Пытаясь выяснить, что является источником ценностей русской культуры, мы приходим к Библии. Она же является источником современной еврейской культуры, за исключением тех составляющих еврейской культуры, которые возникли уже в позднее время под влиянием жизни в Европе.

* Здесь мы не рассматриваем такое направление русского национализма, которое, подобно гитлеровскому нацизму, выступает даже против христианства, считая его "еврейской диверсией против русского народа". Заметим только, что свои призывы к вытравливанию "семитской заразы" сторонники расового антисемитизма пишут буквами кириллицы, восходящей к греческому алфавиту, который в свою очередь восходит к алфавиту еврейскому (вообще, вся русская культура за тысячу лет настолько пропиталась "иноземными влияниями", в том числе и семитским, что отделить их от явлений "исконно русских" невозможно, — даже если бы удалось доказать, что это желательно).

Напротив, безрелигиозный западный секулярный гуманизм одинаково враждебен как истинно русскому, так и истинно еврейскому духу.

К сожалению, раввинический талмудизм, неправильно называемый его последователями (и не только ими) иудаизмом, привел к кризису религиозного сознания современного еврейства, что сделало его добычей западных секулярных псевдоценностей. В раввиническом талмудизме дух необходимости занимает место духа свободы и вытесняет его. Как замечательно сказал Н.А. Бердяев, "...поистине Мессия, принесший Себя в жертву за грехи мира, есть Свобода, а мессия, устраивающий земное царство, есть необходимость".

Современный раввинический талмудизм не представляет собой единого целого, а раздроблен на ряд разрозненных направлений, из которых наиболее известны: "ортодоксальное", "консервативное" и "реформистское". Все эти направления не объединены ничем, кроме категорического непризнания Иисуса из Назарета истинным Мессией. Это непризнание есть отход от национальных чаяний ветхозаветного Израиля, выраженных им в пророческих книгах.

Современные евреи пришли в Россию с Запада и принесли в нее чуждые ей западные начала. Но эти начала так же чужды истинно еврейскому духу, как и русскому. Мало того, они именно потому чужды русскому духу, что за тысячу лет до этого Россия приняла истинно еврейское мировоззрение в виде христианства.

Избавившись от безбожного западного секуляризма, евреи вернутся к своим истинным ценностям.

Крещение для евреев есть возвращение к своим собственным национальным истокам. Поэтому массовое крещение евреев повлечет за собой не ассимиляцию их в каком-либо из современных христианских народов, а обретение ими нового национального самосознания.

Стало общим местом утверждение, будто принимающие христианство евреи стремятся к "ассимиляции духовной и физической".

Например, Б.Л. Пастернак писал в "Докторе Живаго", что у евреев лишь два пути: усиление национального самосознания (этот путь Пастернак считал губительным) и крещение (по его мнению, неразрывно связанное с ассимиляцией). В прошлом известны

случаи крещения евреев в драматических ситуациях, когда принятие христианства давало материальные преимущества или избавляло от гонений.

Но как можно эти ситуации переносить на современную действительность, когда крещение не только не избавляет от гонений, но усиливает их?

В последние годы мы наблюдаем обращение евреев именно в тех странах, где оно не сулит никаких материальных преимуществ. Исполняется на наших глазах предсказание Льва Тихомирова, что в те времена, когда "церковь будет численно невелика, перед ней преклонятся евреи". ("Христианин", 1907, № 9).

Сознательные церковные христиане, что бы ни утверждали о них недобросовестные обвинители, никогда не страдали антисемитизмом, помня слова апостола Павла: "Если же некоторые из ветвей отломилась, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносишь перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя. Скажешь: "ветви отломилась, чтобы мне привиться". Хорошо. Они отломилась неверием, а ты держишься верою, не гордись, но бойся. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя... Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силен опять привить их. Ибо если ты отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более они природные привьются к своей маслине". (Рим. 11, 17—24). Более того, христианство превозносит евреев в неизмеримо большей степени, чем это делает иудаизм. Ибо если иудаизм и представляет евреев избранным народом, то все же он не поднимается до того, чтобы признавать в Одном из сынов еврейского народа Самого Господа.

Церковь сохраняет предание о том, что евреи являются единственным народом, сохранившим после разделения языков первоязык допотопного человечества. Такие великие богословы, как Блаженный Августин и Феофан Затворник, считали иврит первоначальным языком человечества, а все позднейшие языки рассматривали как результат отпадения человечества (кроме древнего Израиля) от Источника Бытия. Отрыв большей части человечества от Культа Истинного Бога породил раздробление единого языка на множество национальных языков. По словам

С. Н. Булгакова, "множественность языков есть следствие распада человечества в связи с ростом субъективизма и психологизма, то есть пагубное сосредоточие внимания на субъективных, индивидуальных особенностях речи". (С. Н. Булгаков. Философия языка. УМСА-Press, 1948).

Но со времен Авраама до наших дней в истории человечества прослеживается непрерывная преемственность культа Истинного Бога. Этот культ на языке иврит называется Аводат Элогим (дословный перевод: Работа Божья). Этот культ жил сначала лишь в одном избранном народе — Израиле, со времени земной жизни Иисуса Христа он стал достоянием христианской Церкви.

"Наша религия начинается личным отношением между Богом и человеком в древнем Завете Авраама и Моисея и утверждается теснейшим личным соединением Бога и человека в Новом Завете Иисуса Христа, в котором обе природы пребывают нераздельно, но и неслиянно. Эти два завета не суть две различные религии, а только две ступени одной Богочеловеческой религии". (В. С. Соловьев. Собрание сочинений, т. 4, стр. 126—134).

После разрушения Храма местом поклонения Истинному Богу стало всякое место, по слову пророка Малахии: "Нет Моего благоволения к вам, говорит Господь Саваоф, и приношение из рук ваших неблагоугодно Мне. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву, велико будет имя Мое между народами, говорит Господь Саваоф". (Малахии, 1, 10—11).

Ветхий Завет дан богоизбранному народу — Израилю. Но большая часть тогдашних иудеев не приняла Спасителя: "Я пришел во Имя Отца Моего, и не принимаете Меня, а если иной придет во имя свое, его примете". (Ин. 5, 43).

Часть Израиля, составившая апостольскую христианскую Церковь в Иерусалиме, продолжила Аводат Элогим (Культ Истинного Бога), в силу чего христиане и называются "Новым Израилем".

Раввинический талмудизм не является наследником ветхозаветной Церкви уже хотя бы в силу того, что в нем отсутствует сердцевина ветхозаветной, а теперь и новозаветной Церкви, — храмовый Культ. Кроме того, одной из отличительных черт

раввинического талмудизма является его крайний национализм, что вполне корреспондирует с русским национализмом, несмотря на их полярное взаимоотношение.

Если в апостольские времена обсуждался вопрос, можно ли допускать в Христову Церковь неевреев, не заставляя их соблюдать ветхозаветный Закон, то сейчас мы уже дожили до такого времени, когда в кругах русских националистов всерьез обсуждается вопрос о том, можно ли допускать в Церковь евреев ("не разложат ли они ее изнутри, не развратят ли, не ассимилируют ли в ней русских?").

Но ведь все эти обсуждения беспочвенны, потому что в отношении к Богу наследницей древнего Израиля может быть не какая-либо отдельная нация с ее поместной Церковью, но только Церковь в целом как небесное установление, как реальная мистическая связь земли с Небом, — при непрерывном сохранении ею завета с Богом. Церковь ценна не потому, что она охраняет обычаи какого-либо отдельного народа, напротив, — эти обычаи должны быть ценимы нами в силу того, что они вытекают, как и всякая культура христианского народа, из учения и жизни Церкви. Православие выше нации. "...Сама родина дорога, близка и свята для нас — поскольку она церковна". (С. Н. Булгаков. Доклад в июле 1925 г. в Аржероне).

О. Т.

Москва. Самиздат.

Архим. Амвросий ПОГОДИН

**ФРА ИЕРОНИМ САВОНАРОЛА – НЕПОНЯТЫЙ И
НЕПРИЗНАННЫЙ СВЯТОЙ**

Прошло без малого 500 лет с того дня, как монах святой жизни и горячей веры в возможность создания христианского государства и христианского общества – фра Иероним Савонарола – был повешен, тело его предано огню и прах брошен в "мутную Арно". Тогда было сделано все для того, чтобы память о нем исчезла "с шумом" и навсегда. А случилось обратное: Савонарола остался в памяти веков не только как великий человек, но и как человек, достойный любви и уважения, как герой, как мученик, как борец за святость Церкви и порядочность людского общества. Он поднял свой голос против беззаконий, творившихся в те времена в Римской Церкви; возможно, что он пошел дальше положенной меры и в своей горячности, свойственной его благородному характеру, сделал и некоторые ошибки, хотя и *bona fide* верил в свою правоту и, во всяком случае, искал не своих выгод и своей чести, но до крови, до мученической смерти горел желанием видеть, чтобы люди, а особенно люди, правившие Церковью, были христианами, старающимися в своей жизни хоть немного осуществлять принципы христианской морали; хотя бы в малой степени были подвижниками, ограничивающими свои страсти и гордыню; хотя бы в малой степени были более человеколюбивы, целомудренны и истинны. Ведь христианство – это не литературное творение, не философское начертание, не эстетическое вдохновение; христианство – это жизненная задача; это – смысл жизни и труда; смысл, без которого жизнь представляется пустой и темной; христианство – это жизнь человека, построенная на сильном, светлом и радостном подражании Христу. Вот это-то Савонарола и напоминал людям и восставал против зла, творившегося в те времена и в Церкви, и в людском обществе. Результаты – известны. Савонарола, можно было думать, не достиг ничего; весь его подвиг закончился для него страшной трагедией и полным крахом всех его начинаний. Однако, смерть мученика

за правое дело никогда не бывает напрасной. Свою смертью за святые и чистые идеалы христианской морали он заслужил место в истории человечества и свою кровью запечатлел свои богословские творения. Савонарола – итальянский монах, живший во второй половине XV века (1452–1498) в Ферраре, Болонье и Флоренции, где и закончил свою жизнь, – является человеком, который принадлежит в сему миру и всем Церквям. Его богословские творения являются достоянием всякого человека, желающего жить духовной жизнью. Поэтому, движимый этой верой, я дерзаю предложить русскому читателю настоящий очерк, посвященный личности и деятельности Савонаролы. Основную библиографию мы укажем в конце сего очерка.

Автор.

Фра Иероним (Джиrolамо) Савонарола родился в Ферраре в 1452 году. В этом городе в те времена процветали науки и искусства, но благочестия было мало. Вся Италия была в те времена во власти полуязыческого Ренессанса и рационалистического гуманизма. Савонарола происходил из очень хорошего рода. Дед его был врачом при дворе феррарских герцогов. У семьи были планы, чтобы и внук славного деда, Джиrolамо, пошел по его стопам и пользовался некоторой известностью и зажиточностью. Но Джиrolамо не хотел идти по дороге медицины и отдал себя изучению философских наук. Сравнивая философию Аристотеля с философско-богословскими сочинениями св. Фомы Аквината, он всецело отдал свое сердце последнему и в своем богословском творчестве и сам держался строгой последовательности и систематизации материала, свойственных автору "Summa Theologica". В одной из своих проповедей Савонарола говорит, что Аквинат был для него в се; сам же он – ничего (что, конечно, неверно, потому что при схоластическом уме Савонарола имел сердце и душу мистика). Мать Савонаролы, по описанию очевидцев, была "женщиной возвышенных чувств и сильного характера"; эти черты наследовал и ее сын. Видя вокруг себя распушенную жизнь, состоящую в искании удовольствий, и постоянные пустые празднества общества, напоминающего скорее языческое, чем христианское, Савонарола при этом видел полное равнодушие высшего духовенства к

моральному упадку паствы; да у того, впрочем, и трудно было бы ожидать чего-нибудь возвышенного и положительного, потому что, за редким исключением, у *grans maestri*, "великих господ", как их называл впоследствии Савонарола, мораль была на очень низком уровне. Эти свои впечатления и горечь по этому поводу он выразил в двух стихотворениях: "Крушение мира" и "Крушение Церкви". В первом — он говорит, что спасение заключается в бегстве от мира; во втором, более позднем стихотворении, скорбит о том, что в Церкви больше не осталось живых святых и весь церковный корабль находится в упадке. Савонаролу в его юношеские годы вспоминают как бледного, меланхолического юношу, любящего одиночество и поверяющего свои думы лютне, на которой он часто воспроизводил свои грустные мелодии...

Достигши возраста 22 лет, он бежал из дома и присоединился к монашеской общине доминиканского ордена в Болонье. Уходя из дома, он оставил своему отцу письмо и размышление на тему "О презрении мира". В письме он писал: "Мой почтенный родитель, я не могу сомневаться в твоих чувствах по отношению к моему уходу, тем более, что я ушел от вас тайком. Поэтому этим письмом я хочу пояснить, что побудило меня так поступить. Прежде всего, я желаю, чтобы ты был достаточно мужественен и способен презирать мимотекущие вещи сего мира, так чтобы скорее следовать Истине, чем пристрастью, как поступают некоторые женщины. Во-первых, причина моего монашеского пострига — следующая: великая негодность (*miseria*) мира, беззакония людей, похищения чужого имущества, прелюбодеяния, гордыня, идолопоклонничество, жестокое кощунство. Мир стал таким, что невозможно найти человека, который поступал бы праведно. Я не в силах переносить лукавство слепого итальянского народа, тем более, что я вижу, что добродетель чахнет, а пороки торжествуют. Это причиняет мне наибольшее страдание, какое я только могу испытывать в этом мире, и ежедневно я молился Господу Иисусу Христу, чтобы Он взял меня из этой тины... Таким образом, мой дражайший отец, у тебя есть причина не скорбеть, а, наоборот, благодарить Господа Иисуса. Он дал тебе сына, которого сохранил у тебя в течение 22 лет. Не только это, но и был так милостив, что сделал его Своим воином; ужели ты не чувствуешь, что это — великая милость тебе, что у тебя сын — витязь Иисуса Христа? Разреши мне спросить

тебя: любишь ли ты меня или нет? Я знаю, что ты не скажешь, что не любишь меня. Итак, если ты любишь меня, вспомни, что во мне — две части; именно, душа и тело. Какую из них ты предпочитаешь? Ты не можешь предпочесть тело, потому что в таком случае ты отдал бы предпочтение худшей части меня. Но если ты предпочитаешь душу, то почему же не предпочтешь искать добра для моей души? О, я знаю, что плоти приходится немного поскорбеть: но эта скорбь должна быть уравновешена разумом. Не видишь ли, что и для меня — великая скорбь разлучиться с вами? Никогда в моей жизни я так не страдал, как тогда, когда покидал мой дом и уходил в среду чужих мне людей, чтобы принести в жертву Иисусу мое тело, а волю предать в руки тех людей, которых я никогда раньше не знал".

Это письмо, написанное с известной суровостью, которая и естественна при очень суровых в отношении себя принятых решений, смягчается прилагаемым при письме сочинением "О презрении мира", в котором он говорит, что под "миром" он имеет в виду не всех людей, а только лишь тех, которые живут в богатстве и в забвении Бога, и указывает на пример людей простых и необразованных, в которых хранится истина Божия. Этим простым, искренним людей Савонарола любил всю свою жизнь.

В одной из своих проповедей, объясняя свой уход в монастырь, Савонарола впоследствии говорил: "Две вещи я любил выше всего: свободу и покойствие. Чтобы иметь свободу, я не женился; а чтобы найти покой, я убежал от мира и достиг пристанища монашества".

И в письме к матери, 9 лет спустя после того, как он ушел в монастырь, Савонарола выражает те же мысли, что и в письме к отцу. Он советует ей оставить все житейское и отдать свою душу духовной жизни, не смущаясь от приходящих скорбей и испытаний. "Спроси себя, — пишет он, — когда от начала мира и до конца его какой-либо раб Божий был свободен от искушений, гонений и страданий? В мире нет ничего того, что стоило бы ценить; поэтому я молю, дабы и ты и мои сестры Беатриче и Киара всецело отдали себя молитве и совершенно отстранили от себя всякую суету, не только на деле, но и в самом пожелании. Предайтесь уединению, духовному чтению и молитве".

Еще будучи послушником, Савонарола достиг высокой степени подвижничества и за это пользовался уважением всей братии.

Рассказывается, что однажды монастырь, где он находился, посетили двое достаточно известных монахов. Савонарола выразил им удивление по поводу их весьма добротных ряс; они объяснили, что материя, которая дороже стоит, прочнее, поэтому тут вопрос не самоугождения, а простой экономии. "Жаль, — на это заметил Савонарола, — что св. Бернардино и св. Гильберт (одеяние которых, можно сказать, было полунищенским) не знали этого секрета". Всем монахам очень понравился такой ответ молодого послушника.

Вскоре Савонарола был назначен наставником послушников, и среди них у него обнаружились двое особенно преданных учеников: фра Сильвестро и фра Доменико. Фра Сильвестро долгое время страдал болезнью нервов; эта болезнь впоследствии излечилась, но оставила его весьма слабонервным, и он часто впадал в малодушие и отчаяние; вот тогда-то Савонарола и явил себя не только как наставник, но скорее как любящий отец и опекун. Фра Доменико, напротив, был всегда жизнерадостным и воодушевленным церковным работником. Оба они впоследствии стали ближайшими сотрудниками Савонаролы и затем разделили его судьбу.

Проповедь является главным послушанием монахов доминиканского ордена, и монашеские власти посылают монахов в окрестные города и деревни для проповеднической миссии; но Савонарола показал себя настолько слабым как проповедник, что с него сняли это послушание. Ни сам Савонарола и никто тогда не мог предположить, что он станет одним из самых знаменитых, самых сильных ораторов, которые когда-либо были в мире — итальянские ученые единогласно признают его величайшим проповедником в истории Италии, — словам которого с напряженным вниманием будут внимать короли, правители и многотысячные толпы, и что записывавшие его проповеди часто будут не в силах продолжать свое занятие, объятые душевным волнением и слезами, которые вызывали его слова.

Савонарола вспоминает свой "первый успех" как проповедника. Однажды, плывя на кораблике по реке По, ему случилось быть в обществе солдат, которые, играя в азартные игры, свирепо при этом сквернословили и кощунствовали. Савонарола не стерпел сего и стал с силой порицать их и призывать к покаянию; слова лились из его уст мощной рекой, и он сам был поражен силою

их; поражены были и солдаты, которые в волнении собрались вокруг него и на коленях просили простить и благословить их.

Из Болоньи на некоторое время Савонарола был направлен в Феррару. Ему было сказано при этом: "Действительно большая, видно, нужда в феррарской общине". Савонарола впоследствии с болью отмечает: "Этим как бы было сказано, что действительно только по великой нужде и недостатку людей феррарская община готова тебя иметь". В Ферраре Савонарола ничем не проявил себя. Затем Савонарола был временно направлен во Флоренцию. И здесь как проповедник он не имел никакого успеха. Его изложение было вялым, он спотыкался и был не уверен в себе. В это время во Флоренции, которая находилась в самом своем расцвете при правлении Лоренцо Медичи Великолепного, славился проповедник фра Мариано, для которого Лоренцо построил даже особый храм и сам и все видные флорентийцы наслаждались его проповедью; его речь, построенная в классическом стиле, была приятна и изящна и слова лились легко. Фра Мариано был очень популярен во Флоренции. Речи же Савонаролы казались слушателям необтесанными и часто неприемлемыми по форме, да и слушателей у него было не более 25 человек. Да и из этого числа говорили ему: "Отец, никто не отрицает, что твое учение правильно, полезно и даже необходимо; но твоя манера представлять это учение не обладает изяществом формы; и это особенно видно, когда перед нашими глазами пример фра Мариано". Монашеские власти стали посылать Савонаролу проповедовать в различные окрестные деревни, где слушатели были менее прихотливы и менее критически расположены к проповеднику.

II

Перелом в проповеднической деятельности Савонаролы наступил в 1486 году, когда Савонарола выступил с проповедью в Сан Джиминьяно (около Сиены). Он представил слушателям три пророчества: 1) Церкви предстоит испытать бедствия; 2) это — необходимо для того, чтобы Церковь обновилась: реформы в Церкви назрели и необходимы; 3) и это произойдет вскоре. Савонарола подчеркнул, что эти пророчества не были результатом

непосредственного ему откровения свыше, а вытекают из изучения св. Писания. Позднее, в своем трактате "Compendium Revelationum", он писал, что впоследствии пришел к убеждению, что Богу было угодно открыть ему, недостойному и смиренному, судьбы Церкви и поручить ему миссию бороться за чистоту христианского общества. Он говорит о том, что чувствовал личную немощь перед грандиозностью задачи и видел к себе недоверие и насмешки со стороны окружающих. Это его побуждало отказаться от пророчествования и от борьбы. Он готов был говорить и писать, но на иные темы. Однако, внутренний голос требовал от него иного. Глубокое убеждение в том, что он действует по воле Божией, давало ему силу и вдохновение в его титанической борьбе, несмотря на впоследствии создавшийся и обострившийся конфликт с его врагами и во Флоренции, и в Ватикане.

Как человек безупречной внутренней чистоты, он не мог не подвергнуть анализу самого себя: прав ли он в своем убеждении, что Бог дал ему дар пророчества и миссию бороться за чистоту Церкви и общества? не руководит ли им дух лукавства и не вовлекает ли в духовный самообман, "прелесть"? не является ли это все его воображением, внутренне мотивируемым духом неудовлетворенности и тщеславия? В воображаемом диалоге между собою и "искусителем" Савонарола тщательно и не щадя себя исследует все эти вопросы и приходит к убеждению, что Бог дал ему послушание призывать и церковные власти, и окружающее общество к исправлению образа жизни, к покаянию и к духовной чистоте. И в подкрепление порученной ему миссии дал ему дар пророчества, так, чтобы люди, видя, что эти пророчества сбываются во всех подробностях, больше бы прислушивались к его призывам и позаботились об исправлении своей жизни.

Один из историков жизни Савонаролы, Бедуар, рассуждая о том, что отдельные пророчества были присущи святым, говорит, что Церковь всегда относилась с осторожностью к пророчествам, находящимся вне Священного Писания, считая, что они не имеют существенного значения в деле веры и спасения. "К пророчествам, учит Церковь, следует относиться с осторожностью. Общие пророчества, говорящие о гнев Божием, были присущи и многим проповедникам в средние века. Но в отношении Савонаролы дело обстоит иначе: во-первых, он был глубоко образованным

человеком, изучившим философию и естественные науки; а, во-вторых, его пророчества, конкретные и с прямым указанием лиц, мест и событий, поразительно сбывались".

Постепенно слава о Савонароле как о необыкновенном и сильном проповеднике стала распространяться. Рэдер, один из биографов Савонаролы, так пишет об этом периоде его жизни: "Савонарола развил свою собственную манеру проповеди — манеру, близкую к людям и разговорную, напряженную и вместе с тем безыскусственную; он так говорил с паствой, как он говорил со своими послушниками, от сердца, с сердечной близостью человека, спорящего с близким человеком. Когда ему бывали видения, он часто подвергал себя самобичеванию и принимал их с осторожностью; но наконец, в Брешии, после того как он пробыл в трансе пять часов, он имел откровение, в реальности которого он уже не мог больше сомневаться, и он выступил с проповедью, предсказывая, на основании апокалипсического видения, разрушение Брешии и тягости, имеющие постигнуть Италию. Его проповедь наэлектризовала и поразила слушателей. "Паря на крыльях пророчества, его красноречие было возвышенным и неотразимым". (Из второй книги о Савонароле). К этому времени относится его письмо матери, убеждавшей его вернуться в Феррару: "Я отрекся от мира и посвятил себя труду в винограднике Господнем в различных городах, для того чтобы спасти не только мою собственную душу, но также и души других людей. Если Господь дал мне талант, я должен употребить его по Его воле... В Ферраре мой труд был бесплоден: потому что "несть пророк без чести, токмо во отечестве своем". Но не так обстоит дело в других местах: когда я намереваюсь уезжать, мужчины и женщины плачут и лелеют мои слова. Знай, что более чем когда-либо я решился отдать мою душу, мое тело и все познания, которые мне Бог даровал, по любви к Нему и ради спасения моего ближнего. Сегодня я отбываю в Геную".

Но случилось иначе: неожиданно пришло распоряжение от управления ордена, направляющее Савонаролу во Флоренцию, в монастырь святого Марка. Об этом ходатайствовал диктатор Флоренции Лоренцо Медичи, прозванный "Великолепным", который сделал это по совету одного из своих друзей, Пико делла Мирандоля, который 7 лет тому назад слышал проповедь Савонаролы и не забыл произведенного ею впечатления. С тяжелым сердцем

Савонарола во второй раз вернулся во Флоренцию, чтобы остаться здесь уже навсегда и связать свою жизнь с этим знаменитым городом. В монастыре св. Марка Савонароле было поручено его прежние послушание: обучение послушников. Но постепенно аудитория увеличилась: на его уроки стали приходить миряне. Поскольку помещение не могло вместить всех желающих слушать его слова, уроки были перенесены в монастырский сад.

Слава о Савонароле, как о прекрасном проповеднике, стала широко распространяться, и ему было предложено сказать слово в знаменитом флорентийском храме св. Марка. Он не искал этой чести, но предложение считал своим долгом принять. Его проповедь была назначена на 1 августа 1489 года. Перед этим Савонарола всю ночь молил Бога благословить его проповедническую деятельность во Флоренции. Утром Савонарола объявил, что не только в этот день он будет проповедовать, но и еще 8 лет подряд (что в точности сбылось). В назначенный день собралась огромная аудитория; храм не мог вместить всех желающих послушать Савонаролу; вся братия Сан Марко собралась на хорах. С великим душевным трепетом Савонарола взошел на кафедру. Вокруг себя он видел массу, но в ней было очень мало таких людей, которых он мог бы считать своими доброжелателями; в огромном большинстве это были люди равнодушные к слову Божию, но пришедшие послушать нового проповедника, отнюдь не ожидая, что он что-то им даст; были же и явно враждебные к нему лица, пришедшие с критическим настроением для сравнения его с изысканным проповедником фра Мариано...

Прекрасная речь Савонаролы, в которой он сетовал на испорченность духовенства, на теплохладное христианское общество и на упадок веры, — потрясла слушателей. Его пламенная и красивая речь, благородные жесты, непосредственность беседы от сердца к сердцу — не могли не тронуть сердца слушателей... Это была проповедь, полная жизненного значения, а не отвлеченное разглагольствование, которое было тогда в моде. После окончания проповеди последовало долгое молчание, разрешившееся овацией. Многие, помнившие его бесцветные проповеди прежних времен, были поражены совершившейся в нем переменой. Люди не хотели уходить из храма и толпились вокруг Савонаролы и затем толпой проводили его в монастырь. Между первыми, принесшими ему

поздравления, был фра Мариано. Он признал себя побежденным. Но эта "победа" не принесла добра Савонароле: с тех пор фра Мариано стал его лютым врагом и, находясь в Риме, давал о нем самые неблагоприятные отзывы и всячески, и с успехом, вредил ему.

III

Проповедническая слава Савонаролы стала широко распространяться во Флоренции. Образованные круги сначала смотрели на него свысока, его принимали за "невежественного монаха"; однако беседы с ним убеждали, что речь идет о человеке весьма образованном, и было признано, что и среди кардиналов и "великих господ" редко встретишь человека столь образованного в философских науках. Некоторые, опять же, судя по его проповедям, пламенным и горячим, сочли, что имеют дело с человеком неуравновешенным, невоздержанным и вспыльчивым. Однако опыт личного общения с ним показал, что они имеют дело с человеком утонченных манер и высокого воспитания: они ни разу не слышали, чтобы он когда-либо возвысил голос. Действительно, один из биографов Савонаролы определил его как "гения"; а один из современников назвал его "чудом".

В своих проповедях Савонарола подчеркивал, что Добро — самая важная вещь на свете, потому что Сам Бог — Абсолютное Добро, и Бог вложил человеку и всему Своему творению чувство делания добра. Обязанность делать добро вложена в человека, в самую его природу. Как Сын Божий по Своей доброте сошел на землю и предал Себя на распятие ради спасения людей, так Он ожидает, что человек будет изливать на окружающих добро и делать их участниками заложенного в каждом добра. Это и есть тот талант, говорит Савонарола, который Господь поручил Своим рабам, талант, который люди обязаны изливать на других, умножать в себе и распространять на других людей. Христианская жизнь заключается не в обрядах, заключает Савонарола, а в делании добра, т.е. в оказании сострадания и милосердия друг другу. И именно в делании добра выражается христианская вера, основанная на любви и милосердии (16-я проповедь на Книгу Иова). Большинство проповедей Савонаролы, хотя и

дошедших до нас в ущербном виде вследствие недостатков записи, прекрасны и глубоки.

В дальнейшем мы приведем выдержки из некоторых его проповедей (одна представлена нами полностью в "Вестнике" РХД № 135). Здесь я приведу один пример. Савонарола, толкуя 16 главу Евангелия от Марка, говорит: "Евангелист Марк повествует, что рано утром по прошествии субботнего дня (Великой Субботы), три Марии пришли ко гробу Господню, неся с собою благоуханные мази для того, чтобы помазать тело Спасителя нашего. Три Марии представляют собою три вида спасающихся: совершенных, успевающих и начинающих, ищущих Христа. Как я говорил вам раньше относительно сего евангельского чтения, — они несут с собою благоухания и ароматные вещества, т.е. — добродетели, угодные Иисусу. Они достигают гроба Господня, "когда уже воссияло солнце". Если ты действительно ищешь Иисуса, Солнце Правды воссияет в тебе: Оно тебя просветит, и твое желание будет исполнено. Но ты должен ходить в правде (праведности) и в подвиге, потому что благодаря подвигу (труду над собой) ты достигнешь совершенства. Вот, пример трех Марий. Они шли в праведности, ища Господа своего, и видишь, как они были вознаграждены и утешены! И на пути они помышляли в себе: кто отвалит нам камень (от гроба Спасителя)? Так говоря, они достигли Храма (т.е. Гроба Господня), и вот, камень был уже отвален. Это означает, что если ты шествуешь путем доброй жизни, ища Господа, то даже если ты и не знаешь Его, Он обитает в тебе и отымет от твоего сердца камень неведения, и воссиявший в тебе свет возвестит тебе, как и ангел возвестил Мариям: "Иисуса ищите Назарянина? — Воста. Несть zde". — "Я знаю, что вы ищите Христа. — Он воскрес. Его здесь нет", т.е. — ищите Христа на небе: не ищите Его среди вещей этой жизни, ни среди вещей сего мира; ищите Его в небесном, божественном и духовном мире; отрекитесь от любви к мимотекущим вещам сего мира. Он — на небе, и вот, там Он ожидает вас. О, христиане, что вы делаете здесь (на земле)? Попытитесь идти туда, где — ваша Глава. Потому что там, на небе, вы будете благословенными. "Придите и видите", — сказал ангел Мариям; т.е. приступите и посмотрите, что Христос не лежит во гробе: потому что Он воскрес. "Но идите" — идите, шествуйте от добродетели к добродетели в нынешнем мире, если вы желаете найти Христа в будущем мире".

Так говорил Савонарола. Писец, записывавший его слова, замечает при этом: "Здесь до такой степени я был объят умилением и слезы до такой степени заполняли мои глаза, что я не был в состоянии продолжать писать дальше". Такую приписку стенографа мы часто находим среди существующих проповедей Савонаролы.

В 1491 году Савонароле было предложено произнести проповедь в соборном храме Флоренции. Но слова его были необычны для флорентийцев: это не были ласкающие ухо и чувства слова человека, восхвалявшего их несуществующие добродетели, к чему их приучили прежние проповедники. Нет, это были слова обличения и угрозы Божиего наказания. "Хорошо подумайте обо всем, вы — которые — богаты: потому что наказание Божие идет на вас. Этот город следует называть не "Флоренцией", а — логовищем воров, порока и крови". Так говорил Савонарола.

Власти были недовольны его проповедями, и Савонарола ожидал, что его вышлют из Флоренции, как не так давно был выслан за свои проповеди против ростовщичества, бывшего в руках местных евреев, брат Бернардино. Но Лоренцо пока не трогал Савонаролу, которого внутренне уважал. Напротив, он пригласил его сказать проповедь в его дворце в присутствии всей Синьории (правительства Флоренции). Савонарола принял приглашение, но с улыбкой объявил в начале своей проповеди, что не может быть полностью самим собой, как и Христос, несомненно, прибавил он, "должен был так же поступить, когда был приглашен в дом фарисея"... Но затем Савонарола прямо приступил к своей теме: "Все доброе и все злое в городе зависит от его головы, ответственность которой велика, и даже за малые грехи: потому что если голова следует правому пути, тогда и весь город бывает святым. Тираны, однако, неисправимы, потому что они горды; потому что они любят, чтобы им льстили; потому что они не желают восстановить обиженным отнятое от них. Ваш долг — восстановить правду и требовать честного поведения от всех граждан".

Савонарола был очень недоволен Лоренцо, которого считал ответственным за языческий и порочный образ жизни, в котором находилась Флоренция. Лоренцо Великолепный, несомненно, много сделал для Флоренции как для государства и явил себя способным и талантливым правителем и покровителем искусств (см. недавно вышедший труд С. Мее "Lorenzo de Medici and the Renaissance"), но

в отношении морали он был, что называется, циником и оппортунистом и довел Флоренцию до того, что она была в полном моральном упадке и все виды пороков в ней широко процветали. Во власти Лоренцо было бы обуздать эти пороки и вернуть городу вид христианского общества, но он отнюдь не заботился об этом; и это-то и печалило Савонаролу, считавшего, что долг христианского правителя обуздывать и карать пороки и стараться очистить город от безнравственности и в то же время самому давать пример благочестия и поощрять его у граждан.

Когда в 1491 году Савонарола был выбран настоятелем Сан Марко, который был обителью Медичи, он отказался нанести традиционный визит во дворец, как это было в обычае новоизбранных игумнов Сан Марко. Лоренцо был обижен этим и заметил окружающим: "Видите, чужеземец пришел в мой дом и даже не удостоивает сделать мне визит". Савонароле указывали на то, что сама вежливость требует от него посетить Лоренцо. Но на это он заявил, что в своем избрании игумном он видит волю Божию и свой же принцип не может нарушить; принцип же этот состоит в том, чтобы не льстить князьям мира сего и не потакать неправде, но — возвещать волю Божию. Савонарола и Лоренцо никогда не встречались лично. Лоренцо был убежден, что личная встреча способствовала бы улучшению отношений между ними: он знал, что обладает драгоценной для диктатора способностью очаровывать людей. Но Савонарола уклонялся от встречи с ним. Однажды Лоренцо пришел в Сан Марко, ожидая, что настоятель выйдет для того, чтобы его приветствовать. Он медленно обходил здания и монастырский сад. Братия бросилась к Савонароле, который в это время читал книгу у себя в келье. "Великолепный гуляет в саду", — сообщили они ему. "Спрашивает ли он меня?" — спросил Савонарола. "Нет". "Ну, тогда пусть себе гуляет", — заметил Савонарола и не вышел к нему. Лоренцо несколько раз посетил службы Савонаролы и давал богатые пожертвования, которые сразу же и целиком Савонарола отсылал на благотворительные нужды. Понимая, что все это делается для того, чтобы расположить его к себе, Савонарола, однако, не считал возможным сбавлять своего строгого тона, как если бы он имел дело с послушником, вверенным его попечению, который не заботится о спасении своей души. "Хорошая собака не перестает лаять в

защиту своего хозяина, даже если ей и бросают кости", — заметил он однажды в связи с разговорами об отношениях между ним и Лоренцо.

Лоренцо был недоволен Савонаролой, и депутация из пяти наиболее почтенных граждан посетила Савонаролу и убеждала его смягчить свой тон и откровенно дала ему понять, что в противном случае его могут выслать из города. На это Савонарола ответил: "Я знаю, что вы пришли не от себя, но вас послал Лоренцо. Скажите ему, чтобы он поспешил принести покаяние за свои грехи, потому что Господь не боится никого и не щадит князей мира. Я не боюсь, что вы меня изгоните: потому что ваш город — подобен семени, вложенному в землю. Новое учение восторжествует, а старое — сгинет. Хотя я — чужестранец, а Лоренцо — гражданин и первое лицо в городе, однако останусь я, а он уйдет". И несколько дней спустя, в присутствии свидетелей, он предсказал смерть в скором времени трех властителей в Италии: папы римского Иннокентия VIII, неаполитанского короля и Лоренцо Медичи.

Лоренцо остался недоволен ответом Савонаролы, но не привел в исполнение своей угрозы. Фра Мариано было предложено сказать проповедь против людей, берущих на себя право пророчествовать, т.е. косвенно — против Савонаролы. Но фра Мариано самым нетактичным образом обрушился в своей проповеди лично на Савонаролу, понося его и издеваясь над ним. Этим он вызвал негодование даже со стороны своих прежних сторонников и совершенно опозорил себя. Кончилось тем, что фра Мариано сразу же поспешил в Сан Марко к Савонароле, обнял его и попросил прощения, и в знак полноты примирения между ними попросил Савонаролу отслужить с ним вместе божественную литургию, на что Савонарола сразу же согласился и сразу же простил обидчика. Но только обидчик этого не простил и остался тайным и лютым врагом Савонаролы.

Лоренцо, как свидетельствует его секретарь, приказал следить за частной жизнью Савонаролы, надеясь найти что-нибудь, что в какой бы то ни было мере было не на высоте и могло дискредитировать его. Но, как пишет этот человек, "Савонарола во всем был свят и безупречен". В своей прекрасной истории Флоренции Гичардини так отзываясь о Савонароле: "Те, которые в течение

долгого времени наблюдали его образ жизни, не находили в ней ни малейшего следа алчности или какой-либо низменной страсти, какого-либо вожделения или какой-либо слабости; напротив, они видели строжайшую подвижническую жизнь, исполненную любви и сострадания к ближним и строгого соблюдения не внешних форм религии, а — самой ее сущности”.

Предвидя пророческим духом, что Лоренцо долго уже не проживет, и видя, что его проповеди доставляют ему страдание, Савонарола совершенно оставил в своих проповедях критику правительства. Через несколько месяцев Лоренцо был при смерти. Он попросил Савонаролу прийти к нему, заявив окружающим, что это был единственный честный священник, которого он встретил в своей жизни. Савонарола не замедлил прийти к умирающему. Более позднее предание рассказывает, что Савонарола поставил умирающему три требования: 1) всем сердцем верить в милость Божию; на что умирающий сразу же согласился; 2) возместить обиженным то, что он отнял у них; на что Лоренцо, после раздумья, дал согласие; 3) вернуть Флоренции свободу, которую та имела до захвата власти Медичи; на последнее требование Лоренцо ответа не дал и отвернулся от Савонаролы, и таким образом умер, не получив от него прощения грехов.

Но эта легенда не отвечает сообщению единственного бывшего при свидании Савонаролы с умирающим Лоренцо свидетеля. Отнюдь ничего подобного он не говорит, а упоминает только, что Савонарола сразу же пришел к умирающему; напутствовал его и утешал, и вместе с другими вознес о нем свою молитву к Богу. И это последнее — гораздо более соответствует духу Савонаролы, который был весьма добрым и отзывчивым человеком; подвижники действительно бывают суровы, но только до известной меры и не в отношении к несчастному (а есть ли что более несчастное, чем умирающий человек?), к которому приходят с любовью и утешением.

Вскоре после смерти Лоренцо Медичи скончались, как и предсказал Савонарола, неаполитанский король, умерший, по выражению летописца, "sine luce, sine Deo" ("без света, без Бога"), и папа Иннокентий VIII. На престол св. Петра был избран кардинал Родриго Борджиа, занявший престол с именем Александра VI.

IV

Папа Александр VI был избран как наиболее *parabilis* из всех кандидатов, как лицо уже опытное и показавшее себя способным к управлению Церковью. Но и это избрание не было свободно от обвинения в симонии (т.е. в приобретении священного сана за деньги). Церемониймейстер Ватикана того времени, Бухард, отмечает по поводу сего избрания: "Кардинал Родерик Борджиа, племянник папы Каллиста III, вице-канцлер, был избран папой и при избрании принял имя Александра VI; после этого он немедленно расточил и раздал свое имущество бедным". Последняя фраза вся представляет собою сарказм: новоизбранный папа раздал деньги и имения кардиналам, членам Конклава, которые избрали его в папы. Но, в сущности, это было в обычае времени: обыкновенно в папы избирался наиболее состоятельный кардинал, который, принимая папское избрание, раздавал своим избирателям поместья и богатства, которые либо наследовал, либо приобрел раньше и которые теперь, как папа, уже не мог удерживать за собой.

Папа Александр VI не совершал неправильностей в отношении веры и церковного учения; что же касается его частной жизни, то, по обычаю жизни светских властителей того времени, за редким исключением отдельных праведников, и его жизнь, как представляется, была далека от требований морали и даже от того морального уровня, который требовался от простых служителей Церкви, а не только от ее князей. Папы того времени, как и ряд архиепископов-князей, вели войны, жили в роскошных дворцах, в которых мало что напоминало о подвиге и святости, постоянно имели у себя богатые сборища в обществе нарядных дам, из которых некоторые приобретали их особое благоволение. Таков был и папа Александр VI, которому ставится в упрек еще и то, что он дарил высшие церковные должности и церковные угоды членам своего семейства, отнюдь недостойным сего. Но была ли частная жизнь (если таковая может быть у священнослужителя) папы Александра VI действительно жизнью очень дурного человека, как его изображают некоторые его современники? Ватиканскому церемониймейстеру Бухарду нельзя вполне доверять в точности записей, как справедливо показал это Орест Феррара. Более поздние историки, анализируя факты и слухи, склонны считать

многое, относящееся к дурной славе папы Александра VI и его детей, злостной клеветой (см.: О. Феррара, Монсиньер дэ Ро, в некоторой степени М. дэ Бедуар); другие принимают дурную репутацию, которую имел папа Александр VI, как результат его действительно порочной жизни (см.: Пастор, т. 6, Лукас, Виллари, Ридолфи, М. Феррара, Рэдэр и др.); один из ученых, Марсель Брион (в "Le Pape et le Prince"), доказывает, что жизнь папы Александра VI действительно была дурна, но это было в обычае того времени, когда моральный уровень всех князей, как церковных, так и светских, был очень невысок.

Мы не будем останавливаться на сравнении между жизнью папы Александра и жизнью Савонаролы, как это иногда делают историки той эпохи, представляя Савонаролу святым (как, верим, действительно и есть), а папу Александра VI — грешником. У Феррары, в книге "Жизнь и труды св. апостола Павла", проводится сравнение между жизнью Нерона и жизнью ап. Павла; но там мы имеем две совершенные противоположности: жизнь язычника, опустившегося на самое дно порока, и — жизнь величайшего святого, возвысившегося на "третье небо"; здесь же — предоставим Господу Богу судить о степени святости и степени греховности Его служителей. Говоря о папе Александре VI, не будем порицать частную жизнь этого давно умершего человека. Но всякий соприкасающийся с писаниями, с историей деятельности и святой жизни Савонаролы и с описанием его современниками не может *volens-polens* не поставить вопрос, вопрос, который ему поставила история: за что папа Александр VI предал на смерть этого прекрасного человека? зачем он обогрил свои первосвященнические руки кровью этого праведника? Почему он не пожелал внять справедливым увещаниям этого нового пророка? Но вернемся к изложению истории.

Реакция на выбор кардинала Борджиа в папы была различна. Южная Италия отнеслась к сему избранию весьма отрицательно, считая, что худшего выбора, принимая во внимание дурную репутацию кардинала Родриго, нельзя было сделать. Северная же Италия отнеслась положительно, принимая во внимание большой административный опыт и ортодоксальность кардинала. Савонарола никак не реагировал на это избрание. Ни теперь, ни впоследствии он никогда не выступал лично против папы Александра VI.

Несомненно, он слышал о новом папе много дурных слухов, но зло он видел не в частной жизни того или иного князя Церкви, а — в общей структуре полного безразличия к морали и к духовной жизни. Он видел, что Ватикан, кардиналы и гран-маестри не заботятся о морали в Церкви и не прилагают ни малейшего усилия к тому, чтобы в Церкви царствовали святость и правда в отношении Бога и любовь и сострадание к людям. Не отдельные случаи, подающие соблазн, в жизни сановников Церкви, но полный упадок искания правды Божией в Церкви были предметом его страдания: реформа в Церкви должна быть глубже, чем только исправление отдельных личностей: вся институция Церкви должна быть обновлена и стать Мессией для мира, погрязшего во мраке зла. В этом было горение Савонаролы, и это не поняли, и поэтому сводили с ним личные счеты и принимали за личные обиды и за бунтарство против властей Церкви его пророчества и обличения общего зла. Между тем, и это достойно повторения, Савонарола ни разу в своих проповедях не выступал против папы как такового: ни разу не упомянул имени Александра VI.

В 1492 году он имел видение двух крестов, нависших над Италией, и предсказал наступающие для Италии бедствия и опасности. Бедуар склонен видеть, что столкновение между папой и Савонаролой началось с различия их политических взглядов. Политическое положение в те времена складывалось так: на Италию надвигался французский король Карл VIII, который, под предлогом Крестового похода против турок, имел намерение вернуть в свои владения Неаполитанское королевство, некогда принадлежавшее французской короне. Перед походом Карл VIII испросил благословение папы Александра, но получил уклончивый ответ. Возможно, что король не пошел бы на Италию, но в это время кардинал делла Ровере (будущий папа Юлий II) обратился к нему с просьбой, чтобы тот вмешался в дела Церкви. Франция является старшей дочерью католической Церкви, писал он королю, и ей следует позаботиться о благосостоянии Церкви; папа Александр является незаконным и антиканоническим папой, поскольку его избрание было связано с симонией. Кардинал указывал на необходимость созыва Вселенского Собора. В те времена еще у многих на Западе была жива мысль, что Собор преобладает над папой, а не — папа над Собором.

Миланский кардинал Асконио Сфорца по политическим причинам также поддержал короля Карла VIII против папы Александра VI.

И наконец, король нашел поддержку в лице Савонаролы. Но если два помянутых кардинала видели в поддержке короля возможность свести личные счеты с папой Александром и приобрести при этом личные выгоды от прихода французов в Италию, то Савонарола не ждал для себя никакой выгоды от французского короля. Но он видел в нем бич Божий, обрушившийся на страну, чтобы покарать и образумить Италию, включая и Флоренцию, за безверие и упадок христианской нравственности. Говоря на тему о Ноевом Ковчеге, Савонарола пророчествовал, что "Бог наведет воду на землю" — французскую армию; и те, которые теперь же не укроются в Ковчеге Ноя — т.е. в спасительном покаянии, — затем будут горько сожалеть, когда уже будет поздно спастись. Он предсказал, что никакая итальянская армия не устоит перед наступлением "нового Кира", который пересечет Альпы и явится в Италию. Это будет скоро. Пусть флорентийцы не льстят себя надеждой на то, что французы не решатся пересечь Альпы в зимнее время; пусть также не надеются на то, что мощные стены, опоясывающие Флоренцию, и доблесть флорентийцев удержат врагов. Нет, французы придут скоро, и все твердыни Флоренции будут ни к чему. Спасение — которое еще возможно — состоит только в покаянии. Наступление французов одновременно и пугало, и подавало надежды: пугало — как приход чужестранной и мощной армии; давало надежды на то, что это послужит толчком к исправлению и обновлению Церкви. Современник оных событий, Нарди, так отзывался о сем: "Везде, и особенно в римских кругах, настала большая тревога и в то же время надежда: не избрал ли Бог сего короля Своим особым орудием для того, чтобы несколько повысить духовный уровень Своей Церкви?"

Пиеро Медичи не наследовал больших способностей отца. Сначала он имел намерение дать отпор французской армии. Но потом, увидев свое бессилие перед прекрасно оснащенной артиллерией 30-тысячной армией, сдал Карлу VIII все крепости и предложил ему большую денежную контрибуцию.

Поскольку Пиеро Медичи был малоспособным, люди начали тесниться к Савонароле и усматривать в нем политического

вождя, хотя Савонарола всячески уклонялся от этой роли. Он взывал в своих проповедях: "Послушайте меня; или, лучше сказать, выслушайте слова, приходящие от Бога; я ничего иного не могу сказать вам, как только: "Принесите покаяние!"... Приидите, грешники, приидите, потому что Бог призывает вас... О, Флоренция, как Вавилон, ты сидишь при реках твоих грехов. Сотвори реку твоих слез, для того чтобы тебе возмочь омыть себя в ней... Ничто иное не может помочь тебе, о, Флоренция и Италия, как только покаяние!"

Чтобы умилостивить французов, Савонарола был отправлен Синьорией посланником к французскому королю. Савонарола приветствовал Карла VIII как посланца Божьего, пришедшего покарать грешников; он напомнил при этом, что во Флоренции проживают не только грешники, но и праведники, и поэтому пусть король позаботится о том, чтобы его солдаты не совершали насилия в городе, потому что тогда на весах грехов к грехам флорентийцев прибавятся еще и грехи, совершаемые французами, и тогда та цель, которую Бог ему поставил, не будет осуществлена, и Бог отнимет от него его значение и оставит его. Кроме того, Савонарола призвал короля позаботиться, чтобы солдаты уважали честь монахинь, "невест Христовых, обитающих в монастырях", и предупредил его: "Если зло, благодаря тебе, возрастет, то знай, что та мощь, которая дана тебе от Всевышнего, будет разбита в прах". Король с честью принял Савонаролу и с честью отпустил его. И действительно, хотя французские солдаты и совершали грабежи, однако Савонароле приписывается та заслуга, что Флоренция не пострадала от французской оккупации. Когда Карл VIII пожелал конфисковать и увезти во Францию знаменитую флорентийскую библиотеку, опять же Савонарола уговорил его принять вместо этого богатый денежный выкуп, который и собрал среди имущих граждан.

Между тем, Пиеро Медичи, перед тем бежавший из города, пожелал вернуться, чтобы снова взять в свои руки бразды правления, но граждане воспрепятствовали ему войти во дворец: и способный диктатор бывает в тягость, а тем более — неспособный. Был собран "Народный Парламент", и республиканцы с лозунгом "Народ и Свобода" изгнали Пиеро Медичи из Флоренции.

17 ноября 1494 года Карл VIII, сопровождаемый кардиналом дела Ровере, вошел во Флоренцию, встречаемый торжественно и

радостно, не как завоеватель (хотя он именно намеревался держать себя завоевателем), а скорее как освободитель и посланец Божий, как ему внушали это кардинал делла Ровере и Савонарола. Что, конечно, и заставляло его держать себя иначе, чем держится обычный завоеватель. Но поскольку это было все-таки чужеземное вторжение и французские войска (как и всякая солдатня) вели себя не всегда достойно, то флорентийцам было весьма желательно избавиться от своих "освободителей"; и это удалось сделать опять же Савонароле, который убедил Карла VIII не трать зря времени, пребывая во Флоренции, а идти дальше и продолжать свою миссию.

Теперь во Флоренции не осталось никакого управления, ни гражданского, ни военного. Учреждения, которые несли свой труд в управлении страной, как-то обессилели и сникли, так как уже привыкли к деспотическому управлению Медичи. Поскольку их уже не было, то эти учреждения и не были теперь в состоянии привести в порядок дела. На Савонаролу, показавшего себя патриотом Флоренции и весьма умным дипломатом, флорентийцы стали смотреть как на своего вождя не только в духовном смысле, но и — в административном. И хотя Савонарола уклонялся от политической власти, однако теперь он увидел в ней возможность провести духовное обновление и очистить город от несызачества, которое превозобладало во Флоренции во времена Медичи. Последователи Савонаролы, "фрарески" или "пианьони" (как их потом в насмешку называли противники; пианьони — плакальщики, нытики), искали у него указаний для управления страной, и Савонарола — человек большого ума — давал им прекрасные советы, основанные на принципах христианской нравственности, любви к бедным и справедливости. Савонарола верил, что благодаря сему будет возможно и на земле осуществить Царство Божие.

Свои взгляды, свою программу он выразил в ряде трактатов и проповедей того времени, начав с знаменитой проповеди, произнесенной 14 декабря 1494 года. Изложим эту проповедь вкратце.

Савонарола признает, что монархическое управление является наилучшей формой правления при условии, что правитель — хороший и праведный человек; но когда правитель — дурное лицо, то тогда нет худшего, чем такое правление. "В странах жаркого, — продолжает он, — или же, наоборот, холодного климата, где люди недостаточно цивилизованы, они склонны подчинять себя правлению одного человека. Но для Италии, где климат умеренный, такое правление не годится. Выдвижение единичных правителей привело Италию к полному политическому расстройству. Поэтому мудрые учителя советовали, чтобы правление не сосредоточивалось в руках одного человека или одной династии". "Долг флорентийцев в настоящее время заключается в том, — говорил далее Савонарола, — чтобы морально обновиться и понять, в чем заключается общая польза для города". Если они так поступят, то "Флоренция будет расти, становясь более богатой и мощной, чем любое иное государство в Италии. Освободи себя, о, Флоренция, от старых навыков, и обновись во всем, живя по воле Божией".

Затем Савонарола вспоминал, как Козимо Медичи пренебрежительно говорил, что "государство управляется не молитвами и не "Отченашеми"; нет, возражает Савонарола, государство управляется гораздо лучше духовными принципами, чем земными. Савонарола осуждает аморальную политическую философию Ренессанса. "Там, где отсутствует духовный принцип в жизни, там отсутствует и любовь между гражданами. Там, где нет послушания принципам веры, там граждане — разделены между собою: добрая целесообразность и единение не могут существовать среди разногласия".

Попустительство полу делает мужчин женственными, делая их слабыми и малоспособными. Когда материальные средства расточаются на распутство, это приводит к общему обеднению всего города и навлекает на весь город дурную славу. Порядочные люди бегут из такого города, потому что видят то зло, к которому идет город, а в это время преступный и дурной элемент завладевает им.

Савонарола ставит требование, чтобы те люди, которые игнорируют богослужения и не ходят в храм Божий или противятся Церкви, были изгнаны решением Синьории из пределов города. Уже самый тот факт, что эти люди не уважают богослужение,

показывает их лицо: не чтущие Бога — будут ли они кого-либо почитать? действителен ли для них какой закон, кроме закона эгоизма?

Опять же, Синьория должна настоять, чтобы город обладал хорошим духовенством, "потому что жизнь священника должна служить зеркалом, в котором каждый мог бы прочесть правый образ жизни и на основании сего научиться ему и сам". Пусть священники и монахи, не ведущие достойного образа жизни, будут исключены из числа жителей города. Конечно, суждение о клириках не может находиться в руках народа, потому что это суждение принадлежит святейшему папе, разъяснил Савонарола, но и правительство со своей стороны должно прилагать усилия к тому, чтобы город имел достойное духовенство.

Кроме того, напоминал Савонарола, люди не должны до такой степени придавать значение обогащению, но им следует своими излишками делиться с бедными. Затем Савонарола предлагал, чтобы "проклятый содомский грех" был совершенно изгнан из Флоренции и чтобы впредь виновные в нем подлежали уничтожению. Затем он осуждал распутные песни, нескромные шутки и роскошество или нескромность женских нарядов.

Освободившись от дурных обычаев, пусть все заботятся об общем благе. "Граждане, — продолжает Савонарола, — если только вы будете совестливо трудиться для общего блага, то каждому из вас от этого будет лучше, как в отношении духовных, так и материальных благ, чем если каждый будет заботиться только о себе. Вот, я скажу вам для общего блага города: если кто-либо захочет возвыситься над другими гражданами, пусть государство конфискует его имущество". "Никто не должен сам добиваться высоких правительственных постов, но должен ожидать, когда ему их предложат. Соблюдайте эти правила, и Бог благословит город дарованием богатства, которым будут пользоваться все граждане, если они будут честно каждый нести свой долг, а если кто разбогатеет, будет помогать бедным".

Затем он приступал к вопросу о создании формы правления, и, как говорит Бедуар, даже теперь поражает: насколько его взгляды были дальновидными и политически мудрыми. Прежде всего был поставлен вопрос налогов. При правлении Медичи, да и до них, не существовало никакого законодательства по этому

вопросу. На деле же получалось так, что богатые и правящие классы налогов не платили; а так как деньги были нужны государству, то все взымалось с бедных ремесленников и крестьян, и взымалось много и жестоко. Новое правительство — народное правительство — готово было внести закон, освобождающий бедные и средние классы от налогов, так, чтобы все налоги взымались только с более состоятельных классов граждан. Но Савонарола нашел, что и такое мероприятие не было бы справедливым: государство есть общее дело, и налоги должны собираться со всех граждан согласно их доходу и семейному положению. Как общее начертание: налог составлял бы 10% дохода каждого семейства. Эту систему, проведенную Савонаролой, усвоила не только Флоренция, но затем и вся Италия, и она просуществовала до самых недавних времен.

Савонарола обратился к собранию, состоявшему из четырех тысяч граждан: "Граждане, я ожидаю, что вы будете стоять твердо за вашу общину и будете любить ее и помогать ей. Сын имеет такое обязательство по отношению к своему отцу, что никогда не в силах выплатить его. Я говорю вам: община — это ваш отец, и всякий обязан помогать ей. И если вы скажете: мне нет никакой выгоды помогать ей, — помните, что вы не можете так говорить, потому что она защищает вашу семью, ваших детей и ваше имущество. Вы должны прийти к ней и сказать: вот — пятьдесят флоринов; вот — сто; вот — тысяча".

Затем, по настоянию Савонаролы было ликвидировано в городе ростовщичество, "эта губительная болезнь и разъедающий общественную жизнь червь ростовщичества, которое обладало Флоренцией в течение 60 лет, благодаря вероломной и богоненавистнической еврейской секте". Евреи не простили Савонароле крушение их финансовой мощи и, представляется, в последующей гибели Савонаролы приложили свою руку. По предложению Савонаролы, была тут же создана касса взаимопомощи, дававшая займы на минимальных процентах. Затем, для облегчения бедных людей, сумма, вносимая как приданое невесты, была весьма уменьшена по сравнению с той, какая требовалась раньше.

Но главная реформа, которую провел Савонарола, заключалась в том, чтобы, с одной стороны, обезопасить государство от появления диктатора, а, с другой стороны, не допустить беспорядочным народным собраниям диктовать свою волю избранному народному

правительству. Те, кто стремится захватить диктаторскую власть над другими (причем часто и захватывают), являются, по определению Савонаролы, "людьми, не имеющими в себе благодати Божией и сущие вне Его Промысла; обычно — это люди наихудшего типа; при обладании энергией, они не обладают большим умом и не имеют веры в Бога... Они надевают на себя маску дружелюбия, а на самом деле ни к кому не питают дружеских чувств и никому не доверяют; их подозрительность доходит до того, что они не имеют доверия ни даже к своим женам, ни даже к своим детям. Их правление в действительности не может бесконечно продолжаться, поскольку вся страна — хотя, возможно, из страха люди не смеют показать сего, — ненавидит их тиранию. Их власть держится на терроре, но террор рано или поздно дает трещины".

В качестве примера Савонарола советует взять аристократическую Венецианскую республику, государственное устройство которой не допускает появления диктатора. Здесь мы можем упомянуть, что во всей 700-летней истории Венецианской республики была только одна попытка захватить диктаторскую власть, но этой попытке был положен скорый и суровый конец.

Не входя в детали, скажем, что правительство Флоренции, "Синьория", должно было состояться на выборных началах из числа почтенных граждан, имевших уже опыт в управлении государственными учреждениями. На тех же началах составлялись министерства иностранных дел и юстиции.

Наконец, Савонарола потребовал, чтобы была вынесена общая амнистия тем, кто пострадал во время перехода власти от Медичи к народному правительству. Он указал также на необходимость создания высшей судебной палаты, к которой мог бы апеллировать обиженный постановлением министерства юстиции. Оба требования Савонаролы были удовлетворены. "Ободритесь духом, — заключил Савонарола свою речь, — теперь мы полагаем начало. С сегодняшнего дня начинает действовать принцип доброго образа жизни! Но сначала вы должны настроиться к всенародному взаимопрощению. Пусть все прошлое будет прощено и вычеркнуто из памяти. Так я говорю вам, и так я заповедую вам во имя Божие". Савонарола побуждал флорентийцев отдать город всецело в руки Господа Христа, посвятить себя Ему и как бы официально считать Его Царем Флоренции, — и это его предложение было с восторгом принято.

В последующих проповедях Савонарола учил, что государственные принципы должны основываться не на силе власти, но на моральных и духовных началах. Савонарола остался в памяти Флоренции как герой, боровшийся за правду, за равноправие всех граждан и за недопущение того, чтобы сильный и богатый угнетал беззащитного. Он остался в памяти и как защитник бедных. О его реформах и государственных взглядах существует целая литература на итальянском языке. Даже современные деятели основываются на взглядах Савонаролы: широкая и действенная забота о бедных, социальное обеспечение бедных классов при включении их в активную общественную жизнь — отражает взгляды Савонаролы, который, по выражению недавнего мера Флоренции, профессора Н., "вернулся во Флоренцию". Благодаря острому уму и нравственному авторитету Савонаролы, общественная жизнь во Флоренции скоро нормализовалась, и "мятежные, неопытные и склонные к раздорам флорентийцы смогли совершить мирный переход от диктатуры Медичи, со всем сопутствовавшим ей живописным блеском, к умеренному народному правительству", замечает Бедуар.

Между тем, историческое положение в 1494-95 годах сложилось так: Карл VIII занял почти всю Италию. Папа Александр VI сначала не имел другой возможности, как признать его; но затем создал "Священный Союз", объединив разрозненных итальянских принцев, и решил дать французам отпор. Те, почуввав за спиной опасность, начали отступление, и, после боя с итальянцами близ местечка Фурново, совершенно покинули Италию. Карл VIII отнюдь не показал себя ни реформатором Церкви, ни каким-либо особым посланником Божиим.

VI

В начале ничто не предвещало конфликта между Савонаролой и папой Александром VI Борджиа. Савонарола отнюдь не принадлежал к партии, борющейся против последнего, а принял его избрание, как и большинство христианского мира. Когда, еще прежде наступления французов на Италию, монастырь св. Марка во Флоренции ходатайствовал о наделении его самостоятельностью в отношении Ломбардской Общины, подчинившей себе этот монастырь около

40 лет назад, то папа, по ходатайству покровителя Савонаролы, неаполитанского кардинала Гараффы, утвердил прошение Савонаролы вопреки сильной оппозиции. Фра Доменико, посланный Савонаролой в Рим для этой цели, потерял было всякую надежду на то, что отстоит монастырь от подчинения враждебной Савонароле Ломбардской Общине; но Савонарола написал ему, чтобы он не сомневался в том, что правда победит и Сан Марко оставят в покое.

Оппозиция утверждала, что Савонарола вносит новшества и поэтому нуждается "в наблюдении" над ним или даже переводе его в другое место. Реально же дело обстояло так: став игумном монастыря, Савонарола возжелал обновить в нем строгое соблюдение монашеских уставов. Сначала он пожелал вообще перенести монастырь из Флоренции в окрестности ее. Прекрасные, расписанные фресками Фра Анжелико, залы монастыря — фрески изображают прекрасных дев и юношей в богатых одеяниях и с музыкальными инструментами в руках на фоне красивейшего пейзажа, — весь этот, так сказать, романтизм, Савонарола считал не укрепляющим, а скорее расслабляющим дух подвижника. Поэтому он начертал план для скита и наметил уже место для него; стали собирать добровольные пожертвования для его приобретения; но пожертвований было недостаточно; было необходимо взять заем из банков. Вот тут-то старшая братия, которая отнюдь не хотела менять удобства городской жизни на деревенскую глушь, использовала момент, уговорив банкиров отказать Савонароле в займе, что те и сделали. Савонарола не особенно сетовал на эту неудачу и усмотрел в этом волю Божию, являющую, что ему необходимо оставаться и пастырски трудиться в городе. Но он решил осуществить строжайшую дисциплину.

Он напомнил своим монахам, что основатель их ордена, св. Доминик, предупреждал, что "проклят приносящий мирское имущество в монастырь". Савонарола продал монастырские земли и имущества, принадлежавшие монастырю, и полученные деньги раздал бедным. Монахи стали содержать монастырь своим трудом. Савонарола взял на себя самые тяжелые и неприятные обязанности, причем трудился тайно от своих монахов, по ночам моя уборные, собирая сор, переносил на своих плечах тяжелые грузы. Он установил, что у монаха не должно быть никакого своего

имущества в монастыре: единственное, что принадлежит ему, — это его душа, принадлежащая Богу. Поэтому монахи должны были постоянно обмениваться друг с другом своими рясами, книгами и кельями: чтобы ничему не отдавать свою душу. Если до сего монахов Сан Марко можно было узнать по красивой и изысканной одежде, то теперь их узнавали по бедным и ветхим, заштопанным одеждам и бледным, исхудалым лицам. Старые монахи, привыкшие к более легким и обеспеченным условиям жизни, сначала возроптали на Савонаролу. Но видя энтузиазм молодых монахов, и при поддержке их духа добрым и ласковым игумном, взявшим на себя львиную долю трудов, и сами прониклись подвижническим духом.

Число монахов в Сан Марко быстро возросло от 50 до 300; причем в монахи шли сыновья наиболее видных граждан города; так что монастырь стал представлять собою аристократическую элиту Флоренции. Пост, молитва и бдения совершались с таким усердием, что многие молодые монахи разболелись. Тогда Савонарола считал за необходимое, даже вопреки их воле, умерить пыл своих монахов и позаботился о некотором облегчении трудов подвижничества; чтобы монахи не поддались унынию, он устраивал с ними трапезы на лоне природы и предоставлял им развлечься пением и даже потанцевать, составляя хоровод. Савонарола, прежде всего, был глубоко человечен в своем подвижничестве. Его упрекали в новшествах и в юродствовании, когда он ввел в монастыре строгое соблюдение монашеских уставов. На это он возражал: "Ошибочно утверждают, что мы выдумали некий новый образ жизни. Возврат к принципам и примеру наших святых предшественников не является введением какого-то новшества в нашу монастырскую жизнь. Строить бедные дома, носить грубую, ветхую и заплатанную одежду, пить и есть в границах воздержания, обитать в убогой келье, упражняться в молчании и уединении, отделить себя от мира и отдать себя богомыслию — все это нельзя назвать "новшеством".

Выделение монастыря св. Марка из подчинения Ломбардской Общине свело на нет и распоряжение викария ее об отозвании Савонаролы из Флоренции. Вскоре затем Савонарола получил повышение, будучи назначен благочинным монастырей флорентийского округа.

Савонарола провел реформу в своем монастыре, вернув монашеству его назначение, цель и достоинство. Исторические события сложились так, что его деятельность оказалась большим благом для Флоренции и в течение нескольких лет он занимал центральное место в ее истории. Савонарола уверовал, что возможно осуществить реформу общественной и церковной жизни, по образу реформ, проведенных им в монастыре, начав с Флоренции, а потом и во всем христианском мире. Верил он и в то, что Царство Божие распространится на всю землю: потому что и неверные, увидев подъем духовной жизни у христиан, чистоту их жизни и взаимную любовь и милосердие друг к другу, и сами обратятся ко Христу. Начало его деятельности, как мы видели, дало прекрасные результаты. Летом 1495 года он говорил флорентийцам: "Флоренция, вот что я возвещаю тебе: Бог дал тебе мед — иными словами, избрал тебя как свою. Но если ты не захочешь покаяться и обратиться к Богу, Он отнимет от тебя твой мед и даст его другим. Это так же реально, как тот факт, что я стою здесь на кафедре".

VII

Савонарола видел, что весьма трудно исправить как таковое общество, привыкшее к полуязыческому образу жизни Ренессанса. Бедствия исправляют людей; но бедствия, перенесенные вследствие нашествия французских войск, оказались, благодаря тому же Савонароле, весьма легкими и недолгими для флорентийцев; так и временное свержение правления Медичи не оказалось связанным с какими-либо внутренними потрясениями для города или кровопролитием.

Савонарола взывал к флорентийцам: "Неужели вы не видите? Неужели вы не видите теперь, что если вы не перемените вашу жизнь, вы будете страдать? О, Флоренция, порок до сих пор цветет: мужчины предаются азартным играм и богохульствуют, и вы навлекаете бедствия на ваши головы! О, так тяжело изменить образ сложившейся жизни, как изменить ток вод. Вы привыкли к моему надоедливому повторению одного и того же: "Будьте праведными! Живите праведно!" Вы похожи на ворону на

колокольне, которая сначала улетает при первых ударах колокола; но когда привыкнет к звону, сколько ни звони, она сидит на колоколе и не хочет двинуться. Бог — только на устах; никакого — изменения сердца!"

Но можно сказать, что Савонарола ошибался: изменение сердца произошло, и еще какое! Под влиянием Савонаролы, Синьория вынесла законы, способствующие улучшению нравов. Женщинам запрещалось являться в общественные места одетыми крикливо или нескромно (правда, на нарушение этого закона смотрели сквозь пальцы: невозможно было большой город с изящным образом жизни перевести на состояние "клаузуры"). Но женщины легкого поведения были собраны и при звуке фанфар выпровожены из города. Таверны были закрыты, гонки ликвидированы, распущенные пляски запрещены. Игра в азартные игры, богохульство и содомский грех были запрещены под страхом суровейших наказаний.

Люди стали так строго соблюдать посты, что мясники требовали от властей сбавить им налоги из-за резкого падения продажи мяса. По воскресным дням и праздникам всякая торговля прекращалась и только аптеки оставались открытыми. Но моральное возрождение должно было основываться не на строгости законов, а на духовных началах: прежде всего, любви граждан друг к другу. Поскольку во Флоренции было и изрядное число бедных людей, то Савонарола делал все возможное, чтобы облегчить их участь.

В одной своей проповеди, относящейся к этому времени, он взывал к флорентийцам: "Оставьте ваше роскошествование и предметы, служащие для суеты! Продайте ваши излишки, и помогите бедным. Граждане, собирайте милостыню для бедных по всем церквям ради оказания помощи городской и деревенской бедноте. Дайте им, хотя бы в этом году, те субсидии, которые отправляются в университет в Пизе. И если всего этого будет недостаточно, мы конфискуем сосуды и церковные украшения, и я буду первым, кто сделает взнос. Но прежде всего откройте ваши мастерские и магазины и дайте работу людям, которые, не имея работы, праздно стоят на улицах. "Воспойте Господеви песнь новую!" — Господь заповедует вам все обновить и разрушить старое; ничто не должно оставаться из наших прежних дурных законов, наших злых обычаев, нашего дурного (прежнего) правительства!"

Сейчас настало время, чтобы слова уступили место делам, и пустые церемонии — истинным чувствам. Господь сказал: "Я был голоден, и вы накормили Меня. Я был наг, и вы одели Меня". Он не сказал: "Вы построили мне прекрасный храм или хороший монастырь". Он желает от нас только трудов любви. Любовь должна обновить все. О, Флоренция, я не в силах поведать тебе все, что накопилось в моей груди... Если бы я мог открыть тебе, ты бы увидела сосуд новый и запечатленный, исполненный вскипающим молодым вином, которое не имеет выхода".

Эраст Феррара, в своей истории папы Александра VI, среди прочих "вин" Савонаролы, которого он считает сумасшедшим или, по крайней мере, совершенно неуравновешенным человеком, ставит ему в вину и тот факт, что под его влиянием были уничтожены многие предметы искусства. Это обвинение голословно, потому что неизвестно, чтобы при нем погибло бы какое-нибудь значительное произведение времен Ренессанса, хотя, действительно, были сжигаемы соблазнительные картины, поскольку они представляли реальную опасность для нравственности молодежи. Хотя Савонарола вел самый строгий образ жизни, он отнюдь не отвергал искусство. Он его тонко понимал и оказал известное влияние на знаменитых художников Ренессанса, как Лоренцо ди Кредди, Фра Бартоломео, Микельанджело и особенно Боттичелли.

О влиянии Савонаролы на итальянское искусство существует целая литература итальянских ученых. Но языческий Ренессанс он старался так сказать охристианизировать: взять лучшее, что только есть в искусстве, и по-христиански одухотворить его. Он считал, что духовная красота — выше плотской. "Творения, — говорит он, — прекрасны, насколько они участвуют и приближаются по силе и сами к красоте духовной. Подумайте, как прекрасна была Дева Мария, Которая до такой степени была свята!" Савонарола требовал, чтобы иконопись была строгой; изображение Мадонны в богатых одеждах и с распущенными волосами, на фоне парков и дворцов, — столь типичное для художников Ренессанса, — он не считал достойным изображением Божией Матери. Так, например, он говорил в одной из своих проповедей: "Вы наполняете церкви вашей собственной суетностью. Ужели вы думаете, что святая Дева Мария ходила одетой так, как вы Ее изображаете на ваших картинах? Я скажу вам, что Она ходила одетой, как бедная

женщина, одетая просто и до такой степени с прикровенным лицом, что оно едва могло быть видимо. Это же относится и к св. Елизавете. Вы бы хорошо поступили, если бы закрасили иконы, до такой степени неподобающе написанные. Святую Деву Марию — такую скромную и такую чистую — вы на этих ваших картинах изобразили крикливо одетой женщиной".

В библиотеке монастыря Сан Марко хранились (не знаю, что сохранилось от этого в настоящее время) драгоценные кодексы, украшенные прекрасными миниатюрами и золотыми украшениями.

Как мы сказали выше, знаменитая библиотека Медичи была сохранена Флоренцией благодаря Савонароле, который спас ее от того, чтобы она была вывезена во Францию, в виде военной добычи, французским королем Карлом VIII. По инициативе Савонаролы, граждане собрали деньги и дали за нее выкуп французскому королю. Савонарола вошел еще в историю итальянской литературы как поэт. Он оказал большое влияние на последующую поэзию, но не столько на итальянскую, сколько на немецкую. Свой взгляд на сущность поэзии он выражает следующими словами: "Сущность поэзии заключается в философии и мысли, потому что без этого никто не может быть настоящим поэтом. Форма — важна, но не в ней сущность. Поэзия — это нечто гораздо большее, чем форма; поэзия — это зов души к душе".

Заслуга Савонаролы была еще и в том, что он был первый, кто обратил внимание на детей как на моральную силу страны. Молодежь Флоренции не отличалась добродетелью; по свидетельству одного современника эпохи Савонаролы, дети Флоренции "глубоко погрязли во всех видах пороков, так что Флоренция стала вторым Содомом". Савонарола и сам, и при помощи своего горячего помощника, фра Доменико, организовывал юношеские церковные объединения, которые должны были следить за высотой морали в городе.

До сего времени карнавалы сопровождались поголовным пьянством и распутством; песни непристойного содержания оглашали улицы, и соблазнительные пляски смущали более почтенных граждан, опасавшихся в оные бурные дни даже выходить на улицу. Молодежь требовала от прохожих денег на свои увеселения, и это приводило к столкновениям и дракам. Но не только это: дети

бросали друг в друга камнями, и каждый год было несколько убитых и много раненых. Теперь, под воздействием Савонаролы, все это изменилось. Дети, подростки и юноши были организованы в хоры, которые пели священные песнопения. В процессиях с ношением святынь равно принимали участие все граждане. Для детей было сохранено в соборе особое место у проповеднической кафедры. Дети собирали теперь деньги, которые потом распределялись между бедными.

Празднование масленицы приобрело религиозное значение, как выражение чистой христианской радости. В последний день карнавала происходило "сожжение предметов суетности"; для этого со всего города собирались картины и книги нескромного содержания, предметы для украшения лица и тела и т.п. — и все это сжигалось с тем, чтобы на следующий день начать Великий Пост со всем духовным вниманием и в душевной чистоте.

На Вербное Воскресенье процессия из 5 000 детей, одетых в белые стихари и увенчанных венчиками из оливковых листьев, неся красные кресты, возглавляла шествие по городским улицам; за ними следовали судья, главы ремесленных цехов и вслед за ними огромная толпа; впереди всей процессии монахи Савонаролы несли скульптурное изображение Входа Господня в Иерусалим. Процессия проходила по улицам Флоренции при колокольном звоне всех церквей города, при общей радости, часто взывая и получая ответ: "Viva Re Cristo!"

Под влиянием Савонаролы Флоренция, со своим неязыческим Ренессансом, стала святым и праведным городом. По этому поводу один современник событий замечает: "Перемена была чудесной, поразительной, невероятной!" Известный историк папства, Пастор, так отзывается в своей статье об этом периоде жизни Савонаролы: "Поскольку становилось более и более очевидным, что ничего в области реформ нельзя было ожидать от Александра VI, то взгляды многих в Италии начали обращаться на красноречивого доминиканца, который, казалось, сосредоточил в себе все элементы сопротивления антихристианскому Ренессансу и обмирщению Церкви, олицетворяемой в папе. Во Флоренции, испорченной, какая она была, Медичи, и ставшей, по выражению современников, "гнездом языческих философов, распутников, ростовщиков и торгашей, интриганов, политиканов и циников", Савонароле удалось, по

крайней мере на некоторое время, провести поразительный моральный переворот". (Pastor. History of the Popes, т. 6, стр. 3—54).

Приведу свидетельство из книги Виллари ("La storia di Girolamo Savonarola e di suoi Tempi" I. mo v. Firenze 1910): "Никогда до сих пор множество не было охвачено таким благочестивым чувством и так легко не исполнялось слезами. Вид города совершенно изменился. Женщины отбросили свои драгоценности и украшения, одевались просто и вели себя скромно; распущенные молодые флорентийцы изменились как бы по мановению волшебной палочки в выдержанных, религиозных людей; благочестивые песнопения заняли место песней карнавала времен Лоренцо (Медичи); ремесленники проводили свои свободные часы, тихо сидя в своих магазинах за чтением Библии или творений Савонаролы. Все часто пребывали в молитве, наполняли церкви и щедро давали милостыню бедным. И что удивительнее всего, банкиры и торговцы были подвигнуты угрызениями своей совести к тому, что все несправедливо нажитое решили отдать в виде милостыни для бедных: что составило много тысяч флоринов. Все поражались этой исключительной и, можно сказать, чудесной перемене; и несмотря на разбитое состояние здоровья, Савонарола должен был глубоко радоваться, видя, что люди обратились к такому христианскому образу жизни. Теперь действительно он мог бы спокойно умереть! Но его час еще не настал: он был призван Богом к высшей судьбе".

Но, к сожалению, не все было так благополучно и свято, как это могло казаться первое время. Скоро появились трещины и зловещие предзнаменования крушения того великолепного, но весьма хрупкого здания теократии, которое Савонарола думал что создал. Но об этом будем говорить позднее. Не все и в этом культе молодежи было успешно. Житейская неопытность и часто слепой энтузиазм молодежи, не сдерживаемый опытной рукой руководителей, приводил к крайностям: дети становились тиранами в своей семье и докладывали Савонароле и властям, если в доме их родителей происходила игра в карты или в какие иные азартные игры; карты отнимались, игры запрещались, родители получали выговор; но "принудительная святость", "вынужденное фарисейство" вызывало и внутреннюю реакцию: деятельностью Савонаролы начинали тяготиться.

Когда Савонарола потребовал, чтобы женщины легкого поведения были изгнаны из города, его послушали. Когда он потребовал, чтобы содомский грех был запрещен под страхом смертной казни, его послушались. Когда он потребовал, чтобы ростовщичество, бывшему в руках евреев, был положен конец, его послушались. Когда он потребовал, чтобы люди строго соблюдали посты, его послушались, как и послушались в отношении некоторых иных требований. Но когда Савонарола потребовал, чтобы жены флорентийцев, под страхом публичной порки, одевались со всей скромностью, то его, в общем, не послушались. Первое время, и то очень короткое, флорентийки, действительно, стали одеваться очень скромно, а затем вернулись к своим вкусам, процветавшим при Лоренцо Великолепном.

Для примера приведу описание одной дамы времен Савонаролы. Так описывает свою свояченицу один вельможа: "Донна Джульетта выросла в прекраснейшее создание. Она распустила свои волосы и велела служанке, чтобы та их причесала и украсила; ее волосы доходили до пят; никогда ничего подобного я не видел еще на своем веку: у нее были прекрасные волосы. Она носила на голове покрывало из тончайшей льняной материи, напоминающей скорее кружево, легкую, как воздух, и пронизанную золотыми нитями. Действительно, она сияла, как солнце. На ней было тончайшее льняное платье неаполитанского фасона. Она вышла и затем вернулась, одетая в верхнее одеяние, которое почти все состояло из лилового бархата". Безусловно, Савонарола был бы бессилен заставить такую даму носить какое-нибудь серое, безвкусное платье, да, может быть, это было бы и несправедливо. Флорентийки любили одеваться изящно и с большим вкусом, и это нравилось их мужьям.

Впрочем, мы не видим, чтобы Савонарола очень настаивал на проведении закона, запрещающего флорентийкам одеваться так, как они этого желают, и в своих проповедях он не касается этого вопроса. В судебных анналах онго времени мы не находим, чтобы какая-нибудь дама пострадала от "фанатизма" Савонаролы. Да и вообще никто, никогда и ни за что не пострадал от этого доброго и прекрасного человека, часто столь грозного на словах и всегда столь милостивого и человеколюбивого в действиях.

VIII

Прежде чем перейти к знаменитой проповеди Савонаролы о необходимости реформ в Церкви, сказанной им в самый расцвет его деятельности, 13 января 1495 года, в соборном храме Флоренции, мы приведем и некоторый иной материал из книги John Olim "The Catholic Reformation: Savonarola to Ignatius Loyola". 1969.

Необходимость реформ Церкви, не только в отношении ее институций и повседневной практики, но и в смысле повышения нравственного уровня христианского общества, сознавалась выдающимися деятелями западной Церкви в средние века, начиная с папы Григория VII (XI век). Обращение св. Франциска Ассизского от мира к монашескому подвигу сопровождалось символическими словами, сказанными ему в видении Господом: "Поправь Мой Дом, который, как ты видишь, пришел в полный упадок". Надежду, что жизнь св. Франциска Ассизского послужит к обновлению всей Церкви, выражал и папа Иннокентий III, живший в его время. "Церковь" понималась в широком смысле, как все христианское общество. Le Clercq пишет по этому поводу: "Григорий VII и его монахи, находившиеся под сильным влиянием идей бл. Августина, понимали реформу Церкви как дело преимущественно духовного характера. Для них, как и для их учителя, никакой реформы в Церкви невозможно успешно осуществить без улучшения, прежде всего, христианского общества, без улучшения нравов, без посильного "подражания Христу", как это выразил в двух словах св. Фома Кемпийский".

В конце средних веков нашла широкое употребление фраза, приписывавшаяся одному поместному церковному собору, состоявшемуся в 1311 году: "Reformatio (necessaria est) in capite et in membris". (Проведение реформ необходимо, как в главе, так и в членах). Монашеская община в Голландии ввела самый строгий монашеский образ жизни; это направление, названное "Devotio moderna" ("Современное благочестие"), основанное на подвижничестве, нашло много подражателей и в других странах. Самые строгие реформы ввиду подъема нравственности в церковной среде провел примат Церкви в Испании, кардинал Ксимен де Сиснерос, обновивший дисциплину клира на соборах в Алкале в 1497 году и Талавре в 1498, а затем основавший в Алкале

университет для воспитания будущего клира, "которое было бы более достойно Христа", как он говорил. Но это случилось уже после смерти Савонаролы.

Теперь, на основании вышеупомянутой книги Дж. Олима, приведем знаменитую проповедь Савонаролы о реформах в Церкви.

Прежде всего, Савонарола говорит, что намерен повторить то, о чем говорил в течение прошлых лет, именно — об обновлении Церкви, которое несомненно должно произойти. Затем, он говорит о даре пророчества, который ему Бог дал ради людей, но что этот дар не делает его лично святым. Он напоминает, что Бог, да, Сам Бог, говорил флорентийцам, увещевая их исправить образ жизни. И были знамения, указывающие, что гнев Божий разразится, если они не исправятся. И эти знамения сбылись: Бог явно являет Свой гнев. Какие же это знамения? Прежде всего, когда духовенство не на высоте. "Когда вы видите, что голова — в порядке, то знаете, что и все тело в порядке. Когда же глава пребывает во зле, то горе тогда всему телу. Однако, когда Бог попускает, чтобы во главе управления Церковью царил гордыня, алчность и другие пороки, то верьте, что наказание Божие близко... Я не говорю, что в настоящее время управление Церковью не на высоте; но говорю: когда вы увидите, что положение обстоит таким образом". Во-вторых, когда Бог, через смерть, забирает к Себе святых и праведных людей, которые были в управлении или в среде Церкви, так что их уже нет сегодня в Церкви. Это означает, что кара Божия народу приблизилась. В-третьих — "per exclusionem justorum": когда сущие во главе управления Церковью исключают людей праведных и полезных для Церкви, препятствуя им занять посты, на которых они могли бы принести пользу Церкви; так что управление Церковью сосредотачивается в руках людей или недостойных, или же неспособных, от которых нельзя ожидать большой пользы для Церкви.

Затем Савонарола перечисляет иные знамения гнева Божьего, как то: упорство грешников в делании зла и увеличение числа негодных людей; при этом он ссылается на положение в Риме, где избылиуют, как он говорит, все виды пороков. Затем, когда основные добродетели, как любовь и вера, уже не имеют места ни в Церкви, ни в людском обществе. "Во времена древней Церкви

человек жил с полной верой и с полной любовью. Посмотрите: многие ли живут таким образом сегодня? И ты, Флоренция, гонишься за славой, и каждый возвышает себя. Поверьте, что нет иного врачевства — как только покаяние; потому что кара Божия — близка!" Затем, — отсутствие в обществе веры в те вещи, в которые достоин верить. "Посмотрите, — говорит Савонарола, — представляется сегодня, будто никто ни во что не верит и всякий говорит: ах, кто знает, что будет потом (после смерти) ?!"

Затем — упадок в богослужбной жизни Церкви, так что, несмотря на множество храмов и изрядное количество клира, в церквях уже бывает трудно найти благочестие и богослужбная жизнь почти сведена на нет. И вот, за это духовное обнищание духовенства, не заботящегося о высоте богослужбной жизни, и приходит гнев Божий. "Увы, в Церкви теперь не осталось даже ни йоты Любви!" — с горечью восклицает Савонарола. Он скорбит, что Церковь характеризуется уже не духом любви, а внешними церемониями. "Некогда в Церкви священные сосуды, по причине бедности, были деревянными, но зато прелаты (высшее духовенство) были золотыми; теперь священные сосуды — золотые, а прелаты — деревянные". Церковь обогатилась, и это принесло ей страшный духовный вред. "Богатство — вот что губит Церковь. Но неужели Церковь не должна обладать никаким имуществом? Я не говорю этого; но мне думается, что для Церкви было бы лучше не иметь богатств: потому что тогда у нее было бы больше единения с Богом. Поэтому я говорю моим монахам: держитесь бедности; потому что, когда входит богатство, тогда вместе с ним входит и смерть".

Затем он в притчах рисует положение Церкви его времени. Из трех притчей я полностью приведу вторую. "Была насаждена смоковница. В первый год она принесла много плодов и ни единого листа. На второй год она вновь принесла много плодов, и при этом известное число листьев, но только немного. На третий год она принесла столько же плодов, сколько и листьев. На четвертый год она принесла больше листьев, чем плодов; на пятый год она принесла очень мало смокв и очень много листьев; так что в конце концов она стала приносить только листья и никаких плодов; и более чем это: по причине обилия листьев, она стала затемнять солнце и для других растений, так что они не в силах были вырасти.

Что сделает, как вы думаете, с этой смоковницей Садовник? Несомненно, Он ее срубит и бросит в огонь. Смоковница — это древо Церкви, которое, хотя в начале и приносило изобилие плодов и никаких листьев, тем не менее, в сегодняшнем ее состоянии не приносит никаких плодов вообще, но — только листья, т.е. церковные церемонии и чисто внешние обряды и излишние вещи; в то время как прелаты своим поведением дают пример и мирянам не заботиться о добродетельной жизни, так что миряне впадают во множество грехов. Садовник, т.е. Христос, придет и срубит дерево, не приносящее плода. Тогда Церковь обновится”.

Затем Савонарола поведал о видениях, которые он имел. Из ряда этих видений я приведу одно. ”Я видел, — говорит Савонарола, — черный Крест над Вавилоном, каковым является Рим, на котором было написано: ”Ira Domini” (”Гнев Божий”); и на этот Крест, как бы дождь, падали мечи, кинжалы, копья и всякий вид оружия, и град и камни побивали этот Крест. И видел я устрашающие и великие молнии, и было небо весьма темно и грозно. И увидел я иной Крест — из золота, стоящий над Иерусалимом и достигавший от неба до земли, на котором было написано: ”Misericordia Dei” (”Милосердие Божие”), и атмосфера вокруг была спокойной, очень светлой и чистой. Поэтому, на основании сего видения, я говорю вам, что Церковь должна обновиться, и то — в скором времени; потому что время не ждет: Бог — разгневан”.

Затем Савонарола напоминает слушателям о видении меча над Италией, о котором он говорил ранее и истолковал и пророчествовал о том, что французский король Карл VIII придет в Италию. Савонарола напомнил флорентийцам, что в то время, когда он им это говорил, они смеялись сему, не верили, и указывали ему на то, что это невозможно, потому что у французов нет кавалерии и зимой они не рискнут переходить Альпы, а затем — Флоренция защищена неприступными для врагов стенами и окружена мощными крепостями; так что ей никакие враги не страшны. А вот, все сбылось так, как он пророчествовал: Карл VIII занял пределы Италии, занял Пизу и Флоренцию, что привело к крушению в ней власти Медичи. Савонарола напомнил флорентийцам те грозные дни, когда французские войска занимали Италию, и как флорентийцы посылали его к королю Карлу VIII, чтобы он умилился

его по отношению к Флоренции. Это уже минуло; но, предупредил Савонарола, для флорентийцев снова могут наступить тяжелые времена, если они не покаются пред Богом и не отступят от своих греховных дел и своей гордыни. ”Я говорил вам с такой горячностью, с таким порывом, что я удивляюсь, как сердце мое не разорвалось в груди моей!”

Он говорит флорентийцам, что порицал их как отец, но у них есть Высший Отец — Бог; а он хотел бы им быть матерью. Мать, видя, что дети грешат, скорбит и сетует на них и говорит, что вот, когда придет отец их, она ему расскажет об их поведении, и отец накажет их. Но когда отец приходит и, видя поведение детей, хочет наказать их, она плачет и покрывает их руками и умоляет за них и обещает отцу, что они поправятся. ”Так и я, — говорит Савонарола, — хотя я и упрекаю вас теперь, но я не упрекаю вас с горячностью и строго, как это делал в прошлом: потому что я вижу, что Отец, т.е. — Бог, пришел для того, чтобы наказать. И поэтому я говорю вам и молю вас смиренным и тихим голосом: мои маленькие деточки, принесите покаяние! Если вы — христиане, вы должны верить в то, что Церковь должна обновиться. Тогда люди станут порядочными и добрыми, и, видя их пример, неверные обратятся в христианскую веру”.

Савонарола напоминает слушателям, что все его пророчества сбылись, и перечисляет их; при этом, как и в начале проповеди, он говорит, что этот дар дан ему ради людей и лично его не делает святым.

Далее он говорит, что он — безумец; он сознает это сам и слышит от других. Однако он считает необходимым взывать к людям и призывать их к покаянию и исправлению образа жизни: потому что гнев Божий приближается. ”О, Италия! О, герцоги Италии! О, прелаты Церкви, — гнев Божий на вас, и у вас не будет иного врачевства, как только исправить ваши пути! О, знатные люди и простые люди, принесите покаяние, пока меч еще не вынут из ножен, пока еще он не обагрится кровью! Бегите из Рима! О, Флоренция, беги из Флоренции, т.е. беги от самой себя для того, чтобы принести покаяние за твои грехи, и беги от порочных людей. Я умоляю вас. Я не могу вам приказывать, потому что я не князь ваш; но я — ваш отец. Сделай то, что составляет твою часть должного быть сделанным, Флоренция! Я молю Бога, чтобы

Он просветил тебя. Ему подобает слава и держава в нескончаемые веки веков. Аминь”.

IX

Недоброжелатели Савонаролы, присовокупив убийственные комментарии, немедленно донесли об этой проповеди папе. Поэтому Савонарола поспешил заверить папу, что говорил в общих чертах и в теории, не имея ни малейшего намерения критиковать папу или какое-либо определенное лицо в Церкви; при этом он пожаловался папе на интриги своих недоброжелателей, которые извращают его слова и намерения и хотят погубить все его дело. Папа не замедлил с ответным письмом Савонароле. Он выразил удовлетворение по поводу его, как он это назвал, ”апостольских трудов”; но поскольку тот в своих проповедях народу говорит о якобы полученном им от Бога даре пророчества, то — ”посему Мы желаем, как это подобает Нашему папскому служению, побеседовать с тобою и услышать из твоих собственных уст эти вещи, дабы, узнав волю Божию, мы больше руководились ею в наших поступках. Посему Мы просим и заповедуем тебе, во имя святого послушания, как можно скорее прийти к нам. Мы примем тебя с отеческой любовью и милосердием”.

Это письмо было понято, по выражению Бедуара и Виллари, как ”приглашение паука мухе залететь в его паутину”. Так это письмо поняли Савонарола и близкие к нему люди. Так это поняли и позднейшие историки, симпатизирующие Савонароле. Савонарола вспомнил, что и св.Бернардино был приглашаем в Рим, и это приглашение кончилось для него трагически. Здесь мы можем упомянуть и о несчастной судьбе монаха Джордано Бруно, который после длительного заточения в Риме был сожжен.

Савонарола предчувствовал, что если он прибудет в Рим, то уже обратно во Флоренцию его не отпустят. В худшем случае его убьют, отравят, заточат в подвале ”Сан-Уффицио” (”Святой Канцелярии” в Ватикане); в лучшем случае — сошлют в какой-нибудь монастырь вне пределов Флоренции под строгий надзор. Но в любом случае настойчивое желание удалить Савонаролу из Флоренции говорило о злом умысле против него. Ведь, в сущности,

папа мог бы затребовать от Савонаролы или от местного архиерея письменное донесение о его деятельности во Флоренции, о его проповедях и пророчествах. А заключительная фраза в письме папы, в которой он говорит, что примет Савонаролу ”с милосердием”, заставляла полагать, что его приглашают в Рим как лицо провинившееся, могущее ожидать наказания за что-то.

Савонарола был доблестный человек, не раз рисковавший своей жизнью. Он готов был умереть. Но видеть свое святое дело, начатое, как он верил, по воле Божией, дело, которое действительно увенчалось прекрасными плодами, подверженным опасности или даже разрушенным его врагами, — он не мог. Поэтому он считал за невозможное в настоящее время оставить Флоренцию и написал папе обстоятельное письмо. Сначала он сослался на документ XII века, в котором папа Александр III писал архиепископу равеннскому: ”Или подобающим образом исполни наше требование, или дай разумное основание, почему ты не можешь исполнить его”. Савонарола именно и намерен дать разумную причину невозможности для него в данный момент исполнить требование папы. Затем Савонарола объяснил, что он с давних пор желал посетить Рим и поклониться гробнице апостолов, и особенно теперь ему желательно было бы это сделать, когда его святейшество милостиво повелевает ему совершить это путешествие. ”Но многие препятствия, — пишет он, — стоят на этом пути: телесная немощь, непрестанное напряжение души и тела, вызываемое заботами о благосостоянии сего государства (Флоренции), многие злые и кровожадные люди, хотящие вернуть город в состояние рабства”. Он опасается, что его отравят или иным образом убьют на пути. ”Все порядочные и мудрые граждане — пишет далее Савонарола, — держатся мнения, что мое отбытие из этого места принесет много вреда народу Флоренции и в то же время от него будет мало пользы для Рима”. Он просит папу дать ему маленькую отсрочку и затем говорит, что для него воля Божья очевидно состоит в том, чтобы углублять дело, начатое во Флоренции, и что нет воли Божией на то, чтобы в настоящий момент ему покинуть это место. Что же касается его пророчеств, то они будут изложены в особой книге, которая в настоящее время сдана в печать. Имеются же такие пророчества, которые не могут быть открыты смертному человеку.

Это письмо, конечно, было неосторожным и могло быть истолковано как злостное непослушание папе и известного рода дерзость в отношении к нему. Савонароле было бы достаточно сослаться на состояние своего здоровья, которое было разбито, или же — на какие-нибудь уважительные причины нейтрального характера; и, наконец, рассыпаться в лести к папе. Но Савонарола, при всем своем блестящем уме, был совершенно бесхитростным и неопытным в житейской науке самосохранения: он глубоко верил во всех людей, в их доброту и честность, и не умел бороться с интригами, и своим поведением и своими словами только играл им на руку. Он глубоко верил в свою миссию, как данную ему от Бога; видел результаты своего напряженного труда, и, в то же время, видел, что все его дело подвергается опасности быть сведенным на нет, если, происками его врагов, он будет удален из Флоренции. Как только положение укрепитя настолько, что ему будет возможно без ущерба для дела выехать из Флоренции, он будет считать своим приятным долгом совершить паломничество в Рим; поэтому он просит папу разрешить ему в настоящее время оставаться на месте, обещая, что он прибудет для личного отчета о своей деятельности в ближайшем будущем. Так что в сущности Савонарола и не оказал непослушания папе, а только просил дать ему отсрочку на небольшое время и вникнуть в его дело и помочь ему, потому что дело, которое он совершал, было Божье дело. Но в Ватикане Савонаролу не понимали или не хотели понимать, и все было истолковано как злостное бунтарство против церковных властей.

Возмездие последовало очень скоро. Уже не ласковое (или — ложно ласковое?) письмо папы было ответом на его письмо, а — судебное разбирательство о деятельности "некоего монаха Иеронима". Обвинение состояло из 11 пунктов и преимущественно сводилось к тому, что он пророчествует и смущает умы простых людей, утверждая, что дар пророчества якобы дан ему свыше, и тем самым он поступает как еретик. Указывалось, что папа приглашал его в Рим для того, чтобы он покаялся и перестал пророчествовать, но он отказался исполнить распоряжение папы. Ввиду вышесказанного — как административное взыскание — во-первых: полученная от папы Савонаролой обманным путем (?) ставропигия, т.е. непосредственное подчинение папе, с выделением из Ломбардской

Общины, аннулируется, и монастырь св. Марка включается снова в округ Ломбардской Общины с подчинением его генеральному викарию этой общины; во-вторых: генеральному викарию Ломбардской Общины поручается произвести судебное разбирательство деятельности Савонаролы; в-третьих, немедленно же, до выяснения его деятельности, Савонароле воспрещается проповедовать и учить.

Несомненно, что это был большой и болезненный удар не только для престижа Савонаролы, но и для всего его дела, потому что этим разрушался его авторитет: внезапно он был представлен высшей церковной властью как еретик, лжепророк, бунтарь и лицо, подлежащее судебному следствию церковного суда.

В ответ на постановление папы, Савонарола опять написал письмо, отвергая возводимые на него обвинения. Во-первых, он указал на то, что никогда не учил чему-нибудь, что было бы несогласно с учением Римской Церкви, что легко проверить по его напечатанным сочинениям: все сказанное и написанное им основано на св. Писании и свв. отцах. Что же касается того, что он обладает даром пророчества, то это — дело Божье, кого наделять этим даром; получение же этого дара он отнюдь не ставит себе в заслугу; но отвергать его не считает своим правом; самый тот факт, что все эти пророчества сбылись, свидетельствует о том, что они истинны и приходят от Духа Истины, т.е. — от Бога. Наконец, что касается того, что следователем по его делу, а скорее — судьей над его деятельностью и личностью, назначен генеральный викарий Ломбардской Общины, то это для него неприемлемо, поскольку высокий представитель Ломбардской Общины — заинтересованной в подчинении себе Сан Марко и показывающей крайнюю враждебность к Савонароле и его монахам — вряд ли может быть нелицеприятным и беспристрастным судьей.

Савонарола прекрасно знал, что если Сан Марко снова подчинит Ломбардской Общине, а лично его отдадут во власть генерального викария этой области, то его опять же немедленно удалят из Флоренции, и таким образом его делу грозит неминуемая гибель.

На письмо Савонаролы папа ответил письмом в исключительно мягком тоне. Утверждение Савонаролы, что дар пророчества он получил от Бога, папа приписывает его простоте и вместе с тем религиозному рвению, и поэтому готов простить его. Посему

пontiфикальное постановление о передаче Сан Марко в подчинение Ломбардской Общине — временно приостанавливается.

Нынешние историки склонны видеть в письме папы действительное его желание пойти навстречу Савонароле. Они признают, что папа Александр VI не был святым и что хотя его письмо и написано со святоотеческой снисходительностью, но объясняется это тем, что он был весьма умелым и опытным администратором, увидевшим, что конфликт между ним и Савонаролой вреден для них обоих. Виллари же, старый историк, как и его современный последователь Ридолфи, видит в письме папы сплошное политиканство; именно поняв, что Флоренция горой стоит за Савонаролу, и не считая для себя выгодным ссориться с таким важным государством центральной Италии, как Флоренция, которая, в свою очередь, не желала быть в дурных отношениях с папой, Александр VI считал за лучшее замять дело.

Таким образом, конфликт был на время улажен. Что касается Савонаролы, то видно, что перемена тона в отношении к нему со стороны церковных властей не вызвала в нем ни веры к ним, ни умиления. Пророческим духом он предвидел бурю, и в своей проповеди, сказанной в это время, возвещал, что вскоре последуют для него тяжкие решения и отлучения, но при этом прибавлял: "Отлучения, прещения и церковные санкции действительно страшны, если они основываются на всей полноте церковной правды; если же в них есть хотя бы малейшая доля неправды, то эта примесь неправды делает все отлучения и прещения не действительными". Савонарола привел ряд примеров из жизни святых, которых церковные власти отлучали от Церкви, запрещали и делали им всякую неправду. Это свидетельствует о том, говорит Савонарола, что не всегда эти санкции идут от Бога, от Духа Святого. Это скорее говорит о том, что церковные власти могут поступать незаконно и злоупотреблять данными им от Бога полномочиями, и тогда их отлучения и прещения не имеют никакого реального действия, потому что в Церкви может быть только вся полнота Истины, и "частичной правды" в ней не может быть: там, где "частичная правда", там и "частичная неправда", а этого не может быть в Церкви.

(Продолжение следует)

Виктор АКСЮЧИЦ

МЕТАФИЗИКА ЗЛА У ДОСТОЕВСКОГО

"Преступление и наказание"

Достоевский в своих романах описывает не эмпирические события и даже не состояния души человека, а события духовные, диалектику духовных реальностей: "Меня зовут психологом, неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. я изображаю все глубины души человеческой". Его герои являются не образами живых людей, а воплощением определенных идей в их предельном выражении. "Достоевский стал великим художником идеи" (М. Бахтин). Причем, природа этих идей не абстрактна и рационалистична, а экзистенциальна, персоналистична. Это как бы живые духовные существа, приобретшие собственное движение и даже волю, и обретающие плоть, свой индивидуальный облик. Это идеи не всеобщие, а идеи-индивидуумы, раскрывающие всеобщую значимость внутри индивидуального бытия. Своим творчеством Достоевский явился одним из зачинателей того образа мысли и видения мира в русской культуре, который получает наиболее полное и яркое философское оформление в персонализме Н. Бердяева. Достоевский по исходным идейным и творческим установкам персоналист. Его интересует, прежде всего, то индивидуальное, в котором раскрывается универсальное содержание.

Такого рода парадоксальное сочетание своеобразного идеализма и персонализма создает совершенно уникальный облик персонажей. Герой Достоевского — это и "человек идеи" (М. Бахтин), но и идея-человек. Достоевский описывает и личность, одержимую идеей, но некоторые его персонажи воплощают собой не полноту личного бытия, а явно оказываются выражением некоей идеи самой по себе. По всему этому так искусственны и, одновременно, так жизненны герои Достоевского. Его герои и предельно реальны, и предельно фантастичны одновременно. Обыденное сознание фиксирует, что так не поступают, так не говорят живые люди. Герои Достоевского все время в неестественной (и даже сверхъестественной) ситуации, они в необычном состоянии.

Господствует надрыв, надлом, невероятная напряженность переживаний и действий, все необусловленно, спонтанно, непредвидимо и непредсказуемо, алогично. Все так, если рассматривать героев как эмпирические лица в их эмпирических проявлениях. Но сменим ракурс, и все сразу же видится иначе. К образам Достоевского можно применить его формулировку, высказанную по близкому поводу: "Конечно, они абсурдны в обыденном смысле, но в смысле ином, внутреннем, кажется, справедливы". Если эти образы олицетворяют собою различные духовные состояния и процессы, то все становится понятным. Ведь внутренняя жизнь человека протекает именно так: она спонтанна, клочковата, алогична в своей основе и логична или псевдологична в сознании, она в постоянном напряжении, борьбе противоречивых тенденций. Интенсивная душевная жизнь постоянно в надрыве и чревата расколом единства. В сильном же характере какая-либо определенная идея захватывает воображение, подчиняет себе все разнообразие душевной жизни, и вот перед нами человек идеи или идея-человек. Достоевский и пытается описать, прежде всего, напряженную внутреннюю жизнь человека. "Новая действительность, творимая гениальным художником, реальна, потому что вскрывает самую сущность бытия, но не реалистична, потому что нашей действительности не производит. Быть может, из всех мировых писателей Достоевский обладал самым необычным видением мира и самым могущественным даром воплощения". (К. Мочульский).

Герои Достоевского олицетворяют собой те силы и тенденции, которые господствуют в наших душах, которые мы же порождаем и которые поработают нас. Как существа свободные, творческие, как личности, мы тянемся к доброму и прекрасному и порождаем образы истинного бытия. Но как своевольные, эгоистические и самостные — мы наплодили ложные идеи и поступки, поработившие нас. Праведной стороной своего существа мы устремлены к небесному, изменчивостью же своей мы обрываемся в преисподнюю. Отсюда непрерывный конфликт внутренней жизни человека, который отражается в непрекращающейся трагической коллизии героев Достоевского.

Итак, поле действия героев Достоевского, этих индивидуальных духовных реальностей — душа человека. "В мире дьявол с Богом борется, и поле битвы — сердца людей", — вот основная интенция

всего творчества Достоевского. Поэтому чувство эстетического равновесия и критерий художественной завершенности образа у Достоевского во многом мотивированы этически. В поисках, развитии, дроблении и собирании художественных образов участвует его нравственно-религиозное чувство. В литературной форме, как наиболее адекватной его образу мышления, Достоевский пытается обдумать, понять и решить собственные метафизические проблемы. Это придает неповторимое своеобразие его поэтике. Ее нельзя понять и оправдать чисто эстетически.

В своем творчестве Достоевский пытается решить самые главные, глубинные, наиболее мучительные и скрытые вопросы духовного бытия человека. На этом основном фронте он сосредотачивает все свои силы. Все побочное устает только мимолетной зарисовки и потому, зачастую, незаконченностью своей производит впечатление искусственности. Отсюда же и величайшая напряженность и эксцентричность в его произведениях. Но они не являются описанием патологии душевной жизни, как это может показаться. В образах персонажей, которые с обыденной точки зрения представляются преступниками и сумасшедшими, описывается напряженная борьба величайших идей. При всей своей необычности и неправдоподобности, герои Достоевского психологически достоверны. Эмпирическая искусственность и нарочитость действий персонажей в духовном плане оказывается адекватной и последовательной. Но образы Достоевского оправданы с точки зрения психологии экстремальной ситуации, из которой почти не выходят его герои. Именно в состояниях крайнего духовного напряжения, в которых пребывают персонажи его произведений, совершаются невероятные и невозможные в обыденной жизни события: сверхъестественные догадки, узнавание чужих мыслей, провидения, совершение неожиданных, немотивированных поступков. В произведениях Достоевского господствует пограничная или предограничная ситуация. Такую густоту и напряженность трудно вынести, и многих отбрасывает невероятная духовная энергия его романов и отталкивает видимая уродливость персонажей и действий. Но открыться произведениям Достоевского — значит увидеть реальность во всей ее полноте и сложности.

Далее, необходимо разобраться в существе дискуссии: полифонично или же монологично творчество Достоевского? Честно

говоря, в метафизическом аспекте рассмотрения эта проблема снимается, в смысле снятия, т.е. примирения противоположностей, абсолютно непримиримых с точки зрения более позитивистского подхода. Да, полифония, поскольку в романах Достоевского явное многоголосье оппонированных, противоборствующих и исключаящих друг друга позиций и идей. Достоевский видел изначальную трагическую конфликтность душевной жизни человека, расколотость его сознания и чувств. Поэтому полифонично его творчество в аспекте рассмотрения им противоречивости душевной жизни человека и самодовления отдельных ее тенденций. Но, — да, монологичность, поскольку все это происходит в рамках единой души одного человека. У Достоевского один главный герой, вбирающий в себя большинство образов остальных. И автора этот герой интересует прежде всего как "поле битвы" мирового добра и мирового зла. Монологизм творчества Достоевского и в том, что он утверждает бесспорное единство личности как целеполагаемую норму. Главное же — творчество Достоевского является проекцией разрешения им самым глубинных проблем. Персонажи движет и их объединяет обязательный изначальный вопрос и творческая проблема самого писателя. Итак, многие голоса в своем соединении выражают автора: они не полифоничны, а симфоничны.

Как у всех великих русских писателей, начиная с Пушкина, творчество Достоевского было одновременно и самотворчеством, оно было неразрывно с созданием нового облика личности и нового образа жизни. Нить мучительной судьбы Достоевского непрерываемо вплетена в ткань его произведений. С другой стороны, в творениях своих он пытался понять и разрешить мучающие его вопросы жизни. Говоря современным философским языком, его творчество целиком экзистенциально, прежде всего в том, что укоренено и охвачено единством экзистенции самого автора. Таков путь осознания Достоевским действительности: личное переживание воплощается в языке художественной формы и только тогда осознается вполне. В художественном образе он уходит в метафизическую глубину проблемы, исследует ее диалектическое содержание, и после этого ясно сознает и формулирует впрямую. Достоевский не мог не писать романов, прежде всего, для самого себя, и в них разрешал, прежде всего, проблемы собственного бытия. Это не чисто литературные занятия, а тип жизни. Отсюда

ощущения собственного миссионерства и пророческости высказываемого. Не может писатель, творящий в сугубо литературных традициях и ассоциациях, проникнуться пафосом обладания целостной истиной, спасительной для всего человечества. Это, конечно, не исключает того, что Достоевский увлекался и чисто формальными поисками, был в гуще литературной жизни и живо реагировал на нее. Но сам литературный процесс не был для него самодостаточным, а служил материей, в которой он мог наиболее адекватно воплотить свое видение мировых проблем. Поэтому, заблуждением было бы все творчество Достоевского сводить к образу жизни профессионального литератора, у которого написанное — игра ума, мало отражающаяся на его облике и жизни. Таким образом, в принципе и по самому большому счету творчество Достоевского, конечно же, монологично.

Иного плана вопрос: где и насколько текст произведений представляет собой монолог самого автора. Так как Достоевский — писатель не внешне описательного склада, а творец, внутренне переживший всю глубину и трагичность человеческого бытия, то он и изображает не наблюдаемые им внешние факты и события, а пытается выразить прежде всего то, что мучает его душу. Он был личностью титанической и сложной, раздраемой неутихающими противоречиями, но непрерывно ищущей гармонии. Ему, как истинно гениальному человеку, были ведомы и состояния напряженного духовного подъема, и состояния падшести, было открыто как высокое, так и низменное. Т.е. его душа побывала и на небесах, но и в преисподней. Весь этот внутренний трагический духовный опыт и воплощался в образах героев Достоевского. Поэтому на вопрос: устами кого из героев говорит сам Достоевский? — можно ответить: каждого в отдельности и всех вместе. Но на другой вопрос: с каким героем идентифицируется позиция автора? — ответить односложно трудно. Часто тот или иной герой, порой совершенно неожиданный, высказывает заветные мысли Достоевского. Но наиболее адекватен мировоззрению автора тот анонимный герой, который зачастую имеет персональный образ, но тем не менее горизонт его души гораздо шире этой конкретной персоны и вбирает множество других героев. Если в поэзии понятен образ лирического героя, то в романах Достоевского проживает жизнь некий *метафизический герой*, воплощение бывших

зablуждений, настоящих страданий и поисков, и тяги к будущей гармонии самого автора. Метафизический герой находится за кулисами физического плана романа, но является смыслообразующим центром его. Метафизический герой может персонализироваться в одном действующем лице, но оно не является адекватным и полным его выражением. В этом случае большинство персонажей охвачено полем души метафизического героя и стягивается к явному центру ее — главному герою. Именно таков роман "Преступление и наказание".

Роман "Преступление и наказание" потому и производит впечатление такой целостности, что его главный герой Раскольников является одновременно и метафизическим героем. В других романах образ метафизического героя более расплывчат. Раскольников же является не только главным, но, в определенном аспекте, и единственным действующим *лицом* романа. Все остальные — собственно не лица, а оказываются проекцией определенных состояний и тенденций души самого Раскольникова. Поскольку же автора в первую очередь интересует смысловая динамика и целевой итог этих душевных движений, то они взяты в своем предельном виде. Большинство героев романа и представляют собой гипертрофированное выражение и персонификацию идей или чувств Раскольникова. Некоторые же герои олицетворяют собой некие более объективные начала: положительные (Соня), либо отрицательные (старуха), воздействующие на Раскольникова не только извне, а через движение его сердца или рассудка.

Итак, "в мире дьявол с Богом борется, и поле битвы — сердца людей". Главная проблема творчества Достоевского — природа и происхождение злого начала в человеке, одержимость духами зла. Достоевский описывает столкновение духовных реальностей добра и зла в судьбе и душе человека. Поэтому его романы внеэмпиричны, но метафизичны. Наиболее идеологический роман "Бесы" в этом измерении оказывается самым полемически-эмпирическим из произведений зрелого периода творчества писателя. Происходит это потому, что в "Бесах" духи зла выступают, более чем в других романах, как обнаженные абстрактные, хотя и воплощенные в личностные облики, идеи. Отсюда риторичность и рационалистичность "Бесов". Но так как это отражение проблемы не в самом ее существе, а в социальных, психологических и бытовых проекциях,

то в целом описание событий романа выглядит наиболее приближенным к жизненной эмпирии. Отсюда заимствование, более чем где-либо, конкретных исторических событий и фактов, и отсюда же злободневность и актуальность романа. Достоевскому было необходимо высказаться именно в такой форме, очевидно, чтобы назвать впрямую некоторые актуальные проблемы и быть при этом услышанным современниками. И чтобы сформулировать проблему для себя на более сознательном уровне. В "Бесах" писатель впрямую высказал выводы из тех принципов, которые пережиты и опознаны им на глубине метафизической психологии в "Преступлении и наказании". Это, в свою очередь, подготовка для непосредственной проповеди в "Дневнике писателя". В романе же "Преступление и наказание" Достоевский рассматривает глубинный аспект проблемы зла. Здесь образы Достоевского приобретают наибольшую художественную пронзительность и емкость. Здесь они и более персоналистически наполнены, чем в "Бесах". Необходимо отметить, что "Преступление и наказание" является наиболее целостным и законченным произведением — как в духовной проблематике, так и в эстетической форме во всем творчестве Достоевского. Последующие его произведения представляют собой дальнейшее углубление и детализацию смыслов, четкое художественное осознание которых и описание объединяющего их духовного поля было достигнуто уже в романе "Преступление и наказание". Здесь впервые созданы образы, превратившиеся в устойчивые индивидуальные символы для всего творчества Достоевского. Они стали моделями и инвариантами для поздних романов писателя.

Основные вопросы темы зла в романе:

- При каких обстоятельствах и в каких душевных состояниях человек одержим духами зла?
- Какова феноменология зла, т.е. каковы его формы? Это проблема "преступления".
- Что происходит с душой человека, породившего злую идею и поработившегося ей?
- Как злые духи актуализируются и какова их сущность в предельном рассмотрении? Это проблема "наказания".
- Каков путь изживания зла и духовного оздоровления? Это проблема "воскресения".

Итак, при каких обстоятельствах и в каких душевных состояниях человек одержим духами зла? Это раскрывает фабула романа и поясняет мировоззренческая позиция Достоевского в целом. Прежде всего, Раскольников оказывается выпавшим из положительного контекста жизни. У него совершенно оборваны связи с тем, что Достоевский называет "землею", "почвой". Его внутренний облик формируется вне семейных, сословных, исконно отеческих традиций и преданий, которые могли бы взрастить здоровые начала его души. Причем, вырос он в здоровой семье с органичным укладом жизни, среди любимых и любящих его людей. Но вне семьи Раскольников не смог обрести новой "почвы". Оказавшись за пределами органичной традиционной культуры, душа Раскольникова не смогла привиться и к чуждой ему "цивилизации". Искусственная цивилизация противостоит органике "земли", по Достоевскому. Раскольников не мог найти успокоения ни в ложной рационализированной, секуляризированной учености, ни в выхолащивающих душу привычных и условных профессиональных занятиях, карьере, которую мог предоставить Петербург ("насушными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься").

Достоевский писал Каткову, по каким причинам его герой приходит к преступлению: "По легкомыслию, по шаткости в понятиях, поддавшись некоторым странным "недоконченным" идеям, которые носятся в воздухе". То есть несформировавшаяся и неокрепшая душа оказывается вне здорового жизненного уклада и попадает в зараженную духовную атмосферу. Это уже трагедия не только личная: "Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое". Достоевский показывает, что в России начинается разрушение традиционных основ жизни, разрыв органичных связей между людьми, наступает эпоха безукладья: "У нас в образованном обществе особенно священных преданий ведь нет". Россия, как и герой романа, только вышла из отрочества, еще не успели сформироваться положительные основы жизни, но уже началась полоса разрушения: "Нет *оснований* нашему обществу, не выжито правил, потому что и жизни не было. Колоссальное потрясение и все прерывается, падает, отрицается, как бы и не существовало. И не внешне лишь, как на Западе, а внутренне, нравственно". (Из черновиков к роману "Подросток"). Творчество Достоевского

есть "изображение крайнего богохульства и зерна идеи разрушения нашего времени в России, в среде оторвавшейся от действительности молодежи". (Из письма к Победоносцеву). "Почва разрушается. Но кроме этого, она еще и заражается "носящимися в воздухе" ложными идеями: "Не во что верить, не на чем остановиться", — записано в черновых набросках к роману. Назревала эгоистическая индивидуалистическая этика, отрицающая национально-исторические и христианские корни жизни. Раскольников соблазняется формой утилитарной морали, выводящей все поведение человека из разумной пользы. Его преступление есть "доведенная до последствий теория разумного эгоизма". Достоевский еще в начале формирования будущей господствующей идеологии понимает, что торжество так называемого экономического принципа приводит не к всеобщему благоденствию, а к взаимному истреблению. Известно, что на создание первоначальных замыслов романа оказывала влияние полемика Достоевского с социалистами всех мастей. Но затем писатель погружается в исследование метафизических глубин души своего героя, ибо человек есть создатель ложных идей и, чтобы понять и объяснить их появление, нужно углубиться, прежде всего, в душу человека. Как истинный персоналист, Достоевский обращается к началополагающей инстанции мирового бытия, именно — в глубине индивидуального личного бытия вскрываются всеобщие закономерности.

Петербург у Достоевского — это столица современной цивилизации, место концентрации ложных идей, "носящихся в воздухе", самовоплощение искусственности, неорганичности, нездоровья и распада жизни: "Необъяснимым холодом веяло на него от этой великолепной панорамы, духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина". Образ Петербурга у Достоевского наполнен конкретными мертвенными, ужасающими деталями, но в целом этот образ крайне призрачен. Это некая ирреальность, наполненная тенями и призраками. Это какая-то фантазмагория, провоцирующая определенный душевный настрой. В "Подростке" Достоевский писал о пушкинском Германе — духовном брате Раскольникова: "В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германа из "Пиковой Дамы" (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского

периода), мне кажется, должна еще более укрепиться". На каком-то этапе можно заметить, что описание города сливается с описанием внутреннего мира Раскольникова. Городской экстерьер оказывается интерьером его души. Вся нездоровость цивилизации вливается в душу Раскольникова, и теперь уже и атмосфера, и "духовный пейзаж" города, и детали его быта являются отражением душевных состояний героя. Горизонт души Раскольникова и горизонт души цивилизованного Петербурга почти сливаются. Так очерчивается духовное поле, в котором происходят духовные же в своей сути события романа.

Достоевский показывает, что душа метафизического героя находится в нездоровом, горячем состоянии. "Чрезвычайно жаркое время..., жара стояла страшная", — неоднократно напоминает автор, описывая удушающую атмосферу-состояние души метафизического героя. "С некоторого времени он был в раздражительно и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию", — т.е. болезненная воспаленность и жар не могут просветить душу, но погружают ее в беспросветный мрак. Выпадение из здорового потока жизни не способствует творческому самоуглублению, но приводит к внутреннему опустошению: "углубился в себя и уединился от всех... Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу". Не только от всех людей, но от всего вообще, герой оказывается в духовной пустоте. Раскольников погружается в подполье собственной души. И его "скорлупа"-жилище — образ, воплощающий объем и содержание душевного пространства героя: "Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид со своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стен обоями, и до того низкая, что чуть-чуть *высокому человеку* становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок". Душа Раскольникова неестественно зажата некоей властной силой, она олицетворяется замкнутым и отъединенным от мира темным, мертвенным пространством (жилье Раскольникова сравнивается со шкафом, сундуком и гробом), в котором уже невозможно ощутить себя в полный рост человеческого достоинства ("высокому человеку жутко"), и в котором способны образоваться только бредовые идеи (желтая каморка — явная ассоциация с "желтым домом"): "А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты

душу и ум теснят!" Таково душевное пространство, в котором формируется и дея Раскольникова: "Там-то в углу, в этом ужасном шкафу, и созревало все это вот уже более месяца". Не случайно в минуту душевного просветления и подлинно человеческого волнения после получения письма матери "ему стало душно и тесно в этой желтой каморке... Взор и мысль его просили простору".

Таково состояние метафизического героя, которое предвещает и подготавливает зарождение "преступления". В чем же оно состояло?

Полная бездеятельность, как эмпирическая, так и духовная, ("лежа по целым суткам") ведет к обесмысливанию жизни. Потеряв истинные ориентиры, душа героя вяло, но последовательно начинает сосредотачиваться вокруг ложных фантазий: "Молодежь образованная от бездействия перегорает в несбыточных снах и грезах". Достоевский гениально замечает, что душа человека, назначенного быть творческим созидателем в жизни, не может выйти в полный индифферентизм. "Поле битвы" добра и зла — сердца людей, и потому духовная дремотность и бездеятельность не может вывести человека из мировой драмы. Рано или поздно силы обезволенной души порабощаются злыми духами. Это не внешнее событие, но глубоко внутренний процесс, и Достоевский показывает его нам. Поначалу может быть невинное, но пустое фантазерство Раскольникова ("так, ради фантазии, сам себя тещу, игрушки") постепенно превращается в преступную мечтательность ("безобразная мечта"). Родственность по происхождению идеи Раскольникова беспредметной маниловщине выдает рецидив ее в момент, когда Раскольников идет совершать убийство: "Проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслью об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на площадях. Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь..." Такого рода фантазирование греховно уже само по себе потому, что поглощает здоровую душевную энергию и обращает ее в пустоту. "Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого, фантастического вопроса, который замучил его

сердце и ум, неотразимо требуя решения". Этот больной вопрос формирует в уме некие образы и в душе некие установки, которые постепенно набирают силу, выходят из-под критического контроля сознания и в кризисные минуты жизни могут начать реализовываться автоматически. Раскольников был пустой мечтатель до момента, когда получил письмо матери. Выяснилось, что хроническое безденежье преследует его родных и что сестра приносит себя в жертву ради его будущего. Сама жизнь потребовала действия. И здесь, неожиданно для самого Раскольникова, фантастическая идея, которая "месяц назад, и даже вчера еще была только мечтой, а теперь... теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом еще виде, и он вдруг сам осознал это... Ему стукнуло в голову и потемнело в глазах". Каково же содержание фантазии, заставившей содрогнуться ее создателя?

Постепенно все душевные силы Раскольникова концентрируются вокруг некоей идеи-фикс: "Так бывает у иных мономанов, слишком на чем-нибудь сосредоточившихся". Идея эта в своем зарождении вовсе беззлобна, но в потерявшей органический строй, лишившейся истинных критериев душе она вырастает в чудовищный фантазм. "Чему бы этак себя посвятить, да не чему-нибудь заурядному и частичному, но обязательно делу мирового масштаба?" — мог рассуждать поначалу наш герой. Человек он незаурядный во всех отношениях, наделен и умом, и талантом, и красотой. Таковым он себя и сознает, потому и дело должно быть под стать дремлющим силам — необыкновенное. "Но почему бы не осчастливить одним махом если не все человечество, то во всяком случае многих людей? Сколько добра из этого могло бы произойти! Что же для этого нужно? Немногое — капитал, распоряжаясь которым можно сеять истинное, доброе, прекрасное". Здесь зарождается вторая ведущая тенденция идеи героя: он уже, хотя все это происходит еще только в области его фантазий, начинает ощущать себя создателем, распорядителем, вершителем событий, исторических фактов, судебных людей. Так рождается "синдром наполеонизма", мания величия.

В записных книжках Достоевский так формулирует идею Раскольникова: "Я не такой человек, чтобы позволить мерзавцу губить беззащитную слабость. Я вступлюсь. Я хочу вступиться. А для этого власти хочу... Я власть беру, я силу добываю — деньги ли, могущество ль, не для худого. Я счастье несу..." Когда "странная

мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его", с Раскольниковым происходит неслучайная случайность — он слышит в трактире собственную идею: "Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, уверяю тебя, что без всякого зазору совести!.. С одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет... С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, — и все это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем, чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступление тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто тысяч жизней взамен — да ведь это арифметика?.. Конечно, все это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уж слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли". Ранее абсурдностью своей эти летающие в воздухе мысли не задевали здоровую душу. Теперь же, в распаленном воображении героя они получают болезненный отзвук, как ядовитые "трихины" поражают потерявшую нравственный иммунитет душу: "Этот ничтожный трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание..."

Итак, в воспаленной душе зародившаяся ложная идея блага порождает ощущение ложного величия. Последнее, в свою очередь, приобретает собственное развитие и приводит к новым крайним выводам. На сверхчеловека не распространяются нравственные законы, существующие для инфантильной души либо низменной толпы. "Трепещущая тварь" должна повиноваться избранному меньшинству, "власть имущим". Сильная личность стоит вне закона. Она выше обыденной морали, как бы за пределами добра и зла. Поэтому истинное величие в том, чтобы стремиться к заданной цели, отменяя

нравственные предписания и заглушая голос совести в себе, как рецидив слабости и посредственности. Так сама идея-фикс Раскольникова обретает два взаимодополняющих полюса.

Достоевский показывает психологию формирования мании величия у Раскольникова. Силы, умения, таланты есть, идея, цель ясны — это уже открыто только великим людям. Раскольников и ощущает себя на высоте этого величия. Чтобы утвердиться на этой высоте, остается не только найти конкретный путь достижения цели (а это дело чисто техники ума), но и решиться на его осуществление. Последнее оказывается решающей гранью, выводящей все из области фантазий в область реальных поступков. Это же будет проверкой, критерием и утверждением истинности всей позиции. Если смогу эту грань преступить и совершить — значит я и есмь истинное величие. Так средство к достижению цели незаметно подменяет саму цель. Не случайно Раскольников не будет знать, как распорядиться похищенным богатством. Здесь Достоевский вскрывает внутреннюю диалектику прельщения: нравственно никак не может быть оправдано достижение благих целей дурными средствами, и всегда происходит так, что благая цель забывается, а дурные средства становятся самоцелью.

Перед этой решающей гранью Раскольников надолго останавливается: переступить или не переступить ее? В этом и состоит проблема "преступления". Существуют незыблемые Божьи законы ("Божья правда, земной закон", по Достоевскому), и один из них: свобода, суверенность и неприкосновенность человеческой личности. Человек сам по себе цель творения Божьего и не может быть средством к достижению каких-либо, даже самых высоких целей. Здесь формулируется проблема, которая всегда мучила Достоевского и которая, безусловно, является главной в оправдании всего Божьего творения: можно ли для счастья всех людей убить одну невинную душу? Но остатки нравственного чувства не позволяют Раскольникову поставить этот вопрос в такой обнаженной форме. Он пытается сбежать от собственной совести по видимости смягчая проблему: можно ли для счастья многих лишить жизни одного ничтожного человека ("зловредную вошь").

Душа Раскольникова в период, предшествующий преступлению, в смятении и борении. Все более оттесняются положительные начала его природы и все более обнажаются низшие стремления.

Фантасмагорическая идея постепенно захватывает все его существо. Она окончательно подавляет всплеск религиозной совести, который проявился в сне о лошади, где Раскольников открывается как человек, способный к состраданию, изначально добрый. Через сон Раскольников ощутил убийство не как "алгебраический" знак, а как реально пролитую кровь: "Боже! — воскликнул он. — Да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, разможжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть, дрожать... прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?.. Да что же это я!.. Ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего же я до сих пор себя мучил?.." Он отказывается от своего замысла: "Господи! Ведь я все же равно не решусь!.. Господи, покажи мне путь мой, а я отрекусь от этой проклятой... мечты моей". И даже переживает эйфорию духовного отрезвления: "Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения!" Но этот всплеск положительных сил души не был подкреплен волевой активностью, духовным напряжением, при которых только и возможно полное оздоровление и созидание благих начал жизни. Потому этот спонтанный всплеск опрокидывается мутной волной души. Подавленное нравственное чувство проявляется только в кратковременных отрезвлениях: "О Боже! неужели я... нет, это вздор, это нелепость! — прибавил он решительно. — И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко! И я целый месяц?.." Но и подобные рецидивы затухают. Остатки разума и совести реализовывались только в боязливости и нерешительности, оттягивавших преступление. Может быть, Раскольников чувствовал, что за этим шагом — бездна. Но идея уже господствует в его душе.

Наступает такой момент одержимости, когда энергия *всех* душевных движений героя вливается в идею. Формирование и осуществление идеи подстегивается как фактами несправедливости жизни, с которыми приходится сталкиваться Раскольникову, так и добрыми движениями души героя. Всякий раз это болезненно заостряло вопрос, на который искаженно сфокусированное сознание давало ложный ответ. Так, роковыми оказались для Раскольникова бессознательные раздумья на бульварной скамейке, где он встретил

поруганную девочку. Фиктивная идея паразитирует на положительных душевных движениях, ложно переориентируя всю внутреннюю жизнь. Ум Раскольникова работает четко, его чувства обострены, но только тогда, когда это способствует осуществлению идеи. Слишком разрушены нравственные основания человека, выдернутого из "почвы", из "земли". И слишком слабыми оказываются доводы рассудка. Какую линию жизни может предложить взамен грядущему немощный, частичный человеческий разум? Разумихин и является воплощением и предельным выражением именно рассудочно-рациональной части души Раскольникова, в которой смутно рассматривается альтернатива преступному пути. В решительный момент, когда идея становилась диктующим императивом, Раскольникова импульсивно бросило к Разумихину. Но он остановил себя: "Что ж, неужели я все дело хочу поправить одним Разумихиным и всему исход нашел в Разумихине?" Но нет: "Я к нему... на другой день после того пойду". Начала рассудка отеснены на задний план. Не случайно Разумихин — первый, с кем общается Раскольников после преступления. Но контакта у них не возникает. В обыденной душевной ситуации Разумихин мог бы олицетворять реальный выход из положения. Разумихин — здоровое, целостное, но приземленное, рассудочное существо. У него не возникает многих проблем, потому что он на поверхности жизни и тем самым вне проблем. Раскольников же личность усложненная, углубленная и утонченная. Он сознает ущербную частичность и ложную искусственность мира ученого-специалиста и мещанскую ограниченность подобной жизни. И он отвергает эту внутреннюю альтернативу. Спасительной же идеи его душа не может породить, ибо расколоты основания жизни.

Образ Раскольникова по мере приближения к моменту преступления все более обезличивается, а душа его обезволивается. Раскольников вроде и не принимал никогда "окончательного решения", ибо, "несмотря на всю мучительную внутреннюю борьбу свою, он никогда ни на одно мгновение не мог уверовать в исполнимость своих замыслов во все это время". Но преступление и состоит в том, что в решительный момент Раскольников не противопоставил возвращенному в своей душе хаосу активной работы совести и напряжения личной ответственности. Человек обязан быть всегда в творческом напряжении, и чем ответственнее

ситуации — тем более. Отказом от свободы окончательного решения и полным безволием герой внутренне уже "преступил" черту, вышел из области личностного бытия и попал под власть роковых стихий. Здоровый духовно человек живет в одном измерении, маньяк же в другом. Человек, как ответственная свободная личность, критически оценивает внешние обстоятельства жизни и пролагает в них свой неповторимый путь, подчиняя мировую эмпирию. Мы не можем отменить естественную законосообразность явлений, но на свободного человека предметный мир не воздействует своей фатальностью. Обезличенный же маньяк оказывается игрушкой в руках злой силы, проявляющейся на уровне предметного бытия прежде всего как влекущий к гибельному постушку рок.

"Ни о чем он не рассуждал и совершенно *не мог* рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что *нет у него более ни свободы рассудка, ни воли*". Окончательное решение Раскольников принимает не свободно, но безволие фиксирует воспаленным сознанием идею уже не как фантазию, а как повелевающий, диктующий императив. С этого момента он уже не властен над собой, а попадает в руки фатальной предопределенности: "Последний же день, так нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то вел за руку и потянул за собой неотразимо, слепо, неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины и его начало втягивать". Здесь Достоевский вскрывает внутреннюю закономерность духовного заболевания — идеологической одержимости. Если болезнь берет начало в гипертрофированной рационализации и в эгоистическом своеволии, то, по законам самоуничтожения охваченного злом существа, человек скатывается к слепому подчинению внешним ему, объективированным силам, превращается в бессознательное, поработенное существо, лишенное индивидуальной воли: "Он как в бреду... Он плохо помнил себя. Он не спал, но был в забытьи". Идеологическое заболевание есть сон индивидуального сознания и совести, забытьи души, сомнамбулизм. В этом состоянии человек не ведает, что творит: "ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти не чувствовал на себе... Какая-то рассеянность, как будто даже задумчивость, стала

понемногу овладевать им: минутами он как будто забывался или, лучше сказать, забывал о главном и прилеплялся к мелочам..." В образе случайных событий фаталистические безличные силы подвигают Раскольникова по роковому пути: случайно он услышал разговор на базаре, случайно ему попался необходимый топор, случайно никого не было в решительный момент и рядом оказалась пустая квартира. Но это "присутствие каких-то особых влияний и совпадений" — не спасительная, а губительная цепь случайностей, рабство у злой силы: "не рассудок, так бес". Так же случайно в квартиру убитой приходит сестра и Раскольников вынужден убить невинную. Более того, одно убийство ужасающе превращается в целую цепь, уходящую в бесконечность: Лизавета была беременна. Вступив в сферу зла, человек поработен и вынужден двигаться по законам зла, а один из них гласит: раз совершенный злой поступок неизбежно влечет за собой целую цепь зла. Этим же обнажается вся бессмысленность попыток нравственно оправдать убийство. Нравственные законы безусловны и не имеют исключений. Есть черта, которую человек не имеет права переступить ни при каких условиях и оговорках: никто, кроме Бога, давшего жизнь человеку, не может лишить его жизни. Преступив эту черту, Раскольников решительно сталкивается с неотвратимыми последствиями преступления. Это проблема "наказания".

Прежде всего, после совершенного убийства обнажается вся бессмысленность его. Похищенное богатство жжет руки Раскольникову, и он не только не может найти ему применения (до этого как-то само собой не доходит дело), но и никак не может от него избавиться. Итак, при вступлении на путь к заветной цели цель эта сразу же рассыпается. Иллюзорным оказался и другой полюс идеи Раскольникова: он не только не получил свободы великого человека, но оказался поработенным и беспомощным более, чем когда-либо.

Таким образом, цель, искусственно сформулированная вне здорового жизненного контекста, всегда оказывается обманчивым призраком. Идея, которая вырывается из гармоничной иерархии ценностей и абсолютизируется, — превращается в сеющего разрушение ложного духа. На этой частичной цели фокусируется вся жизненная энергия ее создателя, идея поработен человека, и он превращается в идеологического маньяка. Овладевшая человеком "идея-фикс" направляет его на избиение бытия, на разрушение

основ собственной жизни. Такова закономерность духовного заболевания — идеологической одержимости.

Порочность идеологизма заключается и в безжизненной рационализации. Идея в идеологическом контексте является не живым, глубоким и многогранным образом реальности, а усекновенным, частичным, рассудочным, искусственным знаком. Поэтому такого рода идея не может воплощать знание о глубине реальности, но отражает лишь фиктивный, искусственно созданный мир. И логика рассудка не может быть логикой поиска истины. Попытка формально-логически найти решения важнейших вопросов жизни и приводит к созданию идеологических штампов — ложных образов истины. Кроме того, дегармонизированная интеллектуальная жизнь искаженно связывается с другими сферами душевной жизни. Зарождающаяся идея осуществляет некий прокол в подполье души, и в жизнь выплескиваются низменные страсти и стремления. Таким образом, зарождающаяся идея воплощает собой связь нездорового душевного подполья с голой рационализированностью. Это ораассудочивание низших стремлений вводит душу в такое бредовое состояние, когда все недозволенное совестью воспринимается как арифметически необходимое и ясное: "... даже нет никаких сомнений во всех этих расчетах, ... это все, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо, как арифметика". Арифметическая справедливость отменяет справедливость нравственную. Такова диалектика секуляризованного сознания, рассудка. Вне водительства разума высшего, и вне контроля нравственного чувства — совести, он оказывается источником и провокатором духовного заболевания человека. Именно "эвклидова логика" заводит Раскольникова в нравственный тупик, в рабство и одержимость собственной рационализированной идеей. "Арифметики губят", — записывает Достоевский в черновиках романа. Причем, формулировка эта принадлежит Соне, олицетворяющей начало кроткого смирения, целостной веры и любви.

Таким образом, Достоевский впервые обнажает архетип духовной заразы. Всякое духовное прельщение есть, прежде всего, отдавание себя служению "идеи-фикс", т.е. рационализация "живой жизни", когда голая, искаженная, частичная идея подменяет общение с полнотой живой реальности. Далее, сама эта идея в с е г д а и в о в с е х ф о р м а х содержит в себе, во-первых, искушение

ложным образом добра и, во-вторых, миссионерскую одержимость, манию величия. Итак, идейное безумие начинается как болезнь секуляризованного ума ("тут книжные мечты-с, тут теоретически раздраженное сердце"), поражающая нравственное чутье (совершенство зла из любви к ложно понимаемому добру) и личную волю (культивирование гипертрофированного индивидуализма). Подвержен ли идеологической одержимости один человек или целое общество, оказываются ли материалом абсолютизации и искажения бытовые, материальные, социальные, научные, нравственные, эстетические ценности, — во всех случаях структура идеологической "трихины", т.е. носителя духовного заболевания, остается той же. История написания романа показывает, как мучительно искал Достоевский окончательно ясного образа. Долгое время он стоял перед неразрешимой дилеммой: какую из противоположных идей вложить в судьбу героя. Но гениальное художественное чутье писателя подсказывает ему труднейший выход: двупланность мотивации преступления — обе идеи совместить в одной душе. Это дало возможность вскрыть их диалектику и обнажить прототип: у всех, стремящихся к добру через преступление нравственного закона, неминуемо формируется мания величия. С другой стороны — все великие злодеи во все времена ощущали себя благодетелями человечества.

Далее Достоевский описывает следующие периоды и катастрофические для личности последствия этой болезни духа. После убийства Раскольников переживает страшное духовное потрясение. В его состоянии намечаются две тенденции: проявление обычного, т.е. "слабого" человека, и попытки самоутверждения человека нового, "сильного". Первое есть реакция нравственной природы на совершившееся, муки и боль души. Второе — попытка в борьбе с первым обрести новый облик сильной личности. Сразу после убийства наступает полная децентрализация личности: "Ключки и отрывки каких-то мыслей так и кишели в его голове; но он ни одной не мог схватить, ни на одной не мог остановиться, несмотря даже на усилия... Он чувствовал во всем себе страшный беспорядок. Он сам боялся не совладать с собой". Душевное равновесие совершенно нарушено, Раскольникова то бросает к самоубийству, то непреодолимо тянет признаться или обличить себя. Человеческая душа не может выдержать тяжести преступления, и потому этот

период неустойчивости постепенно сменяется рождением нового качества души, в которое содеянное войдет органически. Ожидаемых угрызений совести по поводу убийства Раскольников не испытывает, настолько он утерял личную свободу и ответственность. Вместе с тем, он ощущает ущербную и испепеляющую отъединенность от основ человеческого бытия. Герой ощущает мистический разрыв с человеческой семьей: "Мрачное ощущение мучительного, бесконечного *уединения и отчуждения* вдруг сознательно сказались в его душе". Раскольников вдруг пронзительно почувствовал, что убийца — вне людей, он как бы уже и не человек. Своим преступлением он вышел из мира людей и входит в совершенно иной мир: "Да и все-то кругом точно не здесь делается... Вот и вас... точно из-за тысячи верст на вас смотрю". Черта, отделяющая эти миры, реально ощутима и непреодолима: "С ним совершилось что-то совершенно ему неизвестное, новое, внезапное и никогда не бывалое. Не то чтобы он понимал, но он ясно ощущал, всю силою ощущения, что не только с чувствительными экспансивностями, как давеча, но даже с чем бы то ни было ему уже нельзя более обращаться к этим людям..., и будь это все его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно незачем было бы обращаться к ним и даже ни в коем случае жизни; он никогда еще до сей минуты не испытывал подобного странного и ужасного ощущения. И что всего мучительнее — это было более ощущение, чем сознание, чем понятие; непосредственное ощущение из всех до сих пор жизнью пережитых им ощущений".

Раскольников почувствовал, что природа его теперь иная и к нормальной прошлой жизни возврата нет: "Уж одно то показалось ему дико и чудно, что он на том же самом месте остановился, как прежде, как будто и действительно вообразил, что может *о том же самом* мыслить теперь, как и прежде, и такими же прежними картинками интересоваться, какими интересовался... еще так недавно. Даже чуть не смешно ему стало, и в то же время сдавило грудь до боли. В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами, показалось теперь все это прежнее прошлое, и прежние темы, и прежние впечатления, и вся эта панорама, и он сам, и все, все... Казалось, он улетал куда-то вверх, и все исчезало в глазах его... Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту".

Это не сознательная установка, а мистическое последствие преступления: убийца внутренне переродился и отныне всегда будет чувствовать пропасть, отделяющую его от людей, даже от самых близких, сестры и матери. "Обе бросились к нему. Но он стоял как мертвый; невыносимое внезапное сознание ударило в него, как громом. Да и руки его не поднимались обнять их: не могли". Этот новый модус души мучительно не покидает Раскольникова: "опять одно недавнее ужасное ощущение мертвым холодом прошло по душе его; опять ему вдруг стало совершенно ясно и понятно, что он сказал сейчас ужасную ложь, что не только никогда теперь не придется ему успеть наговориться, но уже ни об чем больше, никогда и ни с кем нельзя ему теперь говорить". Преступники образуют как бы античеловечество, и убийца мистически опознает убийцу: "Давеча, как я вошел и увидел... тут же и сказал себе: "Это тот самый и есть!" — говорит Свидригайлов Раскольникову. То новое, что с таким ужасом ощущает в себе герой, есть нарастающая inferнальность его существа, выпадение из мира земного, человеческого — в мир бесовский. "Привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало", — авторитетно свидетельствует Свидригайлов — наиболее inferнальное существо в романе.

В период трехдневного беспамятства происходит как бы окончательное умирание "старого" человека (чувствительного "друга человечества") и рождение нового идеологического субъекта. Теперь Раскольников не тяготится своим беспредельным одиночеством, но демонически самоутверждается в нем: "Оставьте, оставьте меня... Прочь от меня! Я один хочу быть, один, один". Страх, безволие, малодушие сменяются напряженной яростной борьбой. Он самоупоенно дерзок: "А что, если это я старуху и Лизавету убил", — кричит он Заметову в трактире. В этом он испытывает "дикое истерическое ощущение, в котором, между тем, была часть нестерпимого наслаждения". Он побывал в доме убитой, спрашивал про кровь, сообщил дворнику свой адрес и имя. К этому его толкала неосознаваемая тяга "старого" человека к разоблачению, но вместе с тем, в этом и притяжение риска самоупоенной гордыни. Восставший новый человек-идея готов к тотальной борьбе: "Царство рассудка и света теперь! и... воли и силы... И посмотрим теперь! Померяемся теперь!.. Сила, сила

нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же... — прибавил он гордо и самоуверенно и пошел, едва переводя ноги..." Горячее идеологическое сознание формулирует свой катехизис: всевластие рассудка, тотальное самоволие и демонический титанизм. Самоощущение "нового" человека быстро прогрессирует: "Гордость и самоуверенность нарастали в нем каждую минуту; уже в следующую минуту это становился не тот человек, что был в предыдущую". Но это не есть новое рождение, а очередная иллюзия, самообман. Новое целиком еще в старом: "...гордо и самоуверенно... едва переводя ноги" и есть попытка "хватающегося за соломинку". Тем не менее, он ощущает прилив неведомых сил и проявляет новые качества: "звериную хитрость", неслыханную дерзость, сатанинскую гордыню. Это есть выплеск на поверхность подполья его души, которое в нормальном состоянии вытесняется, контролируется, либо преображается. Искреннее страдание вызывает в Раскольникове сознание, что он так и не смог стать "настоящим властелином": "Я это должен был знать... и как смел я, зная себя, предчувствуя себя, брать топор и кровавиться... Я обязан был заранее знать... Э! да ведь я же заранее и знал!.." — прошептал он в отчаянии". Раскольников раскаивается не в убийстве человека ("старушонка вздор"), а в том, что не смог соответствовать собственной идее: "Я не человека убил, я принцип убил! Принцип-то я убил, а переступить-то и не переступил, на той стороне остался..." Раскольников в отчаянии от того, что не смог войти в общество "великих" людей и тем самым оказался несоответствующим своей идее-принципу. Это уже пик идеологической одержимости, когда голый принцип, идея вытесняют ощущение высшей ценности человеческой жизни. Народившийся новый модус души будет причиной еще многих мытарств героя, но сохранение остатков человеческих слабостей, т.е. просто человечности, в которой остается Раскольников какой-то частью своей души, — будет залогом будущего возрождения его. Именно потому, что он "не переступил", в нем самом безо всяких, казалось бы, для того оснований, прорывается упование: "Может быть, все воскреснет!".

Таким образом, перед нами очередной период духовной болезни человека. Укоренена она в эгоистическом своеволии и мертвящем рационализировании. Пустая, но греховная мечтательность приводит

к сосредоточению всех сил души на некоей идее. Период заражения "носящимися в воздухе" идеями и период созревания их в душе мечтателя-индивидуалиста неминуемо приводит к одержимости "идеей-фикс". Наступает время активных действий. Идеологическое беснование — это господство стихии слепого разрушения, убийства, в котором изничтожается все положительное и качественно определенное в собственной душе. Здесь действует не личность, а сомнамбулическая оболочка ее, внутри которой господствуют темные роковые силы. Индивидуальная воля и сознание в этот момент полностью подавлены: человек — песчинка стихий или винтик механизма. Но этот период болезни души сменяется следующим. Постепенно пробуждается самосознание, но для оправдания совершенного, проявляется индивидуальная воля, но как тотальное самоутверждение, ибо основы души поражены совершившимся духовным преступлением. На этом этапе сам зараженный, преследуемый комплексом идеологического самооправдания, формулирует новые идеологические принципы и активно их утверждает. Он превращается в носителя и распространителя идейной заразы. При этом болезненное переживание разрыва с человечеством сменяется сознанием собственной исключительности и страстным желанием переделать всех по открывшемуся образцу.

После выплеска идеологического иступления еще более умалется единство личности Раскольникова. Душа его раскалывается на части (Рас-кольников). Каждое душевное движение, которое в единой личности существовало как выражающая ее тенденция, окончательно выходит из-под контроля индивидуального "Я" и оказывается за пределами души. Борьба добрых и злых начал еще более обостряется. И положительные силы души, и поработавшие ее идеи, страсти и стремления развиваются до предельного выражения и, наконец, объективируются во вне. Здесь-то и оказывается, что горизонт души метафизического героя включает в себя и душевное поле самого Раскольникова, и, во многом, событийное поле романа в целом. Процесс деперсонализации художественно выражается появлением в третьей части романа новых действующих лиц и событий, которые оказываются объективированным и увеличенным отображением процессов, происходящих в душе Раскольникова. Он остается композиционным и духовным центром повествования, но составные части его души как бы рассыпаются по полю действия

романа. Борьба его протагонистов и антагонистов достигает величайшего напряжения: она в нем и вне его. Это, во-первых, художественный прием, для более выпуклого рассмотрения и обнажения тенденций. Во-вторых, это указание на то, что идейное беснование неминуемо создает вокруг себя поле заражения, в которое втягиваются посторонние лица и силы. Все вовлекается в духовную борьбу. Являясь двойниками Раскольникова по происхождению, некоторые персонажи в дальнейшем развиваются и независимо от него, выражая этим завершение воплощаемой ими идеи или позиции. Это символизирует также возрастание напряжения борьбы и обострение борющихся тенденций.

"Почему Раскольников назван метафизическим героем и в чем его отличие от других? Мы замечаем, что в романе, с одной стороны, все персонажи, являющиеся нам, — это законченные и самостоятельные образы, а с другой стороны, все они каким-то образом порождены Раскольниковым, вернее сказать — "вызваны" (как вызывают духов) им в нужный момент, втянуты в поле романа. Какого же рода это порождение? То событие, которое происходит с Раскольниковым (заболевание идеей, преступление и очищение), совмещает поле разворачивания его судьбы с центром мира, т.е. судьба всей вселенной зависит от решения судьбы Раскольникова. (Это уникальное свойство произведений Достоевского — прорыв реальности в искусство и наоборот). И все остальные образы высвечиваются огнем этой мировой драмы и втягиваются в пространство романа, центром которого является главный герой. Свидригайлов, Порфирий Петрович, Разумихин и даже Миколка служат своеобразными зеркалами Раскольникова. Но они остаются непроницаемыми для него, а он — для них. Узнавая себя в других и отталкиваясь от этих отражений, он делает все новые шаги в лабиринте, в который вталкивает его "идея". Исключение составляет только Соня, для которой Раскольников становится проницаемым, — она растопляет его своей верой и святой, бесконечной любовью и разрешает его от рока, чем разрешается и судьба всего мира". (Е. Андреева).

Итак, прямыми последствиями "преступления", т.е. "наказанием" является потеря свободы, полное поработение идее, разрушение единства личности, деперсонализация. Вместе с тем, борьба еще не окончена, но обостряется. Все силы обнажаются в своей чистоте

и завершенности. Для жизненного самосохранения и душевного спасения Раскольников должен вновь стянуть в единство личности деперсонализированные тенденции своей души: одни отсесть, другие преобразить, третьи усилить. Но все должно быть не предоставленным само себе, а решиться единой личной волей. Необходимо, прежде всего, преодолеть раскол души. Это уже проблема "воскресения".

Разнообразие черт и противоречивость характера главного героя начинается, как в зеркалах, отражаться в других персонажах. Разумихин — это персонифицированное выражение рассудочной части души Раскольникова, его радио. Это частичное, ограниченное, рассудочное начало. В нем здоровье и гармония обыденной, приземленной жизни, которые позволяют почувствовать болезненный надрыв души Раскольникова. То, что говорит Разумихин о Раскольникове, могло бы оказаться критическим самоосознанием героя, будь он попроще и не находился в непрерывной экстремальной ситуации: "Я Родиона знаю: угрюм, мрачен, надменен и горд... Иногда... холоден и бесчувственен до бесчеловечия; право, точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются... Ужасно высоко себя ценит, и без некоторого права на то... Никого не любит и никогда не полюбит". Это обнажающая, но далеко не полная правда о характере героя. Да, он таков, но в нем живет и противоположное. Рассудка хватает только на то, чтобы обнаружить и механически зафиксировать противоречивость характера, видя при этом только черную его сторону. Ему совершенно недоступна внутренняя диалектика полярных начал в душе героя.

В то же время Разумихину открываются страшные последствия идеологии Раскольникова: "Оригинально в этих идеях то, что все-таки кровь по совести разрешаешь... Ведь это разрешение крови по совести... Это, это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное". Примечательно, что такое разоблачение вложено в уста Разумихина. Вся эта фантазмагорическая идеология не выдерживает первого приступа обыденного сознания. Раскольников сам бы это понял, но рабство идее заставляет его подавлять здоровое сознание и сбегать в безумие. Идеологически одержимые производят впечатление безумцев и с точки зрения здорового обыденного рассудка.

Порфирий Петрович олицетворяет собой голос разумной совести Раскольникова. Напряженный диалог Раскольникова с Порфирием

Петровичем в плане предметно-образном представляется немотивированным и зачастую бессмысленным. Его можно понять, только если предположить, что это вынесенная во вне борьба противоположных начал в душе самого героя. Вместе с тем, образ Порфирия Петровича не прямолинеен. Выразитель земного разума и человеческой совести не риторичен и не назидателен. Поведение Порфирия Петровича часто нелогично, он хитрит, любит подурочить и надуть. Он наделен слабостями характера и комическими чертами облика и поведения. Очевидно, к нему, отчасти, можно отнести высказывание Достоевского по поводу создания образа старца Зосимы: "А тут вдобавок обязанность художественности: потребовалось представить фигуру скромную и величественную, между тем жизнь полна комизма и только величественна во внутреннем смысле, так что поневоле, из-за художественных требований, принужден был в биографии моего инока коснуться и самых пошловатых сторон, чтобы не повредить художественному реализму". Этим объясняется, почему у Достоевского "пошловатые" и "комические" черты персонажа вовсе не отменяют того, что он может быть носителем светлых и высоких начал. Собственно, в жизни по большому счету оно тоже так. И Достоевский, реалист "во внутреннем смысле", не мог погрешить против жизни.

Итак, в диалогах с Порфирием Петровичем воплощается трудный и болезненный процесс нравственного самопознания и самоосознания героя. Величие человеческого разума неотрывно от его совести. Не случайно Порфирий Петрович внушает Раскольникову мысль, что наиболее нравственные решения оказываются наиболее разумными по большому счету. Зов совести заставляет звучать разум, последний же в лице Порфирия Петровича обнажает всю безысходность попыток утвердиться в преступной позиции. Порфирий Петрович видит чудовищные последствия ложной идеи. Он единственный, кто воспринимает проблему во всей ее полноте и сложности. Его голос — это голос здорового нравственного сознания Раскольникова, подсказывающий, что герой "психологически не убежит..., по закону природы не убежит". Порфирий Петрович требует от Раскольникова именно сознаться в преступлении, хотя, казалось бы, фактов у него достаточно, чтобы и без того доказать виновность Раскольникова. Т.е. совесть и разум указывают направление и первый шаг по спасительному пути: сполна принять

последствия преступления. Далее будет подвигать зов сердца: вера и любовь.

Но герой наш бунтует. Его эгоистическое своеволие не позволяет внять доводам совести и разума. Эта внутренняя драма вынесена во вне. У Раскольникова вспыхивают приступы ненависти к Порфирию Петровичу и, одновременно, боязни его: "Лжешь ты все, лжешь, полишинель проклятый... Ты лжешь и дразнишь меня, чтобы я себя выдал". Боятся Раскольников не столько следователя, сколько неоспоримости его нравственного свидетельства. Когда неожиданно рассыпается интрига Порфирия Петровича, Раскольников ополчается на все, что воплощает собою этот образ: "Теперь мы еще поборемся". Но голос разумной совести вопреки всему продолжает звучать. Никакой следственной казуистикой нельзя объяснить откровенное предложение Порфирия Петровича "учинить явку с повинною". Не интерес юридической справедливости, а трогательная забота о душевном возрождении героя содержится в призывах Порфирия Петровича: "Жизнью не брезгуйте!.. Много ее впереди еще будет... Ищите и обрящите. Вас, может, Бог на этом и ждал. Да и не навек она, цепь-то... Веру и Бога найдите, и будете жить. Вам, во-первых, давно уже воздух переменить надо. Что ж, страданье тоже дело хорошее. Пострадайте... А вы лукаво не мудрствуйте, отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь — прямо на берег вынесет и на ноги поставит... А вы великое сердце имейте, да поменьше бойтесь... Вот исполните-ка, что требует справедливость. Знаю, что не веруете, а, ей-Богу, жизнь вынесет. Самому после слюбится. Вам теперь только воздуху надо, воздуху, воздуху!.. Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем... Потому страданье, Родион Романыч, великая вещь... В страдании есть идея".

Итак, спасение в принятии сполна бремени жизни, в очищающем душу страдании как восстановлении нравственной справедливости, в вере в Высший Промысел. "Только воздуху надо, воздуху, воздуху", — Порфирий Петрович призывает героя выйти душой из зараженной духовной атмосферы и войти в иные сферы душевной жизни. О том, как опасен духовный климат, зараженный "носящимися в воздухе идеями", свидетельствует и Свидригайлов, фразу которого буквально повторяет Порфирий Петрович. Об оздоравливающем "воздухе" говорит и Соня. Этим Достоевский хочет

выразить, очевидно, насколько важна для душевного состояния человека духовная общность в человечестве. Мы, люди, все живем на одной земле, дышим одним воздухом, от состояния которого зависит наше физическое здоровье. Также, очевидно, мы соединены и в духовном плане, соприкасаемся друг с другом не только физически и нас объединяет некая духовная атмосфера, от состояния которой зависит наше душевное здоровье. Эта атмосфера, в которую погружены в духовном плане все люди, с одной стороны, является отражением духовного состояния человечества, с другой же — сложившийся "климат" ее безусловно воздействует на формирование душевной конституции человека.

Конечно, Порфирий Петрович — фигура неоднозначная. Его верные в принципе нравственные формулы отвлечены и отчасти безжизненны. Может быть это оттого, что Порфирий Петрович — человек, которому открылся тот же внутренний опыт, что и Раскольникову, но он сам уклонился от его реального воплощения, жизненного прохождения. Поэтому-то он и понимает диалектику души Раскольникова, но советы его выглядят несколько ригористическими. Вместе с тем, не нужно забывать, что возрождение души Раскольникова проходит по пути, предначертанному Порфирием Петровичем.

Порфирий Петрович таким образом общается с Раскольниковым, будто весь смысл оставшейся жизни его — это указать для героя спасительный выход. Он, собственно, и живет только для того, а там и умирать собрался. Порфирий Петрович посетил врача, от которого наверное узнал о своей неизлечимой болезни. Об этом он и проговаривается Раскольникову: "мне теперь уж все равно, а следственно, я единственно только для вас. ...Я поконченный человек... уж совершенно поконченный. А вы — другая статья: вам Бог жизнь приготовил". Смысл и итог жизни Порфирия Петровича — вдохнуть новую жизнь в Раскольникова.

Казалось бы, все, все уже обнажилось, зло демонически самоутвердилось. Но Достоевский вскрывает многоликость зла: паразитируя на здоровых стремлениях души, зло внезапно обретает все новые образы. Перед нами мучительный, долгий период самоутверждения зла и борьбы. Добрые начала героя по видимости постоянно терпят поражения, проявляются эпизодически символически и тут же подавляются злыми стихиями. Но

внутренне, в других измерениях они подготавливают преображение. Полярные начала, борющиеся в душе Раскольникова, воплощены в образах Свидригайлова и Сони. Постепенно все действие романа кристаллизуется вокруг этих трех персонажей. В шестой части романа второстепенные фабулы исчерпываются, герой остается со своими мистическими спутниками — Свидригайловым и Соней.

Свидригайлов — это злой ангел Раскольникова. Он — скопище всех низменных стремлений и пороков героя. "Между нами есть какая-то точка общая... Мы одного поля ягоды", — говорит Свидригайлов Раскольникову. Это темная сила, выходящая из природы Раскольникова, но доведенная до своего логического предела и предстоящая перед ним. Свидригайлов — существо не личное, а воплощенный фантом. Контур его образа то слишком ярки и резки, то совершенно размыты. Линия разделения добра и зла проходит, по Достоевскому, не между людьми, а по нашим душам. Поэтому у Достоевского не может быть героя-личности, воплощающего собой порок в чистом виде. Такой персонаж всегда является отражением живых людей и отличается от них предельной фантастичностью и призрачностью. Этот ряд темных призраков начинается у Достоевского с Фомы Опискина из "Села Степанчиково" и заканчивается чертом Ивана Карамазова. В первом случае — это некий черный эпицентр, вбирающий в себя пороки окружающих и сцепляющий этим их в фантазмагорической бесовской пляске. После "Преступления и наказания" этот образ далее персонализируется в явлении "маленького, гаденького, золотушного бесенка" Ставрогину в "Бесах". Предельного развития этот образ достигает в романе "Братья Карамазовы". Черт — явное порождение тьмы души самого Ивана Карамазова: "Ты — воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых". То же самое мог бы сказать Раскольников Свидригайлову. Достоевский гениально вскрывает диалектику призрачности и одновременной реалистичности воплотившейся злой идеи героя. Иван яростно кричит черту: "Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду. Ты — ложь, ты — болезнь моя, ты — призрак". Раскольников тоже спрашивает Разумихина: "Ты его точно видел? Ясно видел?... Гм... то-то... А то знаешь... мне подумалось... мне все кажется... что это, может быть, фантазия". Но испущенный человеком злой дух

обретает собственную волю и самостоятельное существование. Он паразитически вбирает душевную энергию создателя, ослабляя его добрые импульсы и провоцируя темные стремления. Он являет собой предельное развитие тех начал в душе человека, которые его произвели. Более того, злой дух похищает мировую плоть и может предстать перед человеком в индивидуализированном облике. Призрак становится реально-предметным и с ним приходится сталкиваться не только в области душевных переживаний. Иван Карамазов вскакивает, чтобы избить своего "приживальщика", надавать ему пинков, запускает в него стаканом. "Нет, нет, это был не сон! Он был, он тут сидел, вот на том диване", — иступленно твердит Карамазов после исчезновения черта. Да и как опровергнуть реальность этого призрака, если он сообщил Ивану факты, которые тот не мог знать.

Свидригайлов — это "черт" Раскольникова, темный его двойник. Но он предстает перед героем во плоти, и Раскольников ощущает на себе его агрессивную волю. В Свидригайлове обнажается логическая завершенность болезненной идеи Раскольникова. Свидригайлов — это существо, переступившее все и вся, он является инстанцией, породившей преступный импульс, и воплощает саму идею преступления. Свидригайлов цинично указывает Раскольникову на его моральную, вернее аморальную непоследовательность. Герой отменил старую мораль в принципе, но продолжает цепляться за нее в своих суждениях и поступках: "Вы сами порядочный циник... Убеждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушонку можно лущить чем попало..." В Свидригайлове олицетворяется возможная судьба самого Раскольникова, вернее, ее завершение, дойди он до конца по пути духовного разложения. В Свидригайлове герой увидел отражение всей тьмы своей души в состоянии полновластного господства, увидел, какой мрак окутывает его душу, — и ужаснулся. Итогом полной нравственной релятивизации оказывается мировая скука и пошлость, вечность в виде закоптелой бани с пауками. Здоровое чувство отвращения спасительно для Раскольникова, что-то в нем еще сопротивляется окончательному уподоблению образцу, порожденному своей же большой фантазией. Раскольников духовно не мертв окончательно и потому в нынешнем своем состоянии он явно ощущает агрессивную враждебность Свидригайлова. Борьба здорового и болезненного

в душе Раскольникова внешне объективируется в борьбе и спорах его со Свидригайловым. В посягательствах на сестру Раскольникова Свидригайлов покушается на исходные основы бытия героя, т.к. сестра воплощает собою связь здоровой части его природы с "почвой". Свидригайлов всем своим существом предлагает Раскольникову цинично и окончательно утвердиться в новом своем бесчеловеческом облике. Но перед лицом этой ужасающей перспективы герой отступает наконец от демонического самоутверждения. От этого еще далеко до искреннего смирения, но с этого начинается мучительный процесс оздоровления души: "Каким же это процессом может произойти, что я наконец... смирюсь, убеждением смирюсь?" Этот вопрос в душе героя еще пронизан скепсисом, но он уже поставлен.

В образе Свидригайлова мы встречаем типичный ход Достоевского. Когда герой одержим какой-либо идеей, он обнаруживает на своем пути существо, воплощающее эту идею в ее завершенности. И тогда взгляду героя греховность его идеи предстает в необыкновенно мерзкой форме, что заставляет его содрогнуться и отшатнуться. Такова логика саморазоблачения зла. Так было с Аркадием Долгоруким, когда он столкнулся с воплощенным "Ротшильдом". То же случилось и с Раскольниковым, когда он оказался свидетелем попытки утопиться: "Нет, гадко... вода... не стоит", — отшатывается Раскольников от собственных мыслей.

Кроме того, необходимо отметить, что в ряду воплощенных злых духов Свидригайлов представляет собой еще не окончательно inferнальное существо. Какие-то остатки человечности в нем сохраняются. Он мучается своим состоянием, а не представляет из себя самодовольного беса, о чем говорит его полусон, полубред о девочке-утопленнице перед его самоубийством. Он отпускает Дуню, предлагает ей деньги, отдает свои средства сиротам, Соне и "невесте". Его низменные, патологические страсти тоже грехи человеческой природы, а не проявление чисто бесовского начала. Образ такого получеловека-полуидения не может получить дальнейшего развития именно в силу изначальной несочленности полярных начал на таком уровне их проявления. Или же человек окончательно погибает, или же он, чтобы сохранить свою специфику, должен более вочеловечиться. С самоубийством Свидригайлова этот неустойчивый образ окончательно погибает

и для творчества писателя и вновь возрождается уже в более "очищенном" виде: противоречивая человечность получает развитие в образе Версилова, inferнальное же начало — в бесах и черте Карамазова.

Благие душевные порывы самого Раскольникова и предстоящие ему положительные начала воплощены в образе Сони. Соня — Софья — София — это мудрость любви, веры, жертвы, самодуховное здоровье. В ней олицетворен в романе голос Христовой правды, воссиявшей среди грешников и блудниц. С другой стороны, это зов сердца самого Раскольникова, его глубинное стремление к любви, "правде Божией и закону земли". Сатанинская гордыня героя яростно борется с этим тихим свидетельством истины. Самоощущение "сильного" человека в душе Раскольникова заставляет его стыдиться в себе этого голоса, он постоянно грубо унижает Соню, цинично насмехается над всеми ее советами. Критиками замечено, что образ Сони соединяет в себе возвышенное, духовно просветленное и слабое, ребяческое, — сочетание, ненавистное для нищенского культа сверхчеловека.

"Конечно же Соня не является воплощением собственно Софии. София лишь стоит за Соней. Уменьшительное имя героини подчеркивает тот факт, что она тоже грешница, падшая, спасающаяся через смирение и раскаяние, которые только и преобразуют грех. Этот путь не есть благодатный путь мудрости — Софии, но отсвев ее в тьме жизни". (Вс. Катагощин).

Комната, где живут героини романа, олицетворяет их душевное пространство и форму. Если каморка Раскольникова — замкнутое, тесное, душающее пространство ("гроб"), то сонина комната большая, с тремя окнами. Она похожа на сарай с уродливыми неправильными углами. Душа Сони — не от мира сего и все в нем чуждо ей. Внешняя судьба ее исковеркана, но она остается светлым, открытым миру существом. Как добрый ангел Раскольникова Соня незримо присутствует с самого начала повествования.

На первое свидание к Соне Раскольников пришел, внутренне решившись только ей сознаться в убийстве: "Я пришел одно слово сказать". Он выбрал Соню, потому что в его представлении она духовно близка ему, ибо тоже "преступила": "Разве ты не то же сделала? Ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... с в о ю (это все равно)". Чувство

внутренней отверженности невыносимо для Раскольникова, и он бросается к Соне, чтобы ощутить человеческую солидарность хотя бы в грехе: "Пойдем вместе... Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!.. по одной дороге... одна цель". Естественно, он ожидает увидеть существо, в чем-то похожее на себя: уединенное, озлобленное, бунтующее. Но с изумлением видит нечто невероятное. Соня ощущает себя "бесчестной, великой грешницей", но никого не винит в этом. Смирненно неся свою долю, Соня преисполнена "насытным состраданием" к другим и заботой о близких. С трудом Раскольников понимает, в чем источник жизненной силы Сони: "И тут только понял он вполне, что значили для нее эти бедные, маленькие дети сироты..." Сострадание к другим дает возможность Соне выжить самой. Но искореженная душа Раскольникова еще не может этого принять. Он считает, что Соня обречена на окончательную гибель: "Ей три дороги... броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом или... или, наконец, броситься в разврат". В то же время он явно видит, что Соня всем существом своим не сломлена и не чувствует себя обреченной. "Что же поддерживало ее?" На что надеется эта сумасшедшая? Не на чудо ли? Раскольников внимательно вглядывается в незнакомый ему душевный мир верующего христианина: "Так ты очень молишься Богу-то, Соня?" Далее происходит событие, граничащее с чудом. С одной стороны, Раскольников глядит на Соню предвзято: "Разве это не признаки помешательства... юродивая, юродивая". И Евангелие он просит прочитать, чтобы убедиться в своем подозрении. Внешним образом он и получает подтверждения своим подозрениям. Он ясно видит цель Сониных душевных порывов и скептически оценивает их. Но вопреки всему этому светлый облик Сони оказывает на него глубокое воздействие: "Тут и сам станешь юродивым! Заразительно!" И слова о чуде воскрешения Лазаря неисповедимо пробиваются к его душе. Соня свидетельствует перед Раскольниковым о спасительных истинах: сострадание к людям, как первое условие душевного здоровья и жизненной опоры; и вера в высшую справедливость, и надежда на возрождение вопреки всем роковым обстоятельствам жизни.

Милосердная любовь Сони и сострадание к заблудшей и мучающейся душе привязывают ее к Раскольникову. Соня страстно молится о Раскольникове, вопреки всей очевидности надеясь на

чудесное воскресение погибающей души. Ее духовное целомудрие раскрывает Раскольникову живой лик Христа прощающего, любящего, воскрешающего. Идеиная одержимость и бесовская озлобленность перед светлым свидетельством еще терзают Раскольникова: "Свобода и власть, а главное власть! Над всей дрожащей тварью и над всем муравейником". Сонина же вера кажется ему помешательством. Но вопреки циничному рассудочному "здравомыслию" и гордыне сверхчеловека семена веры и надежды явно обронены в душу героя. Он необъяснимо для себя тянется к Соне: "одна ты у меня осталась... За одним звал, за одним приходил: не оставить меня. Не оставишь, Соня?" Душа Раскольникова еще полна зла, но он уже задыхается без Сони, не может без ее светлого кроткого облика, без оздоравливающего "воздуха", который она несет в себе. Во втором свидании с Соней происходит идейное саморазоблачение героя. Перед ним обнажается вся порочная бессмысленность его грандиозной идеи. Он ощущает свою одержимость: "Меня черт тащил..." Мгновения отрешения борются в нем с новыми всплесками маниакальности. Но непреодолимое внутреннее стремление вновь приводит Раскольникова к Соне. В третьем свидании герой существует как бы в двух планах одновременно. Эмпирически он так же циничен и груб, но через эту шелуху пробиваются глубинные внутренние импульсы: "Тон и слова эти — все было напускное". Он просит у Сони кресты. Пошлости в его речи перебиваются проблесками осознания всего, близкими к раскаянию. Он сосредоточен на своем внутреннем, отрешен, речь его сбивчива и бессвязна, но сознание остро фиксирует факты, затрагивающие его потаенные душевные движения. Он под неотразимым воздействием этой слабой девочки, ее образ не покидает его: "Выйдя на улицу, он вспомнил, что не простился с Соней, что она осталась среди комнаты, в своем зеленом платке, не смея шевельнуться от его окрика, и приостановился на миг. В то же мгновение вдруг одна мысль ярко озарила его — точно ждала, чтобы поразить его окончательно". Его циничный рассудок пытается объяснить причину прихода к Соне: "Ну для чего, ну зачем я приходил к ней теперь? Я ей сказал: за делом, за каким же делом? Никакого совсем и не было дела! Объявить, что иду: так что же? Экая надобность! Люблю, что ли, я ее? Ведь нет, нет? Ведь вот отогнал ее теперь, как собаку. Крестов, что ли, мне

в самом деле от нее понадобилось?" И вдруг рассудок приходит к неожиданному самообличительному выводу: "О, как низко упал я! Нет, — мне слез ее надобно было, мне испуг ее видеть надобно было, смотреть, как сердце ее болит и терзается! Надо было хоть обо что-нибудь зацепиться, помедлить, на человека посмотреть! И я смел так на себя надеяться, так мечтать о себе, нищий я, ничтожный я, подлец, подлец". Все это вовсе не следует из "эвклидовой логики" рассудка. Самоуничжительные формулы подсказываются смиренным и покаянным импульсом сердца, еще глубоко запрятым и слабым, но уже постепенно освобождающим ум. Конечно же, Раскольников приходил к Соне не из садистских наклонностей. В его сбивчивую внутреннюю речь вплетена одна фраза, указывающая на действительную причину: "Надо было хоть обо что-нибудь зацепиться, помедлить, на человека посмотреть!" За самообличительным пафосом скрывается признание: душа жаждет хоть за что-нибудь зацепиться, т.е. обрести опору, а для этого нужна встреча с человеком. Соня и есть этот человек с большой буквы, через нее медленно и болезненно просыпается человеческое достоинство Раскольникова. Соня сумела внедрить глубоко в душу героя неосознаваемое ощущение спасительных истин: "арифметики губят, а непосредственная вера спасает" (говорит Соня в черновиках романа), мания величия поработает, смирение — путь к свободе, начало же возрождения к жизни — в покаянии. Именно потому с Раскольниковым происходит событие, которое совершенно выпадает из обыденности: покаяние на Сенной площади. То, что хрупкая, слабая Соня заставила совершить невероятный для гордеца поступок, — показывает колоссальное духовное влияние Сони на Раскольникова. Описанием этого события как бы подчеркивается его бессмысленность и безумие с точки зрения обыденности. Внешне действие Раскольникова уподобляется безобразничанью пьяного. Раскольников остро осознает нарочитую искусственность такого поступка для постороннего взора и хочет остаться один. Но именно потому, что он кается не только внутренне, но и перед людьми, перед человечеством — под внешним покровом и связями происходят неосознаваемые духовные движения, которые прорываются вдруг на поверхность и подчиняют эмпирические проявления героя: "Когда дошел до середины площади, с ним вдруг произошло одно движение, одно ощущение овладело им сразу, захватило его

всего — с телом и мыслью. Он вдруг вспомнил слова Сони: "Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: "Я убийца!" Он весь задрожал, припомнив это. И до того уже давила его безысходная тоска и тревога этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Все разом в нем смягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю... Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз".

Этот внешне бессмысленный акт преисполнен глубочайшего внутреннего смысла. Соня своим свидетельством пробудила в Раскольникове здоровые душевные движения. Если он в этот момент и не раскаивался осознанно, душа его, тем не менее, просыпается к покаянию. В нем возрождается тяга к погрязшим истокам и основам жизни. В целовании земли происходит возврат души Раскольникова к "земле", "почве", в человеческую семью. И это акт не мистического натурализма, он реален духовно. После этого в духовных измерениях происходят некие изменения, которые скажутся созидательными началами возрождения героя. Впервые за долгое время душа Раскольникова, измученная расколом единства, ощутила веяние, грядущую возможность "цельного, нового, полного" бытия. Долог путь возрождения героя, но на страже его судьбы добрый ангел Раскольникова — Соня.

Итак, преступник покаянно целует землю и доносит на себя вопреки "эвклидовым" доводам собственного ума. Раскольников еще не раскаивается сознательно, еще мучают его болезненные вопросы, но неосознанное чувство толкает его на верный путь. "Зачем я иду теперь... Он уже сотый раз, может быть, задавал себе этот вопрос со вчерашнего вечера, но все-таки шел". "Соня и любовь сломали", — записано в черновиках к роману. Так сам Достоевский в письме к Каткову описывает душевные движения героя, приведшие к явке с повинной: "Неразрешимые вопросы восстают перед убийцей, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божья правда, земной закон берет свое, и он кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден,

чтоб хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям, чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его. Закон правды и человеческая природа взяли свое. Преступник сам решаете взять муки, чтобы искупить свое дело... Он сам нравственно требует наказания”.

Достоевский выявляет, что внешние поступки героя не всегда адекватны его внутренним состояниям. Равносмысленность внутренних импульсов и внешних действий чередуются с несовпадениями их. Духовные движения подготавливают эмпирические поступки, последние же открывают новые условия для внутренних изменений. На каторге долгое время с Раскольниковым по видимости ничего существенного не происходит. Он все так же угрюм и замкнут. Напряженная работа его ума закончилась полным убождением в собственной правоте. ”Эвклидова логика” развила первоначальную идею до завершения: он не виновен в злодеянии, свое преступление он признает только в том, что не вынес его последствий и сделал явку с повинной. ”Он страдал тоже от мысли: зачем он тогда себя не убил”. Это последний всплеск оскорбленной своей несостоятельностью сатанинской гордыни. Но, продумывая и мучаясь сознательным итогом своих мыслей, он, вместе с тем, глубинно переживал и другое. Духовные борения, пережитые им в прошлом, подготавливали новые процессы в его душе, ”и он не мог понять, что уж тогда, когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего взгляда на жизнь”. И вот это будущее властно вторгается в его душу и разрушает грандиозные и незыблемые эвклидовы построения. Соня и здесь является незаметным лекарем души героя. Раскольников не выдерживает невероятного напряжения душевной работы и серьезно заболевает физически.

Вновь окончательное рождение нового человека происходит в состоянии беспамятства. Это катастрофический переход из одного мира в другой, и он сопровождается потерей старого и рождением нового сознания. Идеологическое заболевание выходит из него, возвращается духовное здорovie. Именно в этот переломный момент

Раскольников посещает колоссальное пророческое видение. Свежи еще следы пережитого, и возрождающаяся душа окончательно опознает мучающие ее и выходящие из нее духи зла.

”Он пролежал в больнице весь конец поста и Святую. Уже выздоравливая, он припомнил свои сны, когда еще лежал в жару и бреде. Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что — добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставляли самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предлагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую

жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса”.

В этом видении Раскольникову является истина о сущности его духовной болезни, и о том, что немочь эта общая. Он ощутил свое душевное помутнение как часть духовного заражения общества, человечества. После пророческих сновидений происходит духовное воскресение героя. Через любовь к Соне душа его восстанавливает свою целостность и тянется к новому преобразению:

“Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом... Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомой действительностью. Это могло бы составить тему нового рассказа, — но теперешний рассказ наш окончен”.

На моменте воскресения Достоевский окончил нить своего рассказа и для будущего своего творчества. Во всех последующих произведениях он вновь и вновь возвращался в прошлое своего героя, пристально вглядываясь в главную тему: “преступление — наказание”, углубляя и расширяя ее.

Основные выводы темы метафизики зла в романе “Преступление и наказание” можно сформулировать так:

1) Зло в мире появляется как результат человеческого ложного выбора и греховного поступка, которые зарождаются в душе, по тем или иным причинам порвавшей связи с органичным укладом и исторической национальной культурой, т.е. “почвой”, “землей”. Отрыв от целостной и органичной почвенной жизни уводит в эвклидову диалектику отвлеченного умствования, а отказ от волевого напряжения и полноты нравственной ответственности ведет к выпадению из реальности в иллюзорную мечтательность. И потому:

2) Зло, прежде всего, лжедуховность, болезнь обезволенного, отвлеченного от истинных жизненных реальностей ума, погружающегося в силу этого в нездоровое подполье души. Романтическое беспредметное фантазирование приводит, в конечном итоге, к

орассудочиванию низменных стремлений. Все богатство душевной жизни сосредотачивается вокруг некой идеи-фикс, которая и предельно рационалистична, и предельно бессознательна одновременно. Этот обвал в сознании с одновременным выплеском на поверхность подпольных стихий создают такое бредовое состояние души, когда аморализм вдруг воспринимается как арифметически ясный и необходимый ход жизни.

3) Универсальное содержание самой идеи двуполносно: во-первых, это всегда искушение ложно понимаемым благом, во-вторых, непреодолимое стремление воплотить это “благо” приводит к формированию острого чувства миссионерства и, в конечном итоге, к мании величия. То есть, открывшаяся “истина” неудержимо влечет идеологически одержимого к насильственному осуществлению ее.

4) Порожденные человеческой пустой фантазией идеи постепенно превращаются в духов зла, поработающих душу, подчиняющих все многообразию жизни единой ложной цели. Они расщепляют единство души, т.е. разрушают облик личности как образа и подобия Божия в человеке и подменяют его фиктивным единством душевной жизни маньяка.

5) Отпавшие от человека злые духи приобретают собственную волю, способны похитить мировую плоть, индивидуализироваться и предстать перед человеком как внешнее, враждебное ему существо.

6) Злые духи, “одаренные умом и волей”, эти “трихины, существа микроскопические”, создают идеологическое поле, заражающее духовную атмосферу. “Идеи летают в воздухе, но непременно по законам; идеи живут и распространяются по законам слишком трудно для нас уловимым: идеи заразительны, и знаете ли вы, что в общем настроении жизни иная идея, иная забота или тоска, доступная лишь высокообразованному и развитому уму, может вдруг передаться почти малограмотному существу, грубому и ни о чем никогда не заботившемуся, и вдруг заразит его душу своим влиянием”. (Из “Дневника писателя”). Подверженные же этому недугу духа становятся источником заразы для других: “Как скверная трихина, как атом чумы, заражающей целые государства, так я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю”. (Из “Сна смешного человека”).

Некоторые аспекты темы зла в романе остались не рассмотренными в статье, т.к. в последующих произведениях Достоевского они получили более полное раскрытие. Это проблемы атеистического гуманизма, богоборчества, бессмертия души, социального утопизма, рабства и свободы человеческого духа, идеологического коллективизма. Этим и другим темам и будут посвящены следующие статьи цикла.

Основной нравственный вывод романа в том, что человек ни под каким предлогом не смеет нарушать "Божию правду, земной закон", т.е. богочеловеческую истину: для воплощения самой лучшей идеи нельзя принести в жертву даже самую низкую человеческую душу. Старуха, это злобное существо, олицетворяет собой искушение нравственной совести героя. Со злом нельзя бороться преступными средствами. Всякая попытка такого рода неминуемо ведет к умножению зла, которое окончательно захватывает прежде всего самого дерзкого преступителя незыблемых духовных устоев, и он превращается в сеятеля еще более чудовищных форм зла, чем то, которое вызвало в нем первоначальное омерзение и желание исправить эту "ошибку природы". С другой стороны, и самая благая цель недостижима злыми средствами, которые неминуемо превращаются в самоцель. Далее, Достоевский показывает неразрушимость метафизических основ души человека. Даже после величайшего преступления искра Божия сохраняется в человеке, он может воскреснуть. И после самого низкого падения у человека остается обязанность подняться. Долгая история душевных мучений Раскольникова показывает, насколько неуничтожим подавленный голос совести в человеке ("Закон правды и человеческая природа взяли свое"). Залог спасения — в слышании собственного нравственного чувства, пробивающегося из-под идейных глыб, которые подавляют "живую жизнь" души. Голос сердца продолжает звучать в растерзанной душе и вопреки логической неумолимости и эмпирической очевидности подсказывает, что "Бог поможет" пробуждающемуся к вере и надежде. Это внутреннее чувство высветляет путь возрождения: через покаяние и самоограничение, обуздание собственной гордыни, через сострадание и любовь к близким, через воссоединение с человечеством, "почвой". Это, в свою очередь, пробуждает главный оздоровительный

источник: открытость души живому облику Христа и Его благовестию. Таков путь человека, совершившего величайшее преступление. История Раскольникова напоминает нам, что и смертный грех искупим для покаявшегося и обращающегося ко Христу.

Роман "Преступление и наказание" является решающим этапом творческого и мировоззренческого самосознания Достоевского. В художественной форме он исследовал и обобщил свой духовный опыт и вполне осознал его итоги. Роман ни в коей мере не является автобиографическим произведением, но Раскольников духовно близок прошлому Достоевского. Как и герой "Преступления и наказания", Достоевский "происходил из семейства русского и благочестивого... Мы в семействе нашем узнали Евангелие чуть ни с первого детства... Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным", — вспоминал Достоевский. "Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы", — писала мать Раскольникову. Отпадение от истинных корней жизни началось у Достоевского тоже с отвлеченной мечтательности: "Юность Достоевского прошла под знаком романтического "мечтательства", шиллерского идеализма и французского утопического социализма". (Мочульский). Достоевский также заражен современными ему "носящимися в воздухе" идеями. "Я скажу вам про себя, что я дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой доски", — писал он из омской ссылки. В кружке Петрашевского Достоевский проходил этап созревания собственной "идеи", служению которой посвящаются многие годы писателя. Чиновник особых поручений министерства внутренних дел Липранди писал в своей докладной записке по делу петрашевцев: "В большинстве молодых людей очевидно какое-то радикальное ожесточение против существующего порядка вещей, без всяких личных причин, единственно по увлечению "мечтательными утопиями", которые господствуют в Западной Европе и до сих пор беспрепятственно проникали к нам путем литературы и даже самого училищного преподавания. Слепо предаваясь этим утопиям, они воображают себя призванными переродить всю общественную жизнь, переделать все человечество

и готовы быть *апостолами и мучениками* этого несчастного самообольщения". Эта характеристика, безусловно, распространяется и на мировоззрение Достоевского того периода. Несчастное самообольщение — горестное и точное наименование того, что пережили и автор, и герой романа. Эта болезнь ума в своем содержании тоже имела два главных мотива. Во-первых, социальный утопизм, протест против несправедливости и защита "униженных и оскорбленных", что было темой всех ранних произведений Достоевского. Но та же "рационализация живой жизни" заставляет видеть действительную жгучую проблему в искаженной перспективе, и формирует сознание ложного миссионерства ("апостолы и мученики"), подводящего к преступной черте.

Кроме общества Петрашевского, которое было легальным и о собраниях которого знал весь Петербург, Достоевский примкнул к тайному радикальному кружку Дурова и играл в нем ведущую роль. Кружок ставил перед собою цель готовить народ к восстанию, а для пропаганды этого завести тайную типографию. Члены этого тайного общества намерены были действовать решительно, не останавливаясь для достижения своих целей перед крайними мерами: "Когда распорядительный комитет общества, сообразив силы общества, обстоятельства и представляющийся случай решит, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное открытое участие в восстании и драке", — это из "обязательной подписки" кружка Дурова, которая, очевидно, разделялась и Достоевским. В постановлении общества было записано, что "должно включить в одном из параграфов приема угрозу наказания смертью за измену; *угроза будет еще более скреплять тайну, обеспечивая ее*". Так Достоевский внутренне пережил возможность убиения человека за идею. Последнее изречение удивительно напоминает "Катехизис революционера" Нечаева. Сам Достоевский признавался впоследствии в своем "преступлении": "Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли стать нечаевцами, т.е. стать на нечаевскую же дорогу, в случае, если бы так обернулось дело? Конечно, тогда и представить нельзя было, как бы это могло так обернуться дело? Но позвольте мне про себя одного сказать: Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но нечаевцем, не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности". В конце жизни Достоевский говорил Д. Аверкиеву, что "петрашевцев

и себя в том числе полагает начинателями и распространителями революционных учений".

Достоевский на собственном опыте узнал, что "страдание великая вещь", что оно необходимо для духовного оздоровления. Многие соратники Достоевского не выдержали заключения в крепости. Двое сошли с ума, двое других намеревались покончить собой. Впоследствии писатель рассказывал Вс. Соловьеву: "Когда я очутился в крепости, я думал, что тут мне и конец, думал, что трех дней не выдержу, и вдруг совсем успокоился". Но путь перерождения Достоевского, как и Раскольникова, мучительно долог и крайне противоречив. "Мне очень трудно было бы рассказать историю перерождения моих убеждений... История перерождения убеждений, — разве может быть во всей области литературы какая-нибудь история более полная захватывающего и всепоглощающего интереса? История перерождения убеждений — ведь это и прежде всего история их рождения. Убеждения вторично рождаются в человеке, на его глазах, в том возрасте, когда у него достаточно опыта и проницательности, чтобы сознательно следить за этим глубоким таинством своей души". ("Дневник писателя"). Воспоминания Достоевского удивительно напоминают внутренние состояния героя "Преступления и наказания" на каторге. Физические страдания и выключенность из потока внешних событий способствуют формированию глубинных душевных превращений. "Вечное сосредоточение в самом себе, куда я убежал от горькой действительности, принесло свои плоды. У меня теперь много потребностей и надежд таких, об которых я и не думал. Но это все загадки и потому мимо..." (Письмо к брату). "Помню, что все это время, несмотря на сотни товарищей, я был в страшном уединении, и я полюбил, наконец, это уединение... Одиноким душевно, я пересматривал всю прошлую жизнь, перебирал все до последних мелочей, вдумывался в мое прошлое, судил себя неумолимо и строго, и даже в иной час благословлял судьбу за то, что она послала мне это уединение, без которого не состоялись бы ни этот суд над собой, ни этот строгий пересмотр прежней жизни. И какими надеждами забилося тогда мое сердце! Я думал, я решил, я клялся себе, что уже не будет в моей жизни ни тех ошибок, ни тех падений, которые были прежде... Я ждал, я звал поскорее свободу, я хотел испробовать себя вновь на новой борьбе... Свобода, новая жизнь, воскресение

из мертвых. Экая славная минута!" Но, как у Раскольникова, у Достоевского с этого только "начиналась новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе неведомой действительностью". Этот переход из мира идеологических иллюзий и фикций в мир реальных здоровых духовных ценностей проходит медленно и болезненно. Еще долгие годы Достоевский изживал свои идейные заблуждения. Но как и для героя романа, для самого писателя первым шагом к духовному воскресению было тесное общение с простым народом и открытость ему: "От народа я принял вновь в мою душу Христа, Которого узнал в родительском доме еще ребенком и Которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в "европейского либерала". ("Дневник писателя"). Духовное исцеление означает встречу со Христом, — в судьбу Раскольникова Достоевский вложил итог собственного катастрофического жизненного опыта. Достоевский был на той же грани, что и Раскольников, но спасся, не переступив ее. Это дало ему огромный человеческий опыт. Но этого мало. Достоевский совершает "опыт художника" и заставляет Раскольникова переступить. Писатель как бы ставит эксперимент: что было бы с ним самим, если бы он переступил.

Никто так не способен разоблачить маску зла, как человек, им переболевший. Заразившись ложными идеями, "носящимися в воздухе", Достоевский был не оригинален в этом. Постепенно все интеллигентное общество, олицетворяющее ум нации, прониклось новым духом. Многие великие люди так и не освободились от него, но все более усугублялось их состояние и все более захватывалось им людей. "Факты показывают нам, что болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы воображали, и что Белинским и Краевским и прочими дело не ограничивалось". (Письмо к Майкову по поводу "Бесов"). Достоевский был оригинален в том, что, дойдя до края и заглянув в бездну, он изжил это и сумел вынести уникальный опыт. Его видение стало пророческим. Он не превратился в праведника, но обрел невероятную чуткость к опознанию духов зла. Достоевский сумел разглядеть в зародыше и описать ту "трихину" духовной болезни, которая поразит в будущем всю Россию, весь мир. Пережив в опыте своей души, он в образе Раскольникова описал

последовательное усугубление и те периоды этой болезни, которые роковым образом развернутся впоследствии. Это не значит, что Достоевский буквально описывал события будущего, но ему на индивидуальном опыте удалось вскрыть ту общую закономерность, которая развернулась в будущих судьбах людей, обществ, народов. Таким образом, судьба Достоевского провиденциальна, а творчество его пророческое. Достоевский четко сознавал свою историческую миссию: "Писатели наши высокохудожественно изображали жизнь средне-высшего круга (семейного). Думали, что изображают жизнь большинства. По-моему, они-то и изображали жизнь исключений... Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека русского большинства и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону. Трагедия состоит в сознании уродливости... Только я один героя вывел трагедии подполья, состоящей в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и невозможности достичь его, а главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все (неразборчиво), а стало быть, не стоит и исправляться. Что может поддержать исправляющихся? Награда, вера? Награда ни от кого, вера ни в кого?.. В этом убедятся будущие поколения, которые будут беспристрастны, правда будет за мною. Я верю в это". (Из записных книжек к "Подростку"). Жизнь сложилась так трагически, что у нас нет никакого права быть пристрастными, т.е. не услышать и не опознать того смысла, который выразил Достоевский. Называя духовную болезнь разрушения, поразившую Россию, общим словом анархизм, Достоевский писал: "Считаю задачу мою (разбитие анархизма) гражданским долгом". (Из письма к Победоносцеву).

Итак, судьба метафизического героя романа "Преступление и наказание" есть описание духовного опыта самого Достоевского. Вместе с тем, в этом индивидуальном облике воплощена мучительная духовная история России в целом. О том, что Достоевский так и мыслил своего героя, может говорить толкование его фамилии, имени и отчества. По предположению советского исследователя С.В. Белова, Раскольников Родион Романович символизирует: раскол родины Романовых. Раскол же означает, с одной стороны, раздвоение, расщепление, распадение единства души России, с другой стороны, эта фамилия указывает

на раскольников как одержимость одной идеей, фанатизм, которому все более подвергается русское интеллигентное общество. Персоналист и реалист духа, Достоевский пережил и поведал нам о внутренней нашей трагической судьбе. Мы живем во "время безвременья", когда разрушена связь времен. Но мы не в безвоздушном пространстве, а кровно связаны с тем, над чем мучились великие наши классики. Восстановить нравственное достоинство и духовное единство личности, т.е. жить и иметь будущее — в осознании его и ответственности за него. Явление великого гения Достоевского открывает нам, что не может быть, чтобы такого рода "духовные переломы в прошлом" не "подготавливали новые процессы" в нашей душе. "Это предчувствие" может быть "предвестником будущего перелома в жизни... будущего воскресения... будущего взгляда на жизнь". Но только когда великое духовное наследие русской культуры становится содержанием нашей исторической памяти и элементом нашего самосознания, мы получаем залог духовного возрождения.

Москва 1983 г.

Материалы по истории русской культуры

ПИСЬМА Г. А. РАЧИНСКОГО К М. К. МОРОЗОВОЙ*

Публикуемые ниже письма, как и письма С.Н. Булгакова в предыдущем номере, освещают деятельность издательства "Путь", основанного в 1910 г. видными деятелями московского религиозно-философского общества на средства Маргариты Кирилловны Морозовой (1873—1958). К общим сведениям, нами уже данным, прибавим свидетельство В.В. Розанова, тем более ценное, что он участия в издательстве не принял:

"Спрашивал Г. о "Пути" и Морозовой...

Удивительная по уму и вкусу женщина. Оказывается, не просто "бросает деньги", а одушевлена и во всем сама принимает участие. Это важнее, чем больницы, приюты, школы.

Загаженность литературы, ее оголтело-радикальный характер, ее кабак отрицания и проклятия — это в России такой ужас, не победив который нечего думать о школах, ни даже о лечении больных и кормлении голодных.

Душа погибает: что же тут тело.

И она взялась за душу.

Конечно, ее понесли бы на руках, покорми она из своего миллиона разных радикалистов.

Она это не сделала.

Теперь ее клянут. Но благословят в будущем.

Изданные уже теперь "Путем" книги гораздо превосходят содержанием, интересом, ценностью "Сочинения Соловьева" (вышла деятельность из "Кружка Соловьева"). Между тем книги эти все и не появились бы, не будь издательницы. Так. обр. простое богатство, "нищая вещь перед Богом", в умных руках сотворила как бы "второго философа и писателя в России, Соловьева".

Удивительно". (В.В. Розанов. *Сочинения*. Мюнхен, 1970, с. 192—193).

* Публикация и примечания Н. А. Струве.

Г. А. Рачинский (1853—1939), один из руководителей издательства вместе с С. Н. Булгаковым, кн. Е. Н. Трубецким, В. Ф. Эрном и Н. А. Бердяевым, был особо близок к М. К. Морозовой, так как состоял с ней в свойстве (он был женат на ее двоюродной сестре).

Личность Г. А. Рачинского, равно как и его литературное наследие, еще не изучены. Большое впечатление произвел Г. А. Рачинский на А. А. Блока:

”Г. А. производит впечатление небывалое, равно как и вся обстановка их дома, обед и пр. После обеда читал им массу стихов, Рачинский сказал в восторге, что он не ожидал, что я выше Брюсова (а Бальмонта он не выносит...)”. (Письмо к матери от 19.1.1904).

Красочные строки посвятила Рачинскому в своих воспоминаниях Е. К. Герцык:

”Захаживал ко мне и старик Рачинский, просвещал в православии. Изумительная фигура старой Москвы: дымя папиросой, захлебываясь, целыми страницами гремел по-славянски из Ветхого Завета, перебивал себя немецкими строфами Гете, и вдруг, размашисто перекрестясь, перебивал Гете великолепными стихирами (знал все службы назубок), и все заканчивал таинственным, на ухо, сообщением из оккультных кругов — тоже ему близких. Подлинно верующий, подлинно ученый, и что важнее, вправду умный, он все же был каким-то шекспировским шутком во славу Божию — горсткой соли в пресном московском кругу. И за соль, и за знания, и за детскую веру его любили”. (*Воспоминания*. УМСА-Press, 1973, с. 122—123).

Из писем видно, что Г. А. Рачинский боролся в 10-х годах с распространяющимся влиянием антропософии Р. Штейнера, а во время войны отмежевался от антизападнических противогерманских течений, захвативших некоторые православные круги (В. Эрн и др.). Судя по примечаниям к материалам и исследованиям о А. Блоке (*Литературное Наследство*, т. 92, 93), архив Г. Рачинского в значительной своей части сохранился.

17 декабря 1910

Милый, дорогой мой друг, Маргарита Кирилловна! Пищу потому, что сил моих нет, что не могу лечь спать, не выливши мою душу. Я пришел домой; Таня¹ в концерте; хотел молиться, но и молиться тяжело. Мне надо сказать, что я чувствую, а ждать я не в силах; то, что было, должно остаться тайной: я никому поведать этого ужаса не могу и не хочу; но, поверьте, — это не фраза, — у меня в душе что-то надломилось, она вся израненная. Знаете, какое у меня сейчас чувство? Я ощущаю то, что ощущает женщина, когда она только что отдалась человеку, вся, просто, обнажив ему любовно свое тело, и вдруг видит, что она ошиблась, что он, конечно, милый, умный, честный, чистый, вообще все, что вам угодно, но ее решительно не чувствует и не понимает. Милая, поверьте, что у меня нет обиды на душу! ”Жив Бог, жива душа моя”! Я привык, как священник и слуга Распятого, не обижаться и не оскорбляться. Но, Боже, какой ужас! Я три часа говорил с покойником! Если бы я не знал, что все души бессмертны, и что лгут те мистики, которые говорят, что часть души умирает, я бы сказал, что видел мертвую душу. Когда я, с мукой любви и сдерживая слезы, говорил о себе всю правду, говорил всю правду о друзьях, об Эрне, Булгакове, Бердяеве² и главное о Боре Бугаеве,³ он⁴ острил, перемигивался с вами и наслаждался моим умом и остроумием. Он мне не поверил, не поверил, не поверил! У меня такое чувство, словно я продал всех своих друзей, как Иуда! Он не понял моих слов о его брате Сергее,⁵ не понял, что я говорил о своей религиозной задаче, и *нечаянно* подав мне руку при моих словах о пасении стада Христова, поспешил ответить мне латинскою грубостью, имевшей смысл: ”Я не нуждаюсь в пастыре”! И не прибавил, что рад другу; ему моя дружба не нужна. Я шел на разговор, зная, что он ваш друг, что вы его уважаете и любите, что Метнер,⁶ Бугаев и другие нападают на него, что это вам больно. Я хотел, чтобы вы были при нашем разговоре: я думал доставить радость и счастье себе и вам. И вот, что вышло! Я три года борюсь перед всей Москвой за Трубецкого, называю его моим милым другом (?), защищаю все

его работы, статьи и речи. А он сделал мне такую надпись на книге, что я не знаю, куда мне теперь ее от сраму девать. Он теперь уедет, и к моему счастью я успею отдохнуть и буду молить за него и поддерживать изо всех сил, как и прежде. Но, Боже, Боже, до чего мне тяжело! "К тебе утреннюю, милосердия ради источившему Себя непреложно, и до страстей бесстрастно преклонившемуся, Слове Божий, мир подаждь ми падшему, Человеколюбче!" Простите, что мучаю вас, но мне не с кем пострадать, пожалеть и полюбить. А надо еще идти к Лопатину⁷ говорить о заседании в память Толстого; я думал, что Трубецкой мне поможет советом: какое ему дело до нашего религиозного общества! Вы часто браните людей в типе Вяч.Иванова⁸ и восхваляете чистоту Трубецкого. Знаю, что вы правы, иначе не молился бы я Пречистой и Преподобной Деве Марии: Но знаю я и то: "Ангелу Лаодикийской Церкви напиши: так говорит Аминь, Свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела, что ты не холоден и не тепл. О, если бы ты был студен или тепл; но ты нечто среднее, ты не холоден, и не тепл; и поэтому я изблюю тебя из уст моих. Ибо ты говоришь: я богат и мне ничего не нужно, а не знаешь, что ты несчастен и беден, и нищ, и слеп, и наг... Я стою у двери и стучу, и кто услышит голос мой и отперет двери, к тому я войду и сяду за вечернюю трапезу с ним, и он со мною". — Еще раз простите, что мучаю; но написал вам — и на душе стало легче. Христос с вами!

Душевно вас любящий

Григорий Рачинский.

15 августа 1913
с. Бобровка

Дорогая Маргарита Кирилловна! Я очень обрадовался, получив от Вас весточку. Я тоже часто вспоминал о Вас и несколько раз собирался вам писать; но Вы знаете, как я тут на писание писем, да еще к тому же я это лето как-то потерял свою обычную бодрость и стремительность, скоро утомлялся работой, и был поэтому по временам в сравнительно унылом настроении духа, что мне не

свойственно. Но, впрочем, в общем я недурно отдохнул, чувствую себя вполне здоровым и бодро жду зимы с ее работой, борьбой и волнениями. А зима, думается мне, предстоит бурная: история новой "ереси" о имени Иисусовом, как Вы вероятно заметили из газет, принимает все более гнусные формы; военная экспедиция епископа Никона на Афон,¹ арест монахов и рассылка их в изгнание по русским монастырям — все это создает такое положение, на которое нельзя не откликнуться, под риском быть осужденным за религиозное равнодушие и подпасть под проклятие тех, "кои дело Божие делают небрежно"! Ужасно боюсь, что из этого ничего не выйдет: поговорят, покипятятся и бросят бедных монахов на произвол судьбы; дай Бог, чтобы мое предчувствие оказалось ложным! — Кроме этого, я имею основания думать, что борьба с теософией примет эту зиму более резкие формы. Выйдет книжка Метнера, которая не замедлит вызвать взрыв негодования у Бориса Николаевича, да и у остальных теософов. Нельзя же трогать безнаказанно Великого Доктора, Предтечу пришествия Христа на эфирном плане!² Затем в самой среде теософов назревает раскол; Эллису³ надоела теософическая кабастика, и он повернул к чистому христианству, за что на него немедленно поднялось гонение. Он писал мне, прося меня заступиться за него и выяснить [sic!] теософам, что нельзя быть такими нетерпимыми. Об этом он писал еще одному из своих московских друзей — Киселеву,⁴ которого я не без успеха отбиваю и, кажется, совсем отбил от увлечения философией Штейнера. Я послал Эллису в ответ на его письмо огромное послание на трех кругом исписанных листах большой писчей бумаги (около трети печатного листа), где излагаю ему мое исповедание, мое отношение к теософии и, не задевая личности Штейнера, который ему все еще дорог, выясняю ему тот нетерпимый и прямо антихристианский характер, который приняло штейнерианство, поощряю и убеждаю его вступить на путь чисто христианской мистики, бросить шатание по заграницам и вернуться в Москву. Я снял копию с этого моего послания и прочту Вам его при свидании; пока вся моя переписка с Эллисом секрет, ибо он просил не разглашать о его обращении ко мне, но я уверен, что он же первый покажет мое письмо теософам и выйдет некоторый скандал, против которого я ничего не имею: мне надоела их злохитрая и прикрывающаяся щитом духовной тайны

пропаганда! Меня прямо возмутила вышедшая в "Духовном Знании" книжка Сабашниковой⁵ о св. Серафиме Саровском. Это — теософическая фальсификация жития святого, написанная очень хитро в ультра-христианском тоне, с возмутительными рассуждениями о смысле старчества и аскезы, о чуде, о Христе и т.д. Я сделал на нее ряд примечаний и начал даже писать ее разбор, имея в виду сделать о ней в тесном кругу обстоятельный доклад. Московские теософы, как мне известно, рассчитывают пустить книгу в народ, в круги сектантов, и вообще распространить ее в широкой православной публике. Это уже прямое нападение и надо защищаться! — Я очень рад, что Яковенко отличился переводами Фихте,⁶ а то нам на переводчиков не везло. Я не писал Вам о моих тревожениях по поводу перевода Макшеевой "Беме" и 2-го тома Чаадаева, ибо хотел, чтоб Вы хоть летом отдохнули от редакционных недоразумений и невзгод, представляющих, впрочем, крестный путь всякого русского издателя. Не везет Булгакову на его "protégés", оказалось, что Макшеева очень плохо знает немецкий язык, целый ряд мест переведен так, что смысл получается прямо обратный. Каждые три строки — какое-нибудь вранье. Как пример приведу Вам такой рекорд: Беме умирает и хочет причаститься — "Er beehrte das Abendmahl zu nehmen";⁷ переводчица передает это, ничтоже сумняся, "он просил дать ему поужинать"!!! Я со скрежетом зубным отредактировал две трети рукописи и через три, четыре дня кончу всю; перевод будет приведен в приличный вид, хотя, конечно, при таких условиях хорошего перевода из него не сделаешь. Но кроме этого у меня при редактировании возникали сомнения относительно некоторых мест брошюры, которые нам с Вами при чтении не бросились в глаза; очень уж грубо антихристианский тон. Я думаю отложить ее набор до встречи с Вами; она маленькая, не больше полутора листа в 40 тысяч букв и набрать ее можно в несколько дней; но думается, надо прежде посоветоваться с Вами и привлечь в совет Булгакова, а то я начинаю бояться цензуры. Быть может, предисловие или примечания, или смягчение текста (чего я, впрочем, принципиально не люблю) могут поправить дело. — О Чаадаеве Вы вероятно слышали от Сусанны Михайловны: Гершензон⁸ бросил его на меня и пропал; он прочел в Одессе 4, 5 и 6 листы и сделал свои замечания, но с тех пор о нем ни слуху, ни духу.

Я злюсь, но усердно работаю над Чаадаевым. 7, 8, 9, 10 и 11 листы готовы у меня, хоть сейчас начинать, дело стоит за Гершензоном; 12, 13 и 14 листы будут готовы на этих днях; 15, 16 и 17 в наборе и должны поспеть к концу августа. А так как всего будет 20 листов с небольшим, то я рассчитываю выпустить книгу, как предполагалось, в сентябре, если только Гершензон еще чего-нибудь не напутает. — Я не унываю, работаю за себя и за него, но с его характером ни в чем нельзя быть уверенным; он в середине дела внес еще летом ряд изменений и заставил меня перечитать уже готовые листы и переделать их еще раз. — Очень меня обрадовало, что Мика⁹ вернулся из Англии патриотом! Пора нам вернуться к добрым, старым традициям сороковых и пятидесятых годов, когда лучшие люди в России знали литературу Запада и его философию так, как теперь и не снится никому, любили и понимали западную культуру, не хуже Эмилия Метнера, но оставались в корне русскими людьми и жили до могилы русскими интересами, работая для России и во имя России. Я всю жизнь любил Гете и носился с ним, но это не мешает мне любить и понимать старцев Оптиной и быть по мере сил моих человеком русским и православным. Думаю быть в Москве в первых числах сентября и с нетерпением жду свидания с Вами. О многом хочется поговорить; на письме всего не скажешь. Таня шлет Вам свой душевный привет.

Сердечно Вас любящий

Григорий Рачинский.

III

14 июля 1914

с. Бобровка

Дорогая Маргарита Кирилловна! Поздравляю Вас с днем Вашего ангела, крепко целую Ваши ручки и от души желаю Вам всех благ земных. Мы здесь, как вероятно и Вы, изнемогаем от жары; только последнюю неделю стали изредка перепадать дожди, и хоть минутами можно передохнуть. Первое время, с нашим семейным торжеством и поездкой в соседнее Татеево, а затем

поездкой на два дня во Ржев на похороны Веры Ивановны Остроуховой, я никак не мог приняться отдыхать; а устал я и истрепал нервы за зиму порядком. Теперь я отдышался и усердно взялся за работу. Перевожу для "Пути" биографию Паскаля, переданную, как Вы знаете от Сусанны Михайловны, в мое распоряжение Розановым. Рассчитываю кончить ее к сентябрю и привезти в готовом виде, так что можно будет немедленно приступить к ее печатанию. Заканчиваю редактирование брошюры о Беме, которую в конце июля пришлю для сдачи в печать. О Герцык и ее Баадере¹ пока ни слуха, ни духа; напишу ей на этих днях запрос. Я очень рад, что мог, временно оставив перевод Вендланда,² взяться за Паскаля: он меньше, я могу его кончить к сентябрю, и у нас к Рождеству будет готова лишняя и, на мой взгляд, очень интересная книга, что нам очень нужно. А Вендланд, даже если бы я и положил на него все свое время, все равно не мог бы выйти из печати раньше весны, а это для нас самое невыгодное время. Флоренский сообщил мне радостную весть, что казанский профессор Шестаков согласился перевести для нас св. Дионисия Ареопагита.³ Он написал Флоренскому, что весьма сочувствует "Пути" и считает мистическую философию высшей формой философии, что бы ни говорили против мистики. Перевод он рассчитывает кончить к сентябрю; так что у нас, наконец, будет налицо еще один философ, кроме Фихте. Перевод обойдется нам около 50 рублей за лист, как мы и предполагали; но книга будет сравнительно небольшая, и перевод будет выполнен образцово, ибо он большой знаток, как греческого языка вообще, так и отцов церкви в частности. — Сусанна Михайловна переслала мне письмо некоего Наживина, который предлагает нам купить у него право на второе издание книги проф. А.С. Архангельского "Преподобный Нил Сорский", давно уже ставшей библиографической редкостью. Автору надо заплатить 1 000 рублей в три года за 3 000 экземпляров, сроком на 10 лет. Мне кажется, что это дело нам решительно неподходящее: во-первых, я отношусь очень подозрительно ко вторым изданиям библиографических редкостей недавнего времени; 3 000 экземпляров уже были проданы и на руках у людей, так что трудно сказать, пойдет ли книга прилично, несмотря на все ее достоинства. Во-вторых, книга не новая, и в этом смысле не будет, так сказать, наша — путевская; и в-третьих, нам на святых

пока не везет, примером чему служит брошюра Волжского;⁴ хотя, по слухам, книга хорошая (сам я ее не читал) и представляет, по-видимому, ученое исследование, а не житие святых или художественную картинку. Я до сих пор не отвечал, конечно, хотя Наживин и просил скорого ответа. Напишите мне Ваше решающее слово, и я тогда отвечу ему. Довольны ли Вы своей поездкой по Волге? Какие вынесли из нее впечатления? У Вас ли Дурьлин?⁵ Я завтра напишу ему письмо и адресую его к Вам в деревню; если он не у Вас, и Вы знаете его адрес, то перешлите, пожалуйста, письмо к нему. Мы здесь ужасно потрясены надвигающейся войной; это будет нечто небывалое по ужасу и значению. Страшно подумать, что нас ждет впереди: какой-то суд Божий идет! А тут еще засуха, неурожай трав и хлебов и забастовки в Петербурге и Москве. Буду ждать от Вас весточки. О "Пути" вестей не имею; там должно быть летнее затишье, хотя Леруа⁶ идет вперед, и, по моим наблюдениям, отредактировано отлично. Шлю сердечный привет Мике и Марусе. Таня всем сердечно кланяется.

Душевно Вас любящий

Григорий Рачинский.

IV

17 августа 1914
с. Бобровка

Дорогая Маргарита Кирилловна! Горе имеим сердца! — Имамы ко Господу! Вот что теперь день и ночь звучит в моем сердце. Служится страшная литургия, и люди несут жертвы на алтарь Господень, жертвы душ и жизней своих. С верою и любовью присутствуешь при ней, и, при каждом известии о возможной победе, со страхом и трепетом говоришь: Благодарим Господа! — Меня ни на одну минуту не покидает надежда, что Господь пробавит милость свою на ведающих Его. Начинается в жизни что-то безусловно новое, и мне, прожившему большую часть жизни в XIX веке, помнящему смутно войну северян с южанами в Америке за освобождение негров и ясно франко-прусскую войну, только теперь начинает ясно чувствоваться, что мы живем в новом, двадцатом

веке. И, видимо, России суждено сыграть в этом веке большую и решающую роль: Саваоф, Бог воинств, дает силу и победу лишь тем, кого он избрал для какой-нибудь великой задачи; это справедливо даже по отношению к гуннам, туркам, арабам и другим бичам Божиим, тем более по отношению к христианам. Но горе тому народу, который не выполнит эту задачу: "своих рабов Он судит строго!" И страшно и радостно чувствовать это призвание и понимать, что именно теперь добро и красно, чтобы все братия жили вкупе. Начинается великая работа впереди, и страшно оказаться рабом ленивым и лукавым в среде народа Богоносца. Вспоминая все, что говорил Достоевский, и брак в Кане Галилейской Алеши, понимаешь, какой он был пророк. Но это еще все впереди, а пока жутко, и молиться надо, чтоб Он не отверг нас от лица своего и Духа Святого своего не отнял от нас, воздал нам радость спасения своего, и Духом Владычным утвердил нас. — Вы ничего не пишете мне про вашего Юрия;¹ куда он назначен и плавает ли он? Младший сын Варвары Ильинишны Гучковой, весной кончивший гимназию, идет добровольцем. Ужасно грустно, что Бугаев застрял в Базеле; будь он в России, его все происходящее образумило бы и потрясло, и он вышел бы из антропософического тумана с его дурацкими эволюциями и инволюциями; а теперь я боюсь, что Штейнер выдумает какое-нибудь злохитрое объяснение настоящих событий и одурочит Бугаева, Петровского² и остальных. Не надо и того забывать, что он лжепророк, но подлинный немец, а Базель в немецкой Швейцарии; воображаю, что там плетут на нас швейцарцы-немцы, несмотря на их дружеский к нам нейтралитет. Жаль бедного Метнера, сидящего в Цюрихе; он русский воспитанием и вечно страдающий душой, но не любящий и не понимающий Достоевского, находится под частичным угаром продолжающегося величия немецкой культуры и необходимости нам учиться у немцев. Вечный Гамлет, он должен очень страдать и за горячо любимую им родину, и за нравственный позор народа, учеником которого он не может не считать себя. А Цюрих еще более немецкий город, чем Базель; выбирался бы он поскорее как-нибудь восвояси: ему для его больной души нужно и полезно быть сейчас в России: у нас сейчас целительный воздух. Я страшно боюсь за Эллиса, погруженного в религию и, конечно, не успевшего уехать. О нем нет

вестей. Я видел его во сне при довольно странных обстоятельствах в ночь с 2-го на 3-е августа, а этих своих снов я не люблю. Слава Богу, что они мне крайне редко снятся. — У нас во Ржеве был сначала назначен разборный пункт для всех раненых с правого фланга, но теперь это отменено, и будет очень большой госпиталь земской организации на две тысячи кроватей. Сестра перенесла те кровати, которые она хотела оборудовать в деревне у себя, во Ржев, и теперь у нас настоящая швейная мастерская: все кроют и шьют. Вашей открытки я не получил: она, очевидно, пропала в суеде мобилизации; а суеда была немалая. Пропало и мое письмо к Герцык, где я послал ей сообщение о том, что мы решили с Евгением Николаевичем по поводу Баадера. Я не догадался послать его заказным, а писал я за один день до войны. У бедной Герцык убит дядя-полковник. — Мы с Таней собираемся приехать в Москву 2-го сентября вечером или 3-го утром. Но не знаем пока, как доедем: самим-то нам добраться не Бог знает как трудно, только вагоны берутся с бою и теснота страшная. Но у нас много вещей: платья, белья, книг и т.д.; везти все это багажом очень дорого, а товаров большой и малой скорости пока не берут. Ну, да доберемся как-нибудь! Целую ваши ручки. Таня шлет вам сердечный привет.

Душевно Вас любящий

Григорий Рачинский.

P. S. О делах издательства не пишу: поговорим при встрече. Одно думаю: стремиться теперь выпустить много книг к октябрю не следует; они пропадут из глаз публики, занятой всецело войной.

V

28 августа 1914
с. Бобровка

Мой дорогой и милый друг, Маргарита Кирилловна! Ровно через неделю 3-го сентября утром буду в Москве и надеюсь увидеть Вас, очень соскучился по близким! Я переписываюсь с Евгением Николаевичем и чувствую, что он с каждым днем становится мне

все дороже и дороже; сейчас он мне по внутреннему строю души, ближе всех из моих друзей, ближе Булгакова; об Иванове уже не говорю. Я знаю, что Вас это порадует, и сам рад написать Вам об этом. — Затем должен Вам сообщить, что не только вся Россия стала трезвой, и все партии в ней примирились, но даже Григорий Алексеевич Рачинский сидит пишет статью, которую прочтет Вам и Евгению Николаевичу, с тем, чтоб потом ее напечатать. Прямо чудеса на свете делаются! — Эти дни у меня из головы не выходит наша молодежь, начиная с Мики; я чувствую, что теперь надо ее любить в сто раз больше, и всю душу, все силы положу на то, чтобы помочь ей, чем можешь. Она наша надежда, ей будет принадлежать будущая великая Россия. Хоть бы дожить до ее счастья и со слезами сказать "Ныне отпускаеши раба твоего, Владыка, по глаголу твоему с миром; яко видели очи мои спасение твое..!" — Я кончил всю работу и везу Вам в готовом виде и Беме (брошюру), и Паскаля (биографию). Начал готовить Баадера. До свидания. Целую Ваши ручки.

Всей душой Ваш

Григорий Рачинский.

5 июля 1915
с. Бобровка

Дорогая Маргарита Кирилловна! Как Вы поживаете, что поделяете, как Ваше здоровье? Очень я по Вас соскучился и хотелось бы иметь от Вас весточку! Я сейчас сижу в деревне без Тани, она уехала в Москву с Парашей, которой надо было посоветоваться с врачом. Жду ее назад дня через два. Я немножко отдышался от зимы и принялся за работу: перевожу биографию Боссюэта. Читаю собрание сочинений кн. С.Н. Трубецкого и нахожу много интересного и поучительного. Отвожу на нем душу от споров зимних о немецкой философии и славянофильской мистики моих друзей. Уж на что, кажется, я люблю мистику и мистику густую, даже со слегка декадентским оттенком, но так приятно бывает от времени до времени подышать немного рационалистическим, но

зато таким кристальным и пропитанным искренним религиозным чувством воздухом рассуждений Трубецкого. А его простой, бесхитростный, но так глубоко болевший печальми родины патриотизм, которым проникнуты все его политические статьи, меня глубоко трогает. Очень я его любил, и как живой он встает передо мной! — Я от души порадовался за Мику, что ему удалось побывать на озере Светлояре,¹ и в особенности в переживаемые нами тяжелые дни; там наша вера, радость и надежда, там можно набраться духовных сил на переживаемый нами подвиг и связанные с ним тяжелые испытания. А теперь главное не унывать и работать в твердой уверенности, что там, где звонят колокола Китежа, хотя и для немногих, поражения и духовной смерти быть не может. — Я очень рад, что С.Н. Дурьбин принял за своего Лескова:² думаю, что книжка выйдет хорошая. Он пишет мне, что хочет ее прочесть мне и посоветоваться со мной. Он Вам читал часть ее; какое у Вас впечатление от слышанного? Целую Ваши ручки. Шлю сердечный привет Мике и Марусе.

Душевно Вас любящий

Григорий Рачинский.

VII

24 июля 1915
с. Бобровка

Милая и дорогая Маргарита Кирилловна! Очень обрадовали Вы меня Вашим письмом и, как всегда, тронули Вашей любовью ко мне и лаской! Вам, окруженной молодежью, лучше живется в деревне, чем нам с Таней здесь. Моя племянница, ее муж-химик и их родные и друзья, живущие здесь с нами, все очень добрые и хорошие люди, но все, за исключением только, и то не вполне, художницы Остроумовой-Лебедевой,¹ реалисты и либералы отвлеченно кадетского закала; а о религии и настоящей, как мы ее с Вами понимаем, любви к России и помину нет. Так что многие из своих мыслей и чувств приходится держать про себя во избежание бесполезных и только раздражающих споров. А теперь более, чем когда-либо, надо "иметь горе сердца"! Известия с театра

войны в уныние меня не приводят, но чувствую, что только теперь началась настоящая "трагедия", и мы подходим к действительной Голгофе, после которой нас будет ждать светлое воскресение Руси. Зима эта будет для всех нас многозначительна: надо неустанно продолжать дело духовной проповеди, не бросать того, что начато было в нашем рел.-фил. обществе и в "Войне и культуре". Чтобы бороться как следует, нужна надежда на светлое будущее и глубокое и верное понимание его. А этого все еще так недостает в квази-интеллигентном обществе. Надо бросить все эти ни к чему не ведущие споры и перекоры о Востоке и Западе, падении вековой немецкой культуры и какой-то борьбы за Логос,² и понять, наконец, что дело сейчас идет о всем человечестве, что потрясен в своих духовных основах весь христианский мир, и что мы, русские, если хотим сделать предуказанное нам великое дело, должны выступить с нашей *вселенской* верой и надеждой и с такими положительными идеалами, которые мир действительно мог бы принять, как благовествование грядущей славы, добра и свободы во Христе Иисусе. Я писал об этом Евгению Николаевичу. Я очень рад, что Дурьлин принялся вплотную за своего Лескова; думаю, как уже писал Вам, что книга выйдет хорошая, только бы он не насовал туда полемики, а убрать ее будет трудно: человек он упрямый и, когда захочет, умеет, как уж, из рук выскакивать. Я очень его люблю и ценю, несмотря на ведомые мне недостатки, и боюсь влияния на него Самарина и Новоселовского кружка,³ вкуче с епископами и черносотенным духовенством. В Самарине, Новоселове и их друзьях *очень много* хорошего, и я не без пользы для себя бываю в их обществе; но Дурьлин склонен брать от них не это глубокое и доброе, а полемический задор и миссионерскую манеру видеть в чужих верованиях только черное и, без критики, превозносить свое. Вот это-то и страшно и опасно. Я от того так свиреп и обрушился на него во время доклада о Св. Софии,⁴ что он мне говорил и писал, что полемики в докладе не будет, а Булгакову, который мне случайно показал письмо, писал, что его доклад отчасти направлен против Трубецкого. Ну да может быть все это еще молодость, и перемелется, божья мука будет! — Очень мне жаль бедного Эмилия Карловича: у него смысл жизни уходит из-под ног, и как он будет дальше жить — неизвестно! Русским без оговорок он быть не хочет

и не может, а немца из него тоже не выйдет: очень уж он воспитан русской землею и вырос в русской атмосфере. У Николая Карловича⁵ тоже немалая буря на душе, но у него натура более самостоятельная и менее зараженная немецкой школьной мыслью и философскою культурой Германии последних десятилетий, да к тому же он художник и имеет свое великое и свободное дело. Его очень мучит трагедия, переживаемая его братом; а несчастная Анна Михайловна⁶ прямо не знает, что ей делать и думать. — В таких трагедиях и кризисах, какие мы все переживаем теперь, исход один — глубокая религиозная вера во вселенские начала, а пресловутой "культурой", на которой должен был быть построен "Мусагет", теперь не спасешься! — Очень я рад за Вас и завидую Вам, что Вы в деревне можете теперь работать с народом и для него: это огромный ресурс и утешение. — Ведь в конечном счете только он нас вывезет: он создавал Россию, хранил и лелеял православную веру и все то русское, что в нас ценно и имеет будущее. Нам надо только прийти к нему на помощь, с тем лучшим, что мы вынесли из наших годов учения, под разными указами, в том числе и немецкой, которую мы теперь так ругаем; но и самим надо поучиться у него. — Таня шлет Вам свой сердечный привет и крепко Вас целует! Она ходит по грибы и отдыхает от московских хлопот. Передайте мой душевный привет Мике и "историографу почтеннейшего Тома"! Целую Ваши ручки.

Душевно Вас любящий

Григорий Рачинский.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо 1.

1. Таня — Татьяна Анатольевна Мамонтова (1863—1920), жена Г. А. Рачинского.
2. Об участии Эрна, Булгакова, Бердяева в издательстве "Путь" см. примечания в "Вестнике РХД", № 144, стр. 132.
3. Б. Н. Бугаев — настоящее имя поэта-символиста Андрея Белого (1880—1934), ставшего в те годы убежденным антропософом.
4. Он — кн. Евгений Николаевич Трубецкой (1863—1920), философ, публицист, сотрудник "Пути", близкий друг М. К. Морозовой, которая субсидировала его журнал "Московский еженедельник". Как видно из письма № 5, Рачинский вполне примирился с Е. Н. Трубецким, который стал ему "ближе всех его друзей".
5. Брат Сергей — Сергей Николаевич Трубецкой (1862—1905), философ, как и его брат, друг и последователь Владимира Соловьева; в 1905 г. избран ректором Московского университета. Г. Рачинский напечатал в 1916 г. статью "О религиозно-философских воззрениях кн. С. Н. Т." в "Вопросах философии и психологии" № 131, 1916, стр. 51—77.
6. Эмилий Карлович Метнер (1872—1936), музыкальный критик (псевд. Вольфинг), один из учредителей издательства "Мусагет" и при нем журнала "Труды и дни", ближайший друг Белого (до разрыва в 1913 г.), один из членов московского кружка "Аргонавтов". После революции в Россию не вернулся, жил в Швейцарии, где переводил и издавал сочинения психолога К. Юнга.
7. Лопатин Лев Михайлович (1855—1920), философ, председатель московского психологического общества.
8. Вячеслав Иванов (1866—1948), поэт-символист. Частная жизнь Вяч. Иванова, именно его женитьба на падчерице, вызывала в те годы много толков. См. об этом в дневниковых записях А. Ельчанинова "Вестник РХД", № 142, стр. 64.

Письмо 2.

1. Речь идет о грубой расправе с афонскими монахами-имеславцами, заподозренными в ереси (ономолатрии). Вся московская религиозно-философская общественность (С. Н. Булгаков, о. П. Флоренский, Н. А. Бердяев и др.) стала на сторону преследуемых имеславцев, в которых она видела продолжателей исихастской православной традиции.
Епископ Никон (Рождественский), 1851—1918, архиеп. Вологодский, член Синода и Государственного Совета.

2. Эллис (Л. Л. Кобылинский) (1874—1947), поэт-символист, критик, в 1913 г. разочаровался в Штейнере и его учении, вышел из антропософского общества и издал в "Мусагете" трактат *Vigilemus*, с острой критикой антропософии. Незадолго до войны покинул Россию и перешел в католичество.
3. Киселев Николай Петрович (1884—1965), филолог, библиограф, секретарь издательства "Мусагет" (1913—1915), сотрудник Румянцевского музея, в 1941 году арестован, с 1947 по 1957 в ссылке; автор ряда работ по истории книги и литературоведению. А. Белый писал о нем: "Киселев — бездна начитанности, знаток поэтов-трубадуров и средневековья, трактатов по оккультизму, впоследствии почтенный музеевед, мечтающий о каталоге всех каталогов..." (*Начало века*, М.-Л., 1933, стр. 355).
4. Сабашникова Маргарита Васильевна (1894—1973), художница, поэтесса, антропософка, первая жена М. Волопина, после революции жила в Германии, где в 1968 г. вышла книга ее воспоминаний: *Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen*. Stuttgart, 342 s.
5. Яковенко Борис Валентинович (1884—1948, умер в Германии), философ неокантианец.
6. Перевод книги о немецком философе-мистике Якове Беме так и не вышел, хотя и был отредактирован Г. Рачинским.
7. "Он пожелал причаститься".
8. Гершензон Михаил Осипович (1869—1925), историк литературы и религиозно-общественной мысли. В издательстве "Путь" выпустил двухтомного И. Киреевского и двухтомного Чаадаева (с переводом французских текстов на русский).
9. Мика — Михаил Иванович Морозов (1897—1952), сын Маргариты Кирилловны, впоследствии литературовед, специалист по Шекспиру. Маруся — дочь М. К. Морозовой.

Письмо 3.

1. Франц Баадер (1765—1841), немецкий философ и богослов, имел большое влияние на Шеллинга и немецких романтиков (Новалис и др.). Е. Герцык пишет в "Воспоминаниях" (цит. соч.): "Уезжаю в Судак, перевожу немецкого мистика, заказанного мне издательством "Путь" — перевожу, глушу себя". *Избранные сочинения* Баадера были объявлены, но не вышли.
2. Вендланд — речь идет о книге немецкого ученого *Эллинистическая римская культура в ее отношении к еврейству и христианству*, так и не вышедшей в свет.
3. В библиографическом указателе по русским переводам святых отцов, составленном архим. Киприаном Керном, имени Шестакова нет. Первый русский современный перевод псевдо-Дионисия Ареопагита (жил в V—VI веке) был осуществлен в эмиграции игуменом Геннадием Эйкаловичем: *Об именах Божиих*, Буэнос-Айрес, 1957.

4. Волжский, псевд. Александра Сергеевича Глинки (1882–1940), церковный писатель, друг С. Булгакова.
5. Сергей Николаевич Дурьлин, см. прим. 2 к письму 6.
6. Книга французского математика и философа Эдуарда Ле Руа (1870–1954) *Догмат и критика* вышла в издательстве "Путь" в 1914 г. с предисловием Н.А. Бердяева. Во Франции книга вышла в 1907 г. и подверглась критике в энциклике папы Пия X *Pascendi*, где было разгромлено движение т. н. "модернистов".

Письмо 4.

1. Юрий – старший сын М.К. Морозовой.
2. Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958), филолог, переводчик, друг Рачинского и Белого, придерживался строго церковных взглядов.

Письмо 6.

1. В годы войны, в поисках глубинной России, поездки на озеро Светлояр, с его затонувшим Китежем, вошли в моду. На Светлояр ездили М. Пришвин, С. Дурьлин и др.
2. Сергей Николаевич Дурьлин (1877–1959), литературовед, искусствовед. С 1918 по 1927 был священником, сначала при о. Алексее Мечеве, затем в ссылке, где сложил с себя сан. Книга о Лескове не была окончена или не смогла выйти по политическим обстоятельствам. Глава из нее была напечатана в киевской "Христианской Мысли". См. о Дурьлине воспоминания С.И. Фуделя ("Вестник РХД", № 123, стр. 212–229).
В следующем номере "Вестника" будут напечатаны письма С. Дурьлина к М.К. Морозовой.

Письмо 7.

1. Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871–1955), известный художник, родилась и умерла в Петербурге. В детстве получила от родителей строго религиозное воспитание, которому осталась верна и позже, была замужем за сыном настоятеля православного Люблинского собора, химиком Сергеем Владимировичем Лебедевым.
В своих *Воспоминаниях* (М., 1974) А.П. Остроумова очень тепло вспоминает встречи с Рачинским, как в 10-е годы, так и в 30-е: "...Одним из первых приезжал [в Бобровку, летом 1909 г.] брат хозяйки, Рачинский, со своей женой Т. А. Он был выдающийся литератор, прекрасный переводчик, человек огромной эрудиции..." (т. I, стр. 414).

"...Еще ярко вспоминаю в эти годы [30-е] Григория Алексеевича Рачинского. Это был на редкость талантливый и всесторонне образованный человек, обладающий замечательной памятью и блестящим даром слова. В каком бы он обществе ни был, он своей эрудицией, блеском своего ума завоевывал всеобщее внимание. Он приходился дядей моему другу Александре Николаевне Верховской и гостил у них. Он очень одряхлел, был почти слепой, но память и ясность ума сохранились. Я с большим увлечением беседовала с ним. Много было у меня о чем с ним поговорить. Читала ему свои записки I тома "Как я стала гравером" и другие главы. Я очень волновалась, но Григорию Алексеевичу они понравились, и он меня похвалил..." (т. II, стр. 169).

2. "Борьба за Логос" – намек на ультра-патриотические философские выводы В.Эрна, во время войны резко нападавшего на немецкую цивилизацию, о чем свидетельствует название одной из его статей *От Канта до Круппа* (в его сборнике "Борьба за Логос").
3. Так называемый "Кружок ищущих христианского просвещения", основанный видным деятелем Московского земства Ф.Д. Самариным (умер в октябре 1916) совместно с церковным писателем М.А. Новоселовым (1860–1940). Деятельность этого кружка освещена в переписке Ф.Д. Самарина и свящ. П.А. Флоренского ("Вестник РХД", № 125, стр. 251–271).
4. Доклад С.Н. Дурьлина был напечатан в виде брошюры в 1915 г. под заглавием *Град Софии*.

ГОРНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Вике Навериани

В ореховых зарослях много пустых колыбелей.
Умершие стали детьми и хотят, чтобы с ними сидели,
чтоб их укачали, и страх отогнали, и песню допели:
— о сердце мое, тебе равных не будет, усни.

Когда бы вы спали, вы к нам бы глядели в окошко.
Для вас на столе прошлогодняя сохнет лепешка.
Другого не будет, другое — ошибка, оплошка.
О сердце мое, тебе равных не будет, усни.

Там старый старик и он вас поминает: в поклоне
как будто его поднимают на узкой ладони.
Он знает, что Бог его слышит, но хлеба не тронет.
И он поднимает ладони и просит: — Возьми!

Усни, мое сердце. Все камни, и травы, и руки —
их, видно, вдова начала и упала на землю разлуки
и плач продолжался, как ключ. И ответные звуки
орешник с земли поднимали и стали одни...

О, жить — это больно. Но мы поднялись и глядели
в орешник у дома, где столько пустых колыбелей.
Другие не смели, но мы до конца дотерпели,
— о сердце мое, тебе равных не будет, усни.

И вот я стою и деревья на мне, как рубаха.
Я в окна гляжу и держу на ладони без страха
легчайшую горсть никому не обидного праха.
О сердце мое, тебе равных не будет, усни.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОЛХВОВ

1.

Тот, кто ехал так долго и так вдалеке,
засыпая, и вновь просыпаясь, и снясь
жизнью маленькой, тающей на языке
и вникающей в нас, как последняя сласть,
как открытая связь —
от черты на руке
до звезды в широчайшей небесной реке —

2.

тот и знает, как цель убывает в пути
и растет накопленье бесценных примет,
как по узкому ходу в часах темноты
пробегает песком пересыпанный свет
и видения тысячи лет
из груди
выбегают, как воздух, и ждут впереди:

3.

или некая книга во мраке цветном,
и сама — темнота, но удобна для глаз,
словно зреньё, упавшее вместе с лучом,
наконец повзрослело, во тьме укрепясь,
и светясь
пробегает над древним письмом,
как по праздничным сечкам на древе густом;

4.

или зимняя степь представлялась одной
занавешенной спальней из темных зеркал,
где стоит скарлатина над детской тоской,

чтобы лампу на западе взгляд отыскал —
как кристалл,
преломленный в слезах и цветной.
И у лампы сидят за работой ночной;

5.

или, словно лицо приподняв над листом,
вещество открывало им весь произвол:
ясно зрящие камни с бессмертным зрачком
освещали подземного дерева ствол,
чтобы каждый прочел
о желанье своем.
Но ни тайны, ни радости не было в нем.

6.

Было только молчанье и путь без конца.
Минералов и звезд перерытый ларец
им наскучил давно. Как лицо без лица,
их измучил в лицо им глядящий конец —
словно в груди колец
не нашарив кольца,
они шли уже *прочь* в окруженье конца.

7.

— О как сердце скучает, какая беда!
Ты, огонь положивший, как вещь меж вещей,
для чего меня вызвал и смотришь сюда?
Я не лучший из многого в бездне Твоей!
Пожалей
эту бедную жизнь, пожалей,
что она не любила себя никогда,
что звезда
нас несет и несет, как вода! ...

8.

И они были там, где хотели всегда.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

КРАСНОЕ КОЛЕСО

Из Узла III

«МАРТ СЕМНАДЦАТОГО»¹⁹⁴¹

(27 февраля)

136

В квартире Керенских как сегодня рано утром зазвонил телефон — так потом не умолкал: довольно было после разговора положить трубку, крутнуть отбой — как опять звонил.

Вчера вечером у них совещались — разошлись на том, что все кончено, ничего не случится. А сегодня первый звонок был от Сомова, гимназического друга Сашу по Ташкенту, потом тоже эсера, теперь тоже адвоката. Требовал Сомов разбудить Александра: среди солдат Вольнского батальона — восстание, убили офицеров и шагают по улицам! Но пока Ольга Львовна пошла будить Сашу — телефон опять вернул ее: звонил секретарь Родзянки, тот приглашал Керенского срочно в Думу, потому что получен приказ о ее роспуске.

Двумя руками за щеки, бережно, — она все считала мужа больным после прошлогодней операции, — Ольга Львовна будила Сашу, двумя оглушающими новостями с двух сторон. Он проснулся мгновенно и загорелся на минуту, и почти уже не мог завтракать, нетерпеливо блестел, уже сжигаемый мыслями, опережаемый своим порывом, уже не мог и отвечать на вопросы жены.

Последние недели висели тучи над ними — снятия депутатской неприкосновенности, ареста, следствия, — нуждались они в каком-то героическом внезапном выходе! И вот — он пришел!

Для того и переселились они на Тверскую, рядом с Таврическим садом и первый этаж, чтобы Саше без труда доходить до Думы: операция у него была серьезная, туберкулез почек, и могло кончиться гораздо хуже. А уверял он теперь, что совсем здоров, — и правда опять был подвижен как прежде, опять юн и быстр: хотя на два года старше Ольги, он выглядел всегда моложе ее, так порывист.

Почему-то остро сжалось сердце, когда она провожала его за порог. Охватила за шею, просила быть осторожным.

Он засмеялся, высвободился, быстро ушел.

А она осталась с плохим предчувствием. (Дано нам сжаться в предчувствии, не дано нам его разгадать. Кажется: что-то случится с мужем? убьют? не вернется?.. А он — действительно никогда больше не вернется в эту квартиру. Но — сам по себе. Вот и предчувствие...)

И всегда так, революционный порыв Саше был неудержим, Ольга лишь попевала вослед, а покойный свекор считал во всем виноватой ее, начиная со ссылки Александра под отцовский кров в Ташкент. В роду Керенских бывали монахи и священники, старый Керенский был предан монарху и Церкви и не мог понять, откуда бы в их роду вдруг зараза. (Да и Ольга была генеральская дочь.)

А телефон! — телефон уже и за время завтрака несколько раз пронзительно дребезжал, и потом, и потом все. Одни сообщали, другие спрашивали, весь Петроград иззванивался, исходил телефонами. А больше всех названивал Гиммер — он хорошо знал Ольгу Львовну, потому что иногда ночевал у них для конспирации, очень хорош был с Сашей, — и теперь, сидя у себя на глухой службе, надеялся из их квартиры, как одной из центрально-революционных в городе, узнавать все самое первое.

Но самое первое мог знать только Саша, а он за весь день так домой и не позвонил. Однако другие звонки приносили известия и потрясающие, и Ольга Львовна передавала их Гиммеру и всем.

И в зареве этих известий постепенно растаяло ее дурное предчувствие.

Наконец, и она уже не могла оставаться дома трепетать над телефоном, но сила происходящего вытягивала ее наружу. И оставив

двух сыновей на прислугу, Ольга Львовна отправилась в Думу сама! Там она больше узнает, увидит и, может, Сашу самого.

По Таврической улице мелькало много людей, но первое, кого она увидела: разбитную солдатскую колонну без офицера. Солдаты лихо отмахивали руками и шли в заворот на Шпалерную.

Побывав за эти годы сестрой милосердия, Ольга Львовна имела простоту с солдатами — подбежала и спросила одного:

— Братец, что случилось? Куда вы?

Все шумело, но солдат услышал, оскалил молодые зубы и прикрикнул ей:

— Мы теперь — свободны! И идем в Думу!

О, замечательно! И Ольга — туда! Рядом со строем их, не отставая, готовая за руки взяться с этим братцем — во всероссийской, всеобщей, вселенской любви и ликования! О, замечательно!

Вот они уже и к Думе подходили. Там дальше было сильно запружено — и на мостовой, и на тротуарах. Остановился и солдатский строй. Остановилась и Ольга.

Необъятная толпа, будто в каком-то церковном стоянии, вся лицом к фасаду Таврического дворца занимала и Шпалерную и сквер перед дворцом. Любопытствовали, гудели — и чего-то ждали радостно.

Впереди, то на выступах забора, то с грузовиков, то еще на чем-то, возникали иногда ораторы. Их слышно было плохо или совсем не слышно сюда, назад, — но виделись взмахи их рук, и всем передавалось ликование.

Было не холодно, и солнце, и на ногах боты — и Ольга Львовна сама не заметила, как простояла тут час, и два, и три, и наверно больше. Да невозможно было уйти с этого вида пасхальной службы! Постепенно происходили переливы, перемещения толпы — и Ольга Львовна тоже стояла уже не в заднем ряду, но ее втягивало и втягивало в гущу, затем уже и в сквер.

Перед вечером стали подъезжать то грузовики, то груженные фургоны, телеги — и толпа как-то отсачивалась, пропускала их внутрь. Они привозили, и с них разгружали — или тут же на снег, в сквере, или таскали внутрь через крыльцо — зачем-то боевую амуницию, патроны, бочки со сливочным маслом, мешки хлебных буханок, свертки кожи, неизвестного содержимого ящики, — все почему-то должно было быть загружено в Таврический дворец.

Между тем осмерклось, и стало темнеть, а ничего так и не происходило, давление смешанной солдатско-штатской толпы стало ослабевать: одни вовсе уходили, другие пачками врывались внутрь. Ольга Львовна была уже близка к крыльцу — и в одной из таких пачек тоже прорвалась. Хорошо, а то уж замерзала.

Но и внутри дворца был такой же ералашный вид, как и снаружи: пореже, но такая же смешанная безалаберная толпа, не знающая, чем заняться, а у стен круглого Купольного зала было навалено и еще наваливалось все это привезенное — и если верно говорили, что часть ящиков с порохом, то довольно было одной брошенной в ту сторону папиросы, — а их бросали, — чтобы дворец взлетел со всей торжествующей массой еще прежде, чем она узнала свободу.

Около взрывчатых веществ стоял часовой, но еле держал винтовку и чуть не падал. Ольга Львовна подошла к нему и узнала, что он поставлен уже много часов тому назад, но его забыли, никто не приходил сменить.

— Братец! — сказала Ольга Львовна. — Так давайте я за вас постою, а вы пойдите добейтесь, чтобы вас сменили.

Молод был солдат, но свое дело знал, только усмехнулся:

— Нет, сестрица, не имею права уйти без разрешения офицера.

Кругом проливался и вращался невообразимый хоровод, и сотни солдат с винтовками без дела, — но этот солдатик не мог уйти без разрешения офицера!

Ольга Львовна горячо взялась помочь ему — офицера она пошла искать сама. Это надолго ее заняло, глаза ее стали неспящими и не разглядывали просто так, что творится, а искали дело. Много ей пришлось проталкиваться, много порасспрашивать — но какой-то офицер в конце концов согласился пойти и сменить, и нашел сменного солдата.

А затем Ольга была награждена тем, что из одного вихря, быстро продвигающегося через толпу, выделился и Александр! — и она успела пересечь ему дорогу и стать перед ним, сияющая.

Разделить с ним нагрянувшую великую народную радость — и в самой таврической гуще! Да просто посмотреть, как он переносит этот день.

Он был струнен, бледен, молод, очень спешил — и сильно нахмурился, вдруг увидав ее.

Такое соседство унижало его в историческую минуту? Она вдруг сейчас это поняла и застеснялась.

— Зачем? — спросил он тихо.

— Просто порадоваться! — оправдывалась она. — Просто... дома не могу.

Пожал плечами:

— Ну, как хочешь. Прости, тороплюсь отчаянно.

И уже направлялся дальше.

— Ты когда же домой?

— О, нет! — отчужденно улыбнулся он. — Мы все здесь теперь пленники. Нет, это исключено! Ни сегодня, ни завтра, не жди.

— А — как же?..

— Тут — на столах, на кушетках, — улыбка стиралась, уже уходил.

— Слушай! Звонили много!

Махнул рукой. Теперь — уже не имело значения, да, телефон устаревал в полчаса.

Ждала встретиться не так, но все равно была рада. В такой день ни на кого, ни на что нельзя обижаться! Что была вся жизнь до сих пор — ее, их обоих, всего их круга? — все дыхание их было в Освободительном Движении.

И вот — оно взнеслось фонтаном!

О Екатерининском зале уже кто-то пустил слово: Храм Народной Победы. В этом торжественном несравненном зале, где Потемкин когда-то закатывал немислимые балы в честь императрицы, между двумя спаренными рядами коринфских колонн, под семью ослепительными люстрами, каждая из трех светящихся кругов, — и сегодня как будто открылся бал, но уже не вальсировал петербургский высший свет, а — кружился хоровод демократии! Хоровод небывалых тут гостей, не снявших верхнего платья, ни шинелей, не отдавших винтовок, перемесь простонародной солдатни и разночинной интеллигенции, домучившейся, дожившей до самого великого из праздников, какого и этот зал не знал, от взятия Измаила. И сверху, на баллюстрадной галерее толкались такие же странные гости, оттуда улыбались и помахивали.

Да как много мелькало знакомых лиц, вся петербургская интеллигенция! Ольга Львовна кое с кем здоровалась издали,

не сближаясь, как бы перемещаясь в общем сложном танце тесноты.

И вынесло ее снова к дверям в Купольный зал — и там у колонны увидела она только что вошедшего крупного старика в черном, с крупной благородной головой, — как он стоял с палкой, ровный, и смотрел на зал в изумлении. Увидела — и сразу узнала его, потому что лично хорошо знала, жена его сына была близкой подругой Ольги Львовны: Герман Лопатин!

Герман Лопатин! И вот кого притянуло сюда! Именно он — здесь! В такой день!

Да он — не больше ли всех заслужил этот праздник? Не больше ли всех он вложил в Движение? Личный друг Маркса и Энгельса! Член Совета 1-го Интернационала! Переводчик "Капитала". Автор отчаянной и неудачной попытки освободить из ссылки великого Чернышевского! И легендарный старший брат народо-вольцев. И 18 лет каторги! И почетный судья в споре Бурцева и Азефа.

Да кто же тут был сейчас почетнее его!

Ольга Львовна, выбиваясь из танцевального круженья, с радостью направилась к нему, нельзя было быть награжденною лучшей встречей сейчас:

— Герман Александрович!

Сразу узнал и он ее, и тоже обрадовался. Впрочем, простая минутная радость не держалась, не могла сейчас удержаться на его великолепно-торжественном прибородом лице. Вполголовы выше толпы и зачарованно глядя на это кружение, так что даже выступил пот на его выкатистом лбу, без шапки, — он даже не просто стоял, но участвовал сейчас в мистическом обряде.

— Ны-не от-пу-щаеши... — сказал он проникновенно, медленно, густо, смотря даже не на Ольгу Львовну, а на кружение этих голов, из которых не всем, не всем дано было понять все значение акта.

Оказалось: живя за городом и взбудораженный утренними известиями из города, он после полудня тронулся сюда пешком, потому что найти извозчика было невозможно, да он и хотел так, и обязан был так — пешком, не пропустить ни одного шага, ни одного взгляда. И прошел пешком больше двадцати верст, это в 72 года!

Ровно стоял. И все смотрел через малые на нем очки — на зал, на зал, на собеседницу редко. И говорил тихо, отчетливо, не наклоняясь к ней:

— Вот — день, которому я принес в жертву все, с ранней молодости.

Стоял, иногда закрывая глаза.

— Теперь я могу и умереть. Счастливей — я уже не буду.

Еще закрыл глаза. Открыл.

— Хотя нет. Теперь — хочется пожить еще немного. Посмотреть, как скоро все устроится. И Россия заживет наконец. Счастливой, свободной жизнью.

Расцветет наша Россия, как цветок в прекрасном саду.

Они нашли потом, где сесть, уступили им кресло и стул. И сидели рядом молча.

Переполненные счастьем.

"ОКТАБРЬ ШЕСТНАДЦАТОГО"

Интервью А. Солженицына

Вермонт, 30 сентября 1984

Никита Струве: "Октябрь Шестнадцатого" является чем-то необычным для читателя в Вашем творчестве; в нем, в отличие от "Августа" и других романов, ничего не происходит, это срез на всю Россию, взор на Россию перед революцией. Был ли этот узел задуман так же давно, как "Август", входил ли он с самого начала в Ваше видение эпопеи русской революции?

Александр Солженицын: Я начал узлы с "Августа" потому, что нужно было показать, как повлияла война на революцию. А дальше, при моем методе узлов, надо было взять несколько проб по военному времени, чтобы показать постепенно, как сдвигается Россия к революции. И у меня было задумано два узла: Август Пятнадцатого и Октябрь Шестнадцатого; Август Пятнадцатого — потому что там много событий...

Н. С.: Военных, главным образом?

А. С.: И военные и гражданские, даже гражданских больше, потому что военные, да, были май, июнь, июль. И, затем, что-то нужно было обязательно дать — последнюю съемку страны перед революцией, перед тем, как все силы придут в действие. Значит, нужно было взять момент затхлой атмосферы, но и узкий во времени, — по методу узлов не больше двух-трех недель. И я взял конец октября по двум соображениям, именно вот эти две-три недели, во-первых, потому что там есть открытие Думы и речь Милюкова, которая сыграла разрушительнейшую роль, — на самом деле самое крупное событие этого узла.

Н. С.: Убийственный выстрел в династию?

А. С.: Да. И потом сюда попало вот это волнение на Выборгской стороне, характерное в том смысле, что оно ничем не кончилось, но ничего не стоило ему еще немножко дальше

переклониться, и была б февральская революция тогда. Вот по этим двум соображениям я выбрал именно этот отрезок трехнедельный. Такой замысел — дать узел обозрения перед тем, как помчатся колеса революции. Обязательно такой узел должен был быть.

Н. С.: И задуман с самого начала?

А. С.: С самого начала, да.

Н. С.: В этом "узле" Вы хотели оставить для будущих поколений живой образ России в ее одновременно нетронутости и уже тронутости. Россия начинает немножко разлагаться к этому времени?

А. С.: Даже не немножко, а порядочно. Да, именно для этого последнего снимка перед революцией нужно было дать как можно более глубокий вертикальный разрез, показать состояние разных слоев, разных струй в общественном движении.

Н. С.: Значит, Россия в дореволюционном состоянии была одновременно здоровой страной, обладала еще и красотой, и здоровьем.

А. С.: Несомненно.

Н. С.: И это то, что и дает, может быть, художественную, как бы сказать, изюминку Вашего сочинения, что Россия там подана амбивалентно, как еще красивая, богатая, мощная страна?

А. С.: В таком виде, как Вы описываете, это пожалуй в "Августе". В "Августе" отборнейшая армия, просто золотая армия, — орех к ореху, и такое же сельское хозяйство показано там... Томчаки, это показана та Россия, вот как она плыла, текла, и которая никогда не вернется. В "Октябре" уже она сильно тронута разложением и военными переживаниями, — два года с лишним сотрясли ее уже сильно.

Н. С.: Замысел "Августа" все-таки сильно изменился за те десять лет, что Вы были в эмиграции. Столыпина Вы дооткрыли тут, на Западе. Произошло ли нечто сходное с "Октябрем"? Много ли дало Ваше общение с миром первой эмиграции, или с теми документами, которые первая эмиграция оставила, если сами эмигранты умерли?

А. С.: Я должен Вас поправить, что замысел "Августа" не испытал такого коренного изменения: вопрос об убийстве Столыпина мучил меня еще тогда же, в 37-м году, когда я начинал

Самсоновскую катастрофу. И у меня даже были попытки включить вопрос о том, за что его убили. Но я тогда не имел просто совершенно никаких материалов, и в советских условиях мне это было невозможно достать. Поэтому я отказался от этой мысли. И не думал, что я буду разворачивать целый том об этом. Так что замысел не совсем изменился, просто здесь я нашел материал. Что касается "Октября", я тоже так скажу: нет, в общем виде, вот эта идея — дать снимок последних месяцев дореволюционной России — ... в этом смысле замысел не изменился. Тут вот какое серьезное изменение: я почувствовал, что я не могу так долго мешкать на путях подхода к революции, чтобы давать и Август Пятнадцатого и Октябрь Шестнадцатого. Самое мучительное колебание было: давать или не давать Август Пятнадцатого. И в конце концов я ограничился тем, что дал вместо него одну обзорную главу, которую Вы сейчас и видите, она вставлена. А в остальном, менялись линии, связанные с отдельными персонажами. Например, позже других вступил Федор Ковынев, он же Крюков.

Н. С.: Но еще давно, в России?

А. С.: Да, это еще давно в России. Менялись только уже детали, вот личных глав, а общий замысел, — нет, не менялся, так и был.

Н. С.: То, что он так долго разрабатывался, связано просто с необычайным богатством материалов этой книги?

А. С.: Да, но и с тем, что я, бросив "Октябрь", занимался долго "Мартом", лишь потом стал "Октябрь" выпускать. Есть большой перерыв между временем, когда "Октябрь" был приблизительно кончен, и моментом, когда я его выпустил.

Н. С.: "Октябрь" поражает новизной формы. В этом удача всякой вещи: когда она сама собой приносит какую-то новую, необычную у автора форму. Когда у автора начинает слишком повторяться форма, то создается впечатление, что писатель топчется, а у Вас этого нет. "Октябрь" двойственен, и в этой двойственности очень богат. С одной стороны, он отличается от "Августа" тем, что он больше роман, в обыденном смысле этого слова, просто много романических историй, линий, одна центральная любовь, но много и других любовных линий. Вместе с тем, как Вы сами признаете в пояснительном примечании, и даже как бы извиняетесь, в узел

вложено чисто исторического материала больше, чем следовало бы для художественного произведения. Я с этим не совсем согласен, мне кажется, что соблюдено равновесие между личным и историческим, тем не менее мне хотелось бы знать именно Ваше мнение, Ваше чувство, теперь, когда Вы окончили эту вещь: действительно, делаете ли Вы какую-то уступку, потому что история была забыта, перекорежена, потому что невежественны или забывчивы люди, или все-таки художественно Вы считаете такой вклад закономерным?

А. С.: Я вот как считаю: доля исторического материала, касающаяся чисто этого периода, вот октября шестнадцатого, у меня не преувеличена, я даю столько, сколько и хотел бы и надо бы; но невозможно объяснить, особенно современному читателю, этот материал без предистории. И вот, я, собственно, извинение там приношу, главным образом, за предисторию, за то, что я вынужден рассказать о рождении либерального движения в России, "кадетской партии" и должен Пятнадцатый год добавить сюда в Шестнадцатый, чтобы все было более связано и понятно. Только в этом отношении я считал, что преувеличил долю исторического материала, а сам Шестнадцатый год представлен в том равновесии исторического и личного, как я и хотел. Тут последняя возможность показать много личных судеб, как они текут, еще ничего не зная и не предполагая о революции. В дальнейшем, когда начнет крутиться бешено революция, так уже показать не удастся, но читатель понимает, что наверно все эти личные судьбы продолжают.

Н. С.: У Вас обыкновенно все книги строятся на принципе максимального уплотнения времени и места. Но, конечно, "Красное Колесо" выбивается из этой строгой уплотненности времени и места, "Октябрь" в этом смысле не имеет того единства места, которое было в "Августе", и уж во всяком случае во всех предыдущих Ваших вещах.

А. С.: Единство времени в "Октябре" есть...

Н. С.: Есть, но оно...

А. С.: ...три недели выдержаны, вот мы только выпадаем в этих двух исторических экскурсах, только. А так выдержаны три недели, и, если Вы заметите, Ленин в Цюрихе тоже действует в эти самые дни. Там даже есть, почти незаметно для читателя, день 25-го октября, т.е. ровно за год до революции, когда Ленин

бесконечно далек от этой революции, я отмечаю, — как раз эта самая дата.

Н. С.: Но пространственно Вам тут не удалось все уплотнить и сконцентрировать.

А. С.: От пространственного уплотнения в "Красном Колесе" я давно и отказался. У меня раньше была идея: свести все повествование к нескольким географическим точкам; эту идею я считал ложной. Невозможно! Пространственно я уплотнялся в "Круге Первом", в "Раковом Корпусе", это было естественно и легко. "Красное Колесо" уплотнить по местности невозможно, потому что это мировой процесс, и он растекается не только по всей России, но даже по всему миру.

Н. С.: Колесо — катится?

А. С.: Да, катится. А метод временных узлов я и дальше буду выполнять.

Н. С.: С той же строгостью?

А. С.: Строго, это будет строго.

Н. С.: Но даже в Марте, в первом томе Марта, все-таки и географические будут ограничения?

А. С.: Это только потому, что революционные события происходили в Петрограде, долго происходили только в Петрограде, а когда они потом начинают расширяться из Петрограда, — то и я беру другие места.

Н. С.: Но вот как раз эти исторические главы, как бы описательные, они поражают своей уплотненностью, и тем самым художественностью... В частности, если взять, к примеру, большую главу "Общество, правительство и царь", Вы там описываете царское правительство Пятнадцатого года, и в Вашем сжатом и ярком описании это правительство предстает совсем не таким бездарным, каким оно нам казалось или кажется из исторических книг...

А. С.: Как оно представлено в истории сегодня.

Н. С.: Представлено в истории, да, как уже устоявшееся мнение. Но тогда вкрадывается маленькое подозрение, нет ли здесь, благодаря Вашему перу, некоторой идеализации художественной?

А. С.: Нисколько. Потому что я использовал прямые документы, счастливым образом сохраненные, прямые документы их заседаний Пятнадцатого года. И я только сжимал их реплики

и выступления, но ничего не добавлял от себя никогда, только убирал повторы и размазанности. Это реально было так. Это просто поразительно, насколько это правительство, по своим организационным способностям и талантам, превосходило будущее временное правительство, будущее правительство февральской революции.

Н. С.: Это вероятно так. А неудачи этого правительства?

А. С.: А неудачи ото всей ситуации внутри страны, от безумного смертельного раскола между обществом и властью.

Н. С.: А вот в думских главах, там, где Вам приходится отбирать гораздо больше, потому что в Думе речи были, наверно, жутко пространные...

А. С.: Очень пространные.

Н. С.: ...не было ли у Вас соблазна усилить краски, и, наоборот, представить Думу в невыгодном свете. Не было ли у Вас задней мысли, сатирического уклона в сокращениях или в выборе?

А. С.: Конечно, сказать, что совершенно отсутствовало мое "я" и субъективность в отборе выступлений, нельзя, потому что конечно я, как автор, испытываю какие-то чувства над этими прениями, и не могу эти чувства не выразить... Но я должен сказать, что вот чего я никогда не делал: я никогда не пропускал важных выступлений, а в важных выступлениях — важных мыслей. Там много очень произносилось, конечно, самые думские прения, ну, в двадцать раз больше того, что я представил, — и кто их когда прочтет?

Н. С.: Пожалуй, немногие.

А. С.: Но я выделяю все главные речи, и все главные места в этих речах. И только уплотняю сам текст, чтоб не было пустоты, чтоб не было этой рыхлости, которая неизбежна у людей говорящих, не всегда хорошо подготовленных.

Н. С.: Это нас приводит к коренному вопросу о соотношении художника и историка. Вы, пожалуй, являетесь тут зачинателем. Вы одновременно действительно историк, не переставая быть художником. Я думаю, у Вас выработалось отношение к этой двойственности... Быть художником, но и не нарушать исторической правды.

А. С.: Я даже думаю, что в условиях, когда так похоронено наше прошлое и затоптано, у художника больше возможностей, чем у историка, восстановить истину. Это, между прочим, не такая новая мысль, я потом найду, откуда это, кто-то выразил это

замечательно... Я в конце "Марта" приведу полную библиографию, использованную мною. Это несколько сот книг, статей, воспоминаний, все я их перечитал. Мои узлы кажутся как будто бы объемными, в "Октябре" больше тысячи страниц, но это заменяет десятки, если не сотни тысяч страниц, мною прочитанных. Было очень много частных свидетельств, и почти совершенно отсутствуют обобщающие работы. Французская революция изъезжена исследованиями вдоль и поперек, и существует сотни трудов самого общего характера. У нас, по российской революции, таких обобщенных трудов, особенно по февральской, нет. Значит, я заменяю огромный исторический материал, весь этот материал я скрупулезно записываю в библиографию, и скрупулезно все привожу. Но, события долгой гражданской войны, советского растоптания, эмигрантских бедствий привели к тому, что еще больше свидетельств не схвачено, еще больше не записано, и нужно открыть недостающие звенья, и, главное, открыть психологические обоснования. Это доступно только художнику.

Н. С.: В "Октябре", пожалуй, больше, чем в "Августе", ощущается полифоничность романа. Поражает читателя Ваш огромный труд по овладению материалом, Ваш охват. В "Октябре" представлены все слои населения и затронуты многие коренные вопросы исторического бытия. В какой мере "Октябрь Шестнадцатого" помогает ответить на вопрос, который всегда и сам себе задаешь и Вам задают: почему случилась революция, кто виноват? Полифоничность создает впечатление, что виноваты все.

А. С.: Полифоничность, для меня, метод обязательный для большого повествования. Я его придерживаюсь всегда и буду придерживаться всегда. Я не сторонник избирать, считаю это вредным, любимого героя, и главным образом через него проводить свои главные мысли. Я считаю своей первой задачей привести разнообразие мыслей, поступков и действий самых разных слоев, вот в описываемый момент. И при этом, действительно, когда предстанут все точки зрения, то на вопрос: "кто виноват?" очень расплывается ответ. Да, виноваты все, Вы правильно сказали. Но, строго говоря, виноваты всегда больше правящие, чем кто бы то ни было. Конечно, виноваты все, включая простой народ, который легко поддался на эту дешевую заразу, на дешевый обман, и кинулся грабить, убивать, кинулся в эту кровавую пляску. Но все-таки

более всех виноваты, конечно, правящие, потому что на них лежит историческая ответственность, они вели страну, и если они даже лично виноваты не больше других, то они виноваты, как правящие, больше других.

Н. С.: Да, в "Октябре" царю и, в частности, царице достается довольно круто.

А. С.: Конечно, круто. При всем том, что у них не было злых намерений. Но не было и полного сознания ответственности, не было адекватности той ответственности, которая на них лежала.

Н. С.: Когда Вы описываете, например, Шляпникова в пространной главе, хотите ли Вы показать, что будь революционеры из народа, то и тем самым революция могла бы носить другой характер, если она не была бы испорчена интеллигентской идеологией. Почему Вы так выделили образ Шляпникова?

А. С.: Я выделил образ Шляпникова просто потому, что в те месяцы он был единственный реальный руководитель большевистской партии. И так как его имя потом, в разных коммунистических интригах, было замолчано и затоптано, то есть смысл восстановить истину о нем. Шляпников был среди коммунистических лидеров фигурой очень своеобразной, это был не посторонний образованный человек, пришедший возбуждать рабочих; это был действительно первоклассный токарь, который вырос на заводе, и он овеществляет собой рабочую психологию, но уже сильно тоже подтравленную большевизмом.

Н. С.: Чувствуется Ваша симпатия к нему.

А. С.: Симпатия у меня к нему личная, и отчасти симпатия из-за его судьбы, это же относится и к Гвоздеву; вот две фигуры в каком-то смысле тут параллельных, потому что оба они рабочие, оба они несчастным образом участвовали в революции, и несчастным образом потом расплачивались при советской власти, и оба погибли в результате сталинского террора. Так вот, видите, Шляпников важен для того, чтоб оттенить разницу между ленинским направлением и рабочим настроением. Конечно, среди рабочих есть настроение добиваться своих прав, подтравленное вот этим эмигрантским науськиванием; но судить сейчас о Шляпникове окончательно нельзя, потому что Шляпников будет и в "Марте" и в "Апреле Семнадцатого"; и мы увидим, как меняется его роль с приездом эмигрантов. Это все картина очень длительная, сразу и не скажешь

ее. Но здесь был смысл выделить, потому что надо было представить боевую рабочую точку зрения, но уже сильно искаженную коммунизмом.

Н. С.: А такие главы, как о несостоявшемся писателе Ковыневе-Крюкове, который, может быть, был... считается и Вами, и некоторыми исследователями вероятным автором "Тихого Дона", — какое его место в композиции романа, в этой фреске России. Что он изображает? что символизирует? какие в нем потенции?

А. С.: Вообще я избегаю брать персонажем писателя, у меня писателей не было в действии и не будет. Но Федора Крюкова я взял вот по каким обстоятельствам: мне предстоит много описывать Дон, в дальнейшем; и нет лучшего наблюдателя Дона, нет лучшего персонажа для передачи Дона, чем он, тем более, что я владею его архивами, большой долей его архивов, и могу восстанавливать семейные подробности, и его взгляды на детали, на быт донской, он для меня очень удобен для показа Дона.

Н. С.: А Дон Вам нужен как истоки?

А. С.: Дон нужен мне просто потому, что он входит как крупная действующая сила потом в гражданскую войну.

Н. С.: Которая описана не будет?

А. С.: Которая по краткости моей жизни описана не будет.

Н. С.: В разнообразии исторических описанных лиц и других, все же входит главный герой, пожалуй всего "Красного Колеса", полковник Воротынцев... Вот можно ли считать, что его мысли больше отображают автора, чем мысли других лиц, что он как бы является тем голосом, который позволяет иметь авторский ориентир?

А. С.: Вы знаете, и да и нет. Потому что при моей полифоничности я сочувствую каждому тому герою, которого я описываю в данной главе.

Н. С.: Это очень чувствуется.

А. С.: И так и дальше будет. А роль Воротынцева, общественная роль его, если считать военную тоже, от "Августа" к "Октябрю" уже упала. А дальше от "Октября" к "Марту" еще упадет, потому что это был... тот вихрь событий, в который нельзя включить придуманного героя, ему нечего там делать, придуманному герою, он тогда должен поворачивать события. И поэтому он — все

меньше, я отказываюсь считать его главным героем произведения, нет, это не так.

Н. С.: Но он все-таки что? он тогда связующее с автором звено?

А. С.: Среди моих вымышленных героев он занимает видное место. Он выражает собой поиски армейского офицерства, поиски того, "что же делать? как выходить из положения?". И будет представлять также дальше, и в "Марте".

Н. С.: Так что он, скорей, часть этой полифонической картины?

А. С.: У меня ведущего героя вообще нет, вообще нет, и чем дальше, тем больше это будет выясняться.

Н. С.: В его политических взглядах есть некоторая умеренность, можно ли ее принять за авторский взгляд? Он даже выразитель некоего центризма, о котором Вы хорошо пишете, что это — одна из самых трудных линий.

А. С.: Да, самых трудных. В этом я сочувствую ему. Но еще больше мой центризм сказывается в общей полифоничности, когда я сам равновешу между всеми, всеми вообще точками зрения, всеми, которые изложены.

Н. С.: Вы как бы остаетесь наблюдателем, но являясь одновременно и... отчасти распорядителем?

А. С.: Нет, распорядителем — нет.

Н. С.: Тем самым Вы приходите к некоторому центризму художественному.

А. С.: Да, этот центризм художественный создается так. Нет, я не распорядитель их, наоборот: я следую, как только могу, за всеми реальными событиями и словами всех героев; причем, в "Октябре" Вы еще видите изрядное количество вымышленных лиц, а в "Марте" их все меньше и меньше становится, все больше и больше действительных, исторических, и там я только следую за ними: что они говорили, что делали, то и я повторяю.

Н. С.: Вы отважились написать большой роман, двухтомный, (по-французски он — однотомный) — тысяча двести страниц — без происшествий, без крови, без трагических смертей, в то время как "Август" весь стоит на двух крупных выстрелах, — на самоубийстве Самсонова и на убийстве Столыпина, уже не говоря о том крошечном месиве, где погибает армия. Почему Вас как художника не привлекло описать тоже один из сигналов революции, вот

почти в то же время, а именно убийство Распутина, который был символом одновременно и призвания России, и ее распада, и распада в самой сокровенной области, в области духа. И кроме того, для художника, казалось бы, Распутин и его убийство заманчивая тема?

А. С.: По двум причинам: во-первых, убийство Распутина сильно не ложится в мою систему узлов. Поскольку я выбрал вторую половину октября и первые числа ноября, я не могу продолжать повествование весь ноябрь, половину декабря, для того, чтобы описать только убийство Распутина. Конечно, я мог бы с самого начала взять вообще убийство Распутина... отрезок вокруг него. Но тут я должен сказать Вам: что Распутин, роль его сильно преувеличена тем общественным возбуждением, которое вокруг него было. Распутин не играл такой роли в истории России, какая ему приписывается. А главное: заняться Распутиным — это значит взять нечто лежащее на поверхности, дразнящее, очень удобное как будто бы для художника, а на самом деле это значило бы проявить мелкость. Ключнуть дешевую наживку. В "Марте" у меня отражается смерть Распутина уже ретроспективно, т.е. это как-то вспоминается, как-то на это люди реагируют, но я обошел самого Распутина, потому что считаю; история зиждится на основных камнях, а не на внешних таких вот приманках и наживках.

Н. С.: Но вот второй аспект узла; в нем, наряду с этим историческим, социологическим спектром всей России, большое место, впервые в Вашем творчестве, занимает любовь.

А. С.: Впервые — нельзя сказать, в "Раковом Корпусе"...

Н. С.: Да, но там вопросы болезни и смерти отодвигают любовь на второй план. А тут главная интрига состоит в том, что Воротынец отчуждается от своей жены и подпадает под сильную прелюбодейную, чувственную страсть... И ей контрапунктом даны другие любовные линии, есть и, как будто, идеальный брак между Ободовским и Нусей. Или драматичный, неудавшийся союз Ковынева и Зины, на котором Вы кончаете, кстати, роман. У Вас тут есть какой-то определенный замысел.

А. С.: Да, я воспользовался отсутствием напряженного исторического действия в "Октябре", воспользовался для того, чтобы потеснить историю и дать место нескольким линиям любовным... Вы правильно сказали, в контрапункте друг с другом, это совершенно

верно, да, не просто так рассыпанных как попало. В жизни этого много, а в литературе этого и чрезмерно много. Я, неся свою историческую задачу, просто не имею права этим много заниматься. И в будущем буду в очень ограниченных возможностях, потому что когда начнется бешеный бой февральской революции, то трясет всю Россию так, что я не имею почти времени на это отвлекаться, хотя чуть-чуть конечно кое-где это делаю. А тут я воспользовался такой возможностью. Да, я хотел просто напомнить, что личные чувства сотрясают людей никак не меньше, чем исторические события, хотя в конечном счете исторические события все это смыывают, как мощной волной.

Н. С.: Да, Вы кончаете "Октябрь Шестнадцатого" на главе из совершенно частной жизни.

А. С.: Это сознательно. Я хочу последний раз перед крупными историческими событиями возвысить значение частных судеб.

Н. С.: Но уж потом они, волей-неволей, конечно, в революции и гражданской войне потонут.

А. С.: Будет некогда заниматься своей бедой, да. Происходит мировой катаклизм.

Н. С.: И все же в "Октябре" любовь занимает большее место, чем и в "Раковом Корпусе", и в "Круге Первом"... почти что исследование любовных отношений.

А. С.: Ну, я на себя такой ответственности не беру, так много я не думаю о своих возможностях.

Н. С.: "Октябрь" представляет собой энциклопедию русской жизни, как говорил Белинский об "Евгении Онегине". Но у Вас эта энциклопедия дана не выборочно, а в необычайной множественности, которая является отличительной чертой Вашего романтического мира. У Вас сравнимая с Львом Толстым способность владеть множественностью жизненных явлений. И "Октябрь Шестнадцатого", пожалуй, одна из самых насыщенных книг, из появившихся за последние десятилетия. Такой насыщенностью, таким богатством политически-общественным, социальным, затрагивая многие существенные вопросы, не преувеличили ли Вы способности современного читателя? И еще один вопрос: эта книга писалась десять лет, какое теперь Ваше личное к ней отношение? И какое Вы ожидаете отношение к ней читателя, в частности, западного?

А. С.: Ну, я сам, как автор, не мог принять никакого другого решения. Для меня это органично, что "Октябрь", вот такой, как Вы его описали, лег между "Августом", прологом "Красного Колеса", и между бешеным кругом и вихрем "Марта", который ожидается. Так что я просто не мог поступить иначе. Не преувеличил ли я способности современного читателя? Что ж, я должен сказать, что во многих странах чтение книг вообще перестает быть занятием людей. Даже я бы сказал, из моих личных наблюдений, кроме России — только Франция и Япония, кажется, еще две таких страны, где сравнительно много читают.

Н. С.: Италия, может быть.

А. С.: Италия? Не знаю. Может быть... Но, конечно, я не считаю, что создаю массовое чтение. Я вообще не создаю боевик, который будут читать просто для удовольствия и для развлечения. Нет, эта книга и рассчитана на тех людей, которые хотят серьезно понять исторический ход, причем исторический ход, на самом деле, не только России. На самом деле, события "Красного Колеса" — это начало поворота всего мирового положения. Запад очень много мог бы понять из истории нашей революции того, что он сам переживает сегодня, переживает последние десятилетия, и может быть, ближайшие следующие десятилетия. Эта книга, конечно, рассчитана на читателя серьезного. Объем ее на самом деле не является большим, потому что он составляет какую-нибудь сотую или двухсотую часть всех материалов, использованных при написании этой книги. На самом деле, если такой книги нет, то надо заново перелопачивать горы книг, вот тех мемуаров, свидетельств, воспоминаний, газетных статей, а я всю эту работу сделал; ведь я работаю, в общем, над собиранием материалов этих скоро пятьдесят лет; и все время я читаю какие-то книги, относящиеся к той эпохе.

Н. С.: Когда, в тридцать седьмом году Вы начали это?

А. С.: Да, вот с тридцать шестого года, а сегодня уже восемьдесят четвертый, через два года я могу праздновать пятидесятилетие моей работы. Вот полвека я этим занимаюсь, и в основном только этим, вот отвлекался на ГУЛаг. Да, эта книга для читателя, который хочет глубоко понять ход исторических событий, а не для того, чтобы доставить массовое развлекательное чтение.

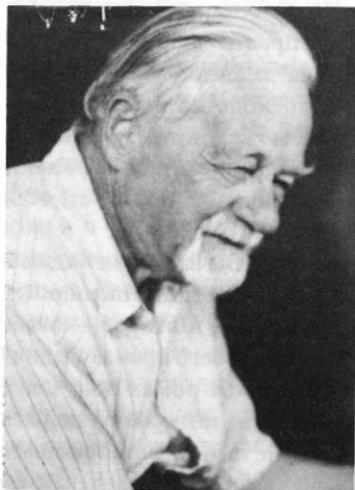
Н. С.: Это книга для серьезного, но все же широкого, надо надеяться, читателя, и в то же время она нужна историкам; в этом некая новизна, впервые роман обращен одновременно к читателю и к специалисту-исследователю.

А. С.: Да, и к исследователям тоже. Повторяю, в конце "Марта" я приведу крупнейшую книжную массу, огромную библиографию. А что касается широкости чтения читателей, т.е. если бы сейчас эту книгу допустили в России, то там она бы читалась просто как массовая книга, просто широко. Но это можно понять, потому что нас это очень задевает, и мы ничего этого не знаем, у нас это все отобрано; конечно, такой массовости, как в России, на Западе быть не может, но тем не менее я считаю, что всякий читатель, который предпочитает серьезное чтение телевизионной болтовне и развлечениям, не пожалеет, если эту книгу прочтет.

Н. С.: Но вот Вы окончили большой труд, Вы на него оглядываетесь, какое у Вас чувство? Есть ли у этой книги предшественники, у меня впечатление, что такой книги еще не было; и второе — какое Ваше чувство как творца, уже отошедшего от своего произведения?

А. С.: Чувство отошедшего автора: что этот роман получился такой, как я его хотел, лег на то самое место, на которое он должен лечь, и дает мне полные основания после этого разворачивать бешеный ход революции. А что не было такого произведения до меня — так... задачи такой не было, такой грандиозной задачи не стояло перед нашими отцами. Такого времени, когда столь много исторических элементов находятся в самостоятельном движении, и нужно их все описать в одном историческом процессе, просто такая задача не стояла. Да, я не знаю; в русской литературе твердо не знаю, а в мировой тоже не знаю, но, может быть, они и есть. Задача своеобразная, ни на что не похожая, и, главное, повторяю: это фундамент для томов "Марта", для революции, которая повернула весь Двадцатый век. Российская революция, после Французской революции, грандиозное мировое событие, которое изменило, и еще все изменения не проявились, изменило весь ход мировой истории.

ГЛЕБ ПЕТРОВИЧ СТРУВЕ
(19 апреля / 1 мая 1898 – 4 июня 1985)

4 июня в возрасте 87 лет скончался заслуженный профессор Калифорнийского университета в Беркли Глеб Петрович Струве. Для его многочисленных учеников он был живым воплощением эпохи русского религиозно-философского и художественного возрождения начала века, и его смерть — это наглядный конец этой необычайно богатой и разнообразной эпохи, творческим зарядом которой продолжает питаться уже приближающийся к концу XX век. Как верно сказал в своем слове после панихиды проф. Н. В. Рязановский, "Глеб

Петрович сам был этой эпохой, и, общаясь с ним, мы эту эпоху осязали".

Его научная и литературная деятельность была богата и многообразна: историк литературы, литературный критик, поэт и переводчик, Глеб Струве посвятил жизнь изучению русской литературы XX века. Первое издание его истории советской литературы (*Soviet Russian Literature*) вышло в 1935 г., последнее, четвертое (*Russian Literature under Lenin and Stalin: 1917–1953*) — в 1971. Эта книга в различных изданиях была переведена на французский, немецкий и итальянский языки, существует она и в русском переводе "для внутреннего употребления", т. е. для советских литературных чиновников. На этих книгах и на книге Струве о русской литературе в эмиграции (*Русская литература в изгнании*, 1956; 2-е изд., 1984) учились поколения западных славистов.

В изучении русской советской литературы и литературы русской эмиграции он был пионером; после него о советской литературе писали многие, но, вне зависимости от подхода и объема этих исследований, они так или иначе соотносятся с книгами Глеба Струве. Писать же о эмигрантской литературе между двумя войнами без ссылок на *Русскую литературу в изгнании* фактически невозможно: эту книгу писал не только историк и исследователь, но и участник этой литературы; многих из тех, о ком он писал, он знал лично, в различных эмигрантских изданиях принимал участие.

Ученики Глеба Струве составляют значительное число ныне активных американских славистов, под его научным руководством было написано множество диссертаций, но число его учеников не ограничено теми, кто работал с ним в университете. Струве давно стал "классиком" в изучении русской литературы XX века, и к нему обращались за советами и помощью со всех концов света; на эти просьбы он неизменно быстро и щедро отзывался.

Его научная деятельность не ограничивалась XX веком, он напечатал множество статей о писателях и поэтах XIX века, а в 1950 г. вышла его книга *Русский европеец. Материалы для биографии и характеристики кн. П. Б. Козловского*. Глеб Петрович обладал совершенно исключительной работоспособностью, его библиография (составлена Р. Хьюзом, напечатана в *California Slavic Studies*, vol. 11, 1980, pp. 269–317) охватывает период в 64 года и насчитывает свыше 900 названий. С ученым в нем совмещались журналист и страстный полемист, он отзывался в печати не только на книги и статьи, но и на события окружающей жизни, вплоть до выборов в местное городское управление.

Старший сын Петра Струве, знаменитого экономиста и общественного деятеля в России и эмиграции, одного из виднейших представителей эпохи русского возрождения начала века, Глеб Петрович покинул Россию в декабре 1918 г. уже сложившимся человеком, в 1921 г. окончил Оксфордский университет, в двадцатые годы жил в Берлине и Париже, где сотрудничал в изданиях своего отца (*Русская Мысль*, *Возрождение*, *Россия*, *Россия и Славянство*). С 1932 г. он занял место лектора по русской литературе в Лондонской Школе Славяноведения, а в 1947 г. был приглашен профессором русской литературы в Калифорнийский

университет в Беркли, где и оставался вплоть до выхода на пенсию в 1967 г.

В 1971 г. Глебу Петровичу был посвящен специальный том *California Slavic Studies*, научного журнала, одним из редакторов которого он был в течение двадцати лет с его основания в 1960 г. В 1971 г. проф. Струве получил почетную докторскую степень от Торонтского университета в Канаде; в 1973 был награжден Американской Ассоциацией славянских исследований за свой исключительный вклад в развитие славяноведения в Америке; в 1978 г. получил почетную грамоту, высшую награду Калифорнийского университета. Как гость, он преподавал по приглашению Гарвардского, Вашингтонского и Колорадского университетов, а также университетов в Торонто и штатах Индиана и Охайо.

Петербуржец по рождению, он сохранил верность имперской столице до конца, об этом свидетельствовал его русский язык, не только неспешный, отчетливый и точный, свойственный людям его поколения, но и определенно петербургский выговор. Поистине историческим вкладом в дело изучения петербургской поэзии XX века были монументальные издания Гумилева, Ахматовой и Мандельштама, которые Глеб Петрович редактировал с Б.А. Филипповым и Н.А. Струве. Трудно переоценить значение этих изданий; для славистов среднего поколения изучение этих поэтов вполне отчетливо делится на два периода — "до" и "после" изданий Струве. "До", когда надо было разыскивать несобранные стихи "несозвучных" поэтов, и "после", когда можно взять в руки издания Струве—Филиппова с уверенностью, что все, что было доступно, попало в эти тома. Следует напомнить, что вся эта огромная работа была проделана не только без доступа к архивам в Советском Союзе, но еще и по переписке, так как Глеб Петрович жил в Калифорнии, а его соредакторы на восточном побережье США или в Париже.

Издательская деятельность Глеба Петровича не ограничивалась петербургскими поэтами. Трехтомный Пастернак предшествовал другим изданиям, его появление сделало эпоху в пастернаковедении, и до сего дня, невзирая на то, что со времени этого издания напечатаны многие ранее неопубликованные тексты, оно остается основным.

В издании собраний стихов поэтов, которых печатают выборочно или совсем не печатают в советской России, — здесь следует еще

упомянуть стихи и письма Марины Цветаевой, собрания стихов Клюева, Заболоцкого и Волошина — Глеб Струве сделал эпоху. Есть основания утверждать, что издания Струве—Филиппова сыграли значительную роль в публикации некоторых из этих поэтов в СССР. А на Западе, среди поколения его учеников, у Глеба Петровича много последователей, работающих над несобранными произведениями и неизданными архивами.

Жизнь вдали от эмигрантских культурных центров заставляла поддерживать эпистолярное общение, но Глеб Петрович письма писать любил; любил письменное слово, письма тщательно сохранял, отвечал на них молниеносно, медлительность и неряшливость в переписке считал невоспитанностью, но и признавался, что любил письма получать, а для этого "надо писать самому и писать сразу".

В личном общении Глеб Петрович обычно производил впечатление занятого, сурового и непрístupного человека, к нему было трудно подступиться, но все менялось, когда было дело. На вопрос "по существу" он отвечал обстоятельно и не спеша, здесь блистала его феноменальная память. Он отличался необыкновенной щедростью по отношению к ученикам и младшим коллегам, давал не только библиографические советы и справки, но и отписки статей и материалы из собственной коллекции.

Отпевали его в церкви Иоанна Крестителя в Беркли, где он был прихожанином больше тридцати пяти лет и где бывал на воскресных службах до самого последнего времени. В гробу он выглядел спокойно и величественно; смерть преобразила и открыла то, что не всегда было заметно в спешке и в злободневных "библиографических" разговорах. Похоронили его на местном кладбище под высокими эвкалиптами на склоне холма, с которого открывается вид на залив Золотых Ворот и горы, то привычное окружение, где прошли последние десятилетия его долгой и необычайно продуктивной жизни.

О. Раевская-Хьюз

В семейном архиве, унаследованном от моего отца, я нашел ряд ранних писем Глеба Петровича Струве к матери или к братьям. Они освещают самые первые годы эмиграции, учебу в Англии, пребывание в Праге (откуда пошло знакомство с Мариной Цветаевой), а главное, его работу в парижской ежедневной газете "Возрождение", созданной в 1925 году и до августа 1927 редактировавшейся его отцом, П. Б. Струве.

Письмам о "Возрождении" предпослано начало заметки, написанной самим Г. П. Струве и опубликованной в № 3 журнала "Мосты".

За письмами следует ряд как будто никогда еще не печатавшихся юношеских стихотворений Г. П. Струве, часть из которых написана была еще в России.

Никита Струве

I. ИЗ ПИСЕМ САМЫХ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЭМИГРАЦИИ (1919—1922)

1. (К отцу)

Richmond
5.VII.1919

Дорогой мой!

Вчера я, наконец, пошел во французское бюро. Выяснил, что у них пока из Парижа ничего не получено, ни разрешения, ни отказа (говорят, последнее время очень многим отказывают). Что же, буду ждать опять, очевидно, до середины будущей недели не уехать.

Отчего ты не пишешь? Ариадна Владим.¹ ждет от тебя статьи; она легко может опоздать совсем, если ты не пришлешь сейчас же. Напиши непременно: именно тебе следует написать о Добр[овольческой] Армии. Приехал ли в Париж Драгомиров? Мне очень интересно, что он думает и рассказывает об идущем сейчас наступлении Деникина. Мы все здесь относимся к нему, так сказать, выпучив глаза. Оно блестяще, даже более, пожалуй, чем

майские успехи Колчака, но и страшно рискованно. Разве что большевики уже растеряли свою живую силу на этом фронте, и Деникин надеется дойти до Москвы. Ведь еще никогда Д. А. и казаки так далеко не заходили. Белгород — Воронеж — Балашов — Камышин, такова ведь линия фронта. Саратов находится под прямой угрозой обхода, и скоро в таком же положении будут Пенза и Тамбов. Если бы теперь взять Петроград, все полетело бы вверх тормашками.

[Конец письма утерян]

2.

Richmond
6.VII.1919

Дорогой папа!

Посылаю назад письмо Федорова; копию послали Ляле. Ар. Влад. ужасно недовольна, что не прислал статьи о Д.[обровольческой] А.[рмии]. Приходится или оставить сборник совсем без такой статьи, или Ар. Влад. наскоро написать ее. Действительно, ужасно досадно. — Вчера мы целый день слушали человека, только что приехавшего из Д. А. и привезшего бездну всяких материалов, которые он нам демонстрировал. Это есаул Перфильев, он везет Колчаку приказ Деникина о подчинении его Верховному Правителю. Его здесь непростительно долго задерживают, но это имеет и хорошую сторону, т. к. он в разных русских обществах делает доклады о Д. А.; между прочим, это очень ценно, был в офицерском лагере в Newmarket'e и целый день подробно им рассказывал о Добровольцах.

Ах, как иногда страстно, до тоски, до боли хочется в Россию.

Увижу ли я тебя, прежде чем ты уедешь? Нельзя ли нажать на французов?

Твой Глеб.

3. (К брату Алексею)

15 июля 1922 г.

Дорогой Ляля!

Я, может быть, переберусь вскоре в Берлин, т.к. 1) возможно, что Р.М. будет там печататься, 2) Е. Д. Кускова обещала устроить мне там хорошее место у кооператоров. Она с Прокоповичем провели здесь несколько дней, а теперь уехали в Париж через Берлин.

На одном из докладов их мы с папой и мамой были; в тот же вечер они были у нас, просидели почти до 1 ч. ночи и рассказывали очень много интересного. Всего не передашь. Большое впечатление производит рассказ о Ленине. Характер его болезни установлен с точностью. Это — прогрессивный паралич на почве люэса. Сейчас Л. конечно устранен от дел, но налицо факт, что в течение некоторого времени Россией управлял сумасшедший, да еще сифилитик. У него найдено т.н. циркулярное сумасшествие, регулярная смена настроений: необыкновенный подъем, когда он в 5 мин. решает все вопросы, потом меланхолия, сопровождаемая навязчивыми идеями. Первая — в начале периода меланхолии: "Что я делал с Россией?", вторая — кульминационный пункт — "я — провокатор, наемник буржуазии в целях опытного опровержения социализма". За этим следует опять подъем. Все это достоверные факты. Рассказывают и такой интересный случай. К Ленину был приглашен специалист-окулист, т.к. Ленин вообразил, что все его болезни суть результат слабости глаз. Осмотрев Ленина, окулист (известный московский профессор) заявил, что у него глаза в порядке и что дело в нервах. Когда он уходил, Ленин вышел его провожать. В середине коридора их встретил патруль красноармейцев. Красноармейцы загородили винтовками дорогу и старший любезно и ласково сказал: Вам дальше нельзя, тов. Ленин. Ленин посмотрел на них исподлобья и повернул. На окулиста весь этот инцидент произвел огромное впечатление. — Настроение самих Е. Д. и С. Н. очень боевое, но они убеждены в необходимости заграничного объединения с уклоном влево, во имя тактических соображений. В частности, тактический республиканизм представляется им неизбежным. Врангель для них приемлем, если он *сейчас* заявит себя республиканцем. Дальнейшего они не предугадывают. Чисто фактические рассказы их очень интересны...

II. РАБОТА В ГАЗЕТЕ "ВОЗРОЖДЕНИЕ" (1925—1927)

Г.П. СТРУВЕ

НАЧАЛО ГАЗЕТЫ "ВОЗРОЖДЕНИЕ" *

История русской эмиграции еще не написана. Не написана и история русской зарубежной печати, которой автор этих строк коснулся лишь бегло в своей книге "Русская литература в изгнании" (Нью-Йорк, 1956). Даже материалов для этой темы собрано очень мало, и можно пожалеть об этом, поскольку скоро окончательно сойдут со сцены те люди, которые играли в ней активную роль. Печатаемые ниже документы из частично уцелевшего личного и редакционного архива П.Б. Струве (см. нашу публикацию в № 1 "Мостов") относятся к возникновению газеты "Возрождение", основанной летом 1925 г. на средства богатого нефтепромышленника А.О. Гукасова.¹

До 1925 г. главными ежедневными газетами в европейском Зарубежье были: 1) парижские "Последние Новости", носившие сначала беспартийный характер и редактировавшиеся М.И. Гольдштейном, но скоро ставшие органом Республиканско-Демократического Объединения, под редакцией П.Н. Милюкова; 2) выходившие сначала в Берлине, а потом в Париже и просуществовавшие не очень долго "Дни", в которых объединились главным образом умеренные эсеры и народные социалисты; и 3) берлинский "Руль", основанный В.Д. Набоковым, И.В. Гессеном и А.И. Каминкой и отражавший настроения отколовшегося от Милюкова правого крыла кадетов; главным пунктом, по которому поначалу "Руль" расходился с милюковской газетой, было положительное отношение к остаткам Белой армии и к самой белой идее и формально неопределенная позиция в вопросе о форме правления.

* Первая часть статьи, напечатанной в журнале "Мосты", III, в качестве предисловия к неизданным письмам разных писателей к П. Б. Струве.

¹ Попытка обозреть деятельность "Возрождения", сделанная к тридцатилетию со дня его основания в статье Г.А. Мейера в парижском журнале "Возрождение", должна быть признана крайне односторонней стилизацией, изобилующей грубыми фактическими неточностями. См.: Г. Мейер, "Возрождение и белая идея", "Возрождение", тетради 42, 43 и 44 (июнь, июль и август 1955 г.).

В особом положении находилась выходившая в Риге газета "Сегодня", которая формально, а отчасти и по существу, была не эмигрантской газетой, а органом русского меньшинства в Латвии. Редактировалось "Сегодня" известным кадетским публицистом М. И. Ганфманом (1873—1934), и в газете участвовала большая часть русских зарубежных писателей и много публицистов разных толков за исключением крайних правых и крайних левых. "Сегодня" имело широкое распространение и вне Латвии, притом не только в других прибалтийских странах, но и в Польше, Германии и Чехословакии. Более местный характер носили такие газеты, как варшавская "За Свободу", основанная Д. В. Философовым при участии Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, а позднее А. П. Арцыбашева; белградское "Новое Время", начатое М. А. Суворинным и позднее фактически редактировавшееся В. Х. Даватцом в духе Белого движения; и софийская "Русь", тоже врангелевского направления.

"Возрождение" было задумано как "орган национальной мысли", в значительной мере в противовес "Последним Новостям", единственной в то время серьезной ежедневной газете в "столице" русского рассеяния.² Газета П. Н. Милюкова велась очень хорошо как газета, пользовалась большим успехом и неуклонно увеличивала свой тираж, но политическое направление ее далеко не отвечало взглядам и настроениям рядовой русской эмиграции, особенно военной. Поэтому "Возрождение" быстро завоевало себе прочное положение. Редактором Гукасов пригласил П. Б. Струве, который в то время жил в Праге, где был связан с русским юридическим факультетом при Пражском университете. Решив, в порядке общественно-патриотического долга, принять предложение Гукасова, П. Б. должен был отказаться от только что сделанного ему предложения кафедры политической экономии в Софийском университете. Редактором "Возрождения" П. Б. Струве пробыл, однако, лишь немного более двух лет: в августе 1927 г. он был "уволнен" с этого поста издателем газеты и заменен Ю. Ф. Семеновым. Но это уже другая история, которая когда-нибудь должна будет быть рассказана тоже.³

² Выходившие некоторое время в двадцатых годах "Русская Газета" А. И. Филиппова и "Вечернее Время" Б. А. Суворина в счет идти не могли. Б. А. Суворин вскоре сам стал сотрудником "Возрождения".

³ П. Б. Струве был тогда же составлен, для осведомления общественных деятелей, меморандум, в котором была рассказана вся история вытеснения его из "Возрождения". В архиве П. Б. сохранилось много откликов на это событие, как со стороны видных общественных деятелей и организаций, так и от рядовых читателей "Возрождения".

1) Дела в редакции идут в общем хорошо. Газету мы как будто все улучшаем. До сих пор главным недостатком ее было изобилие статей, чрезмерная длина их и отсутствие коротких и занятых информационных вещей. Эти недостатки отражались на тираже, особенно на русском, который начал падать (отчасти м. б. тут повлияло разочарование в Съезде,¹ заметное у многих). Во всяком случае с этими недостатками мы повели энергичную борьбу. Очень помогли нам 6-страничные номера по воскресеньям и четвергам, которые теперь в чисто газетном отношении много удачнее и интереснее (с точки зрения рядового, а не только "умного" читателя), чем "Последние Новости". С конкуренцией с последними нам приходится очень и очень считаться: ведь от этого, можно сказать, зависит судьба "Возрождения". Гукасов² в общем доволен делом, но, конечно, он рассчитывает на увеличение тиража и приток объявлений в ближайшие месяцы. И мы должны об этом стараться. Гукасов идет на всякие новые расходы: Яблоновский³ получает теперь 1 500 фр., выписывается Ренников⁴ на 1 000 фр., готовятся чрезвычайные иллюстрированные номера для Нового Года и Рождества с рассказами Бунина,⁵ Шмелева, Тэффи, Ремизова и др. На рекламу он тоже не скупится: помещение у нас очень хорошее, над окнами горит по вечерам большая красная световая вывеска, несомненно привлекающая внимание на Больших Бульварах (единственная русская световая вывеска). По французской провинции разъезжают от конторы два специальных человека, пропагандирующих "Возрождение" и снабжающих нас корреспонденциями в целях увеличения местного тиража. Единственное, на что Г. не хочет идти, это повышение жалованья уже работающим (исключение — С. С.,⁶ который получает теперь 1 500 фр.). Когда зашла речь о моем жаловании, был поднят вопрос о том, что Юля⁷ зарабатывает романом, как будто бы я параллельно с этим не отдавал буквально всего своего времени газете, в ущерб своим интересам. В сущности, Лоллий Иван.⁸ и я работаем больше всех. С. С. стал за последнее время совсем нерадивый. Борман⁹ после

очень строгого папиного внушения стал приходиться в 11 ч. и тшится (безуспешно) завести порядок в секретариате. Правда из-за нерадивости С. С. на него падает почти все время вечерней работы по заготовлению первой страницы. Дежуриим мы, как и прежде, по очереди: понед. и среду — я, вторник и субботу — Борман, четверг и воскр. — С. С., пятницу (день Нац. Комитета) — Лазаревский.¹⁰ Выпускают по очереди же Лазаревский и Львов. Львов кроме того много пишет и ведет отдел Сов. России. Вообще он предан газете, а потому благоволит ко мне и ценит мою добросовестную работу (в отличие, скажем, от Аркадия и Лазаревского — изрядных лентяев). Правда, он своеволен, но за последнее время стал укрощаться. Раньше он как будто был в контрах с Зайцевым,¹¹ но на днях признался мне, что с ним очень приятно и легко работать (что я тоже нахожу; — не дай Бог, если бы папиным заместителем был Ольденбург!) Лазаревский стал лучше работать с тех пор, как ему поручили определенный круг обязанностей кроме выпуска: он составляет справочный отдел ("театры и зрелища") и "парижскую хронику" по франц. газетам.

Мои обязанности заключаются в заведовании всей хроникой (сюда входит и театр, и спорт, и кино, и отчасти зарубежная Россия и т. д.). Кроме того, я составляю литературно-художественную хронику, иногда смесь, завел отдел "За кулисами политики" и последнее время кое-что пишу (рецензия о Бери, рецензия о Грэме и целый фельетон из него, кой-какие мелочи)...

5. (К матери и брату Льву)

25 дек. 1925 / 7 янв. 1926

Поздравляю вас с праздником Рождества Христова! Несмотря на то, что день кругом протекает обыденной жизнью и даже несмотря на множество мелких неприятностей, на душе какое-то ощущение праздника, большого и светлого. Это ощущение повышает еще сегодняшний номер "Возрождения", такой праздничный, хороший и интересный. Я хочу собрать завтра подписи всей редакции на полях этого номера и послать вам на память — на

радость и на счастье. Хотелось бы, чтобы все будущие номера "Возрождения" были бы такими же удачными! Как вам нравится Билибин? По-моему — он верен себе и, несмотря на чужую обстановку, остается таким же русским художником. Рядом с ним приторность Соломки — очень претит...

6. (К матери)

5. I. 1926

Как ты догадываешься, вероятно, по заметкам в "Возрождении", — Новый Год мы встретили в редакции. Это торжество стоит того, чтобы его описать.

Первоначально предполагалось устроить небольшую встречу в кругу ближайших постоянных работников и сотрудников и их близких на началах складчины. Но тогда у Гукасова попросили разрешения воспользоваться помещением, он категорически настоял, чтобы расходы и все устройство взять на себя, придав всему событию более широкий характер. Приглашения, однако, исходили от нас и по нашему выбору. Кроме конторы, из которой явились только барышня-телефонистка, переписчица и Гукасовский "Павлуша", которому было поручено распорядительство, были приглашены все ближайшие сотрудники, т. е. весь состав редакции с их близкими (сюда вошли и Ляля с Катей и Котя,¹ но Котя не пошел из-за поста и экзаменов), Яблоновский, Бунин, Шмелев с племянницей и с женой, Клоповровский с женой и сыном, Грюнберг с женой, Лавда-Метакса, Никаноров, Григорьев (не пришедший), Никашин, Асмолов, Криволай, Поль² с А. М. Ян-Рубан, А. М. Петрункевич, Семенов и Ал. Вас. (не пришли), Рябушинские (тоже не могли прийти), ген. Баратов, явившийся как всегда в полной форме. По просьбе Бунина были позваны Кульманы. Случайно позабыли Ломейера и Мад'а. Борман был с женой, Богарскими и Матерновой, Зайцев — с Флорой Борис., она была как бы хозяйкой вечера. Был также С. С. Палашковский. Начали съезжаться часам к 11. Мы поехали раньше и застали приготовления к ужину в полном разгаре. Этим делом занимались два специально нанятых лакея — из

кирасир Ея Величества, которые сами здорово клюкнули еще до всякой "встречи". Бычек тоже успел хватить несколько рюмок. Гришин, пока шли эти приготовления, сочинял приветствие папе, которое было потом оглашено и подписано всеми. Надо сказать, что выпивка и еда были организованы с большой затратой денег, но неумело. Как на другой день говорил Яблоновский, — "на столе одна колбаса стояла, а шампанское лакеи выпили". Действительно, я напр. даже не пригубил шампанского. Правда было и другое вино — водка и несколько дюжин красного и белого. Напиться было с чего, и большинство этим воспользовались — в разной мере. Были совсем трезвые: С. С., нашедший, что все вино было кислое, и некоторые другие. К следующей категории относились те, кто были слегка навеселе и потому очень веселые: я сам, К. И. Зайцев, Борман, поровний невероятную чепуху, Lollius, Ляля, Ив. Ал. Бунин, растроганный и очень ласковый; Шмелев и Кульман,³ пожалуй, даже превзошли несколько всех только что названных, но по-настоящему пьяны не были.

Гукасов приехал около часу и ненадолго. Встреча, т. е. тосты, начались без него. Кир. Иос. провозгласил тост за Великую Россию (над столом висел русский флаг, как и на освящении редакции). Потом были тосты за великого князя, за Русскую Армию, за русских писателей (довольно долгий обмен любезностей между Буниным, Шмелевым, Яблоновским и Кульманом). Пили еще за русскую женщину, за Галлиполи и Бизерту, за букву "ять" (остроумную речь сказал Кульман — "Посл. Новости" посвятили ей на другой день передовую). Конечно, пили и за папу, за Гукасова, за "Возрождение". Было оглашено письмо папе, которое все подписали и ему послали.

После ужина перешли в "гостиную", устроенную из велико-лепного кабинета Гукасова с кожаными креслами и диванами. Была музыка, пение, рассказы, анекдоты.

Отчего же ты не отвечаешь мне, как вам с Лево⁴ нравится "Возрождение"? Последнее время отзывы о нем разные. Ив. Ал. Ильин⁵ недоволен, что мало печатают серьезных статей (в частности, его) и слишком много мелочей. Он не понимает, что если всю газету наполнить "Ильиным", то почти никто не будет ее читать, а если давать "Ильина" среди мелочей, то всякий этого Ильина

прочтет. Во всяком случае, наш тираж в Париже из-за избытка серьезных статей падал. Теперь газета идет лучше.

Ю. Ф. Семенов⁶ и строгая старуха недовольны, что нет достаточно вразумительного толкования происходящего в России, что подается в сыром виде, но они не понимают, как все это приходится делать, что просто по техническим условиям нет возможности сейчас же обрабатывать материал, если мы не хотим запоздать с ним.

Чебышев,⁷ наоборот, только что написал, что "Возрождение" делается все лучше и лучше, а некоторые номера были прямо блестящими.

7. (К брату Константину)

24. IX. 1926

...Надеюсь, что ты аккуратно получаешь "Возрождение". Я послал тебе еще три экземпляра французского №. Ты пишешь, что чисто внешне газета деградирует. Но как раз то, что ты считаешь деградацией, мы, т. е. большинство редакции, считаем прогрессом. Газета гораздо газетнее и живее, когда она разбита по мелочам, как ты говоришь, а не разделена по отделам и рубрикам, что напоминает сборники статей. Я не говорю уже, что такая пестрота, которая тебе не по вкусу, внешне украшает газету, — ее прямо требуют читатели, особенно парижские, воспитанные на французских газетах и на "Посл. Новостях". А для нас парижские читатели сейчас самое главное. Во всех других странах мы давно оставили за флагом "Посл. Нов.", а в Париже у нас сбыт почти не растет. Нам необходимо завоевать парижского читателя и тогда мы завоюем Гукасова. Поэтому с нашей точки зрения очень удачен своей газетностью и разнообразием сегодняшнего номера, тебе, вероятно, не понравившийся (пятница 24 сентября — проверь и напиши мне свое впечатление, это интересно).

8. (К матери)

Париж
29. XI. 1926

После моего последнего письма Адя и папа наверно писали тебе и держали тебя в курсе перипетий нашего злополучного и неприятного конфликта, теперь разрешившегося, но далеко не благополучно и неизвестно насколько прочно. Во всяком случае восстанавливать все подробности сейчас я не могу — расскажу лишь о заключительной стадии. Гукасову предложен был компромисс, по которому папа сохранял свое положение *главного редактора* и в его ведении оставались полностью политический и литературный отделы газеты. Остальные отделы отходили к Семенову, который входил в редакцию на положении редактора, но по всем основным вопросам требовалось папино согласие. Далее в этом компромиссном положении говорилось, что в газете делается уведомление о вхождении С. в редакцию, но подразумевалось, что имя его не появится в заголовке. В субботу в кабинет Г. на rue de Sèze состоялось совещание с участием посредников (Нольде, Трубецкой, Лианозов и Глазберг¹), папы и Семенова. Г. категорически отверг это компромиссное предложение, заявил, что он хочет, чтобы Струве и Семенов были не только равноправны, но чтобы всем это было ясно, чтобы на газете стояло: "под редакцией П. Б. С. и Петра С.". При этом Г. держал себя, по папиному определению, как истерическая баба, кричал, что папа "отравил ему жизнь" и т.д. Договорился также до того, что в конце концов он, мол, не русский, может перестать издавать русскую газету и заняться армянскими делами. Словом, отверг компромисс, показал, что желает отделаться от папы, и заявил, что это его последнее слово. На всех произвел самое отвратительное впечатление (кроме, очевидно, Семенова).

В тот же день у Г. был завтрак с Семеновым и его посредниками. А папа совещался со своими посредниками и друзьями. Все сошлись на том, что папа не может дальше идти на уступки. Но папа придумал еще один выход: ради спасения газеты он уходит из редакции (оставаясь сотрудником), Семенов делается редактором, а для политического руководства создается коллегия из трех

лиц по папиному указанию (предположительно Шульгин, Трубецкой и Чебышев). На газете делается пометка: "основана П. Б. Струве", а вся редакция остается на своих местах. Кир. Ост., обнаруживший все же в последние дни большую впечатлительность и податливость, одобрил этот проект. Папа, предлагая его, исходил из того, что он в общественной среде не нашел достаточной поддержки, а наткнулся на изрядную мягкотелость и пасование перед хамством Г. Но мы все: я, Серг. Серг., Лоллий Львов и Лазаревский восстали против этого плана и от него решено было отказаться (вероятно, Г. все равно бы на него не пошел).

В субботу вечером мы все считали, что дело кончено и что во вторник мы выпускаем последний номер, если... Семенов не откажется и не расстроит тем самым планы Г., который очевидно должен будет подумать, прежде чем пригласить Суворина² или другого "кабацкого пропойцу" (выражение Бормана). В воскресенье в 11 ч. у Лианозова была назначена встреча посредников с папой и Семеновым. А в 3 папа вернулся с текстом подписанного соглашения, как "побежденный победитель". Оказалось, что Г. за завтраком все же уломали, и он пошел на уступки, но все-таки урвал и у папы кое-что (1. литературный отдел, 2. оговорку о соглашении по основным вопросам). Текст компромисса у тебя уже, верно, есть. Я отношусь к нему очень скептически, да и сам папа не льстит себя иллюзиями. Очень многое на практике будет зависеть от поведения Семенова: пока он всецело в орбите Гукасова. Да и в основе, в корне его поведение все-таки *подло*. М.б. он будет пытаться эту подлость загладить. Во всяком случае факт тот, что в редакцию внедряется чужой, инородный элемент — орудие Г., наблюдатель и контролер, и вся основа нашей работы, построенная на взаимном сотрудничестве, доверии и увлечении делом, отпадает. Предстоит внутренняя перегруппировка: папа хочет "снять" Бормана с политической информации и заменить его мной. Борман перейдет в ведение Семенова и займется хроникой (если пожелает). Для меня это будет некоторое облегчение и я во всяком случае не намерен из кожи лезть и делать что-нибудь даром вне своих обязательств (пусть Г. знает, что значит ломать такую редакцию, как наша!). В частности, я не буду совсем по утрам ходить в редакцию и постараюсь обеспечить себе другой заработок. Материально наше положение, вероятно, переменится

к худшему: известно отношение Семенова и Ал-дры Вас. к переводу и Юле, вероятно, придется его лишиться. Во всяком случае это будет решать Семенов.

Борман, как ты уже знаешь, сыграл отвратительную роль, и это тоже создает неприятные отношения и неприятную атмосферу в редакции. А за его спиной стоит Ар. Влад. Ее письмо тебе посылается. Она пишет о его чуткости: если бы он был, действительно, чуток, он должен был бы сейчас уйти из редакции, тем более, что он все время напирал, что он материально меньше всех заинтересован в сохранении "Возрождения".

Папина работа, конечно, сейчас очень осложняется, хотя он и говорит, что видит облегчение в том, что с его плеч снимаются литературный и другие отделы, разговоры с Г. и разговоры с авторами о гонорарах. Но положение конечно остается острым. Весьма возможно, что сам Г. смотрит на компромисс как на переходную ступень и, внедрив С. в редакцию, попытается заменить им папу. Если только не успеет до того разочароваться в Семенове!

Грустно и тяжело видеть, как самодур ломает дело, которое мы все творили.

9. (К матери)

27. I. 1927

"Русская мысль" выйдет к 1 февраля.¹ Будет интересный номер, но мало беллетристики. Твои страхи по-моему напрасны. Конечно, покупательная способность русских очень уменьшилась, но ведь страшно сократилось и предложение. Мне кажется, что при рациональной постановке дела сбыть 2 000 экз. интересного и дешевого журнала, идеологически гораздо более удовлетворяющего потребностям широкого круга читателей, чем "Совр.[еменные] Зап.[иски]", вполне возможно. А тогда журнал уже будет окупаться. В первом номере будут мои переводы из Рильке, моя же статья о нем и две рецензии. Письмо Рильке к Лева будет напечатано полностью, а конец его даже воспроизведен в виде факсимиле. Не может ли только Лева прислать те строки из "Восьмой

Элегии", которые имеют отношение к этому письму. А то получается не совсем понятно. Мой экземпляр "Duinesei Elegien", по-видимому, потеряла Марина Цветаева. А мою "Stundenbuch" увы! старики Вернадские,² очевидно, увезли в Россию, если только не оставили ее в Праге. Вот что значит давать книги людям! ...

10. (К матери)

14. II. 1927

...Ты интересуешься ходом дня в редакции. Отвечаю тоже по вопросам. Бунин никогда не был заведующим литературным отделом. Но, кажется, и Ходасевич не будет таковым в настоящем смысле слова. Но во всяком случае он становится постоянным сотрудником на фиксе (1 000 фр.) и почасовой платы (1 фр.), будет давать статью каждый четверг и наверное привлечет к участию своих протеже. Человек он не из симпатичных, озлобленный, желчный и беспринципный (на протяжении короткого времени он успел побывать соредктором Горького, зав. литер. отделом "Дней", сотрудником "Посл. Нов." — когда "Дни" перестали платить — и наконец пост. сотрудником "Возрождения"¹). Но во всяком случае я считаю его очень хорошим поэтом и хорошим критиком. Лучше, чтобы он влиял на литературную часть газеты, чем ничего не смыслящий и тупой Семенов или даже Маковский,² во многих отношениях совершенно опустившийся. Маковский, конечно, очень недоволен, что ему назначили всего 500 фр. фикса, а Ходасевичу 1 000 фр. Еще больше недоволен Лоллий, который прямо пышет свойственной ему неистовой и плохо объяснимой ненавистью к Ходасевичу, считая его появление позором для газеты. Примирился даже с Маковским из-за этого. Днепров — это Рошин,³ автор "Открыток с дороги". Куприна я читал только урывками, как будто хорошо написано. Английский роман начнется на днях — очень интересный, гораздо интереснее, чем в "Посл. Новостях", которые выбрали один из слабых романов этого же автора. В истории с романом Семенов еще раз проявил свою непроходимую глупость. Он настоял, чтобы я написал

Уоллэсу с просьбой разрешить перевести его роман "Зловещий человек" (без указания условий — авось даром отдаст!). Ответа на письмо вообще не было, и Семенов решил все же печатать роман, не дожидаясь разрешения. Но для видимости взяли другой роман того же автора, открытый Серг. Серг. По-английски он называется "A king by night". Конечно, "Возрождение" обходится Гукасову много дороже, чем раньше. Я не составляю теперь гонорарных листов, но случайно знаю, что последний четверговый номер стоил 1300 фр., а последний воскресный 1200. Таких цифр достигали у нас только рождественский и пасхальный номера. Четверги обычно обходились 700 фр., а воскресенья 500-600. Это удорожание, не компенсируемое никаким увеличением тиража (те же 17000, что и при вступлении Семенова), объясняется тем, что Тэффи получает 2 фр., Куприн 1 фр. 50 с., Маковский тоже, Ходасевич 1 фр. Гонорар за хронику повышен до 25 с. Кроме того появились новые фиксы: Семенов 2500, Ходасевич 1000, Маковский 500. Ренникову увеличен фикс до 1750. И Лоллий Львов и Кирюша в хороших отношениях с Семеновым, во всяком случае внешне. Это не мешает им называть его (и считать) "сво-лочью" за глаза. Мои отношения с Сем. сухи и я свожу их до минимума. Я не могу пересилить своего глубочайшего убеждения, что присутствие Сем. в редакции решительно ничем не оправдывается, кроме пристрастия Гукасова к хамам. К моему большому счастью, я не подчинен Семенову. Материал первой страницы, к-рый я составляю, либо просматривается папою, либо не просматривается никем. Папа, конечно, не видит всего материала, который идет в номер. Семенов *обязан* показывать ему лишь политический материал, но фактически он и это не всегда делает и папе приходится уже в типографии сокращать или изымать негодное. Так на днях, напр., было с письмом в редакцию о Неандере полк. Рязанова, к-рое папа изъясил. Но фактически большая часть существенного материала идет через папу — Семенов почти не читает новых рукописей и, кажется, не притрагивается к тем, которые достались ему в наследство. Если бы почему-либо приток рукописей от папы застопорился, Сем. оказался бы в трудном положении! Борман при Семенове старается играть роль секретаря, но в делах редакции все-таки большая путаница. Отношений с конторой у нас никаких нет, а какие у Семенова — не

знаю. Видимо, ладят. Хотя Давыдов еще больше задрал голову, с тех пор как Гук. назначил его председателем комитета по устройству вечера "Возрождения". История этого вечера тоже скандальная. Давыдов, никого не спросив, прежде чем созвать комитет, снял залу на первой неделе поста и притом еще в 10-летнюю годовщину революции, когда правые собираются устраивать панихиды. Немудрено, что правые организуют бойкот вечера. А Семенов говорит, что заплачено 1000 фр. и переменить день нельзя. Редакционные завтраки продолжают по вторникам. Но я два последних раза не был. Завтра не будет завтрака, так как Гукасов устраивает свой, на который приглашены "избранные". Кто в точности, мы не знаем, но во всяком случае не приглашены ни Кир. О., ни Лоллий, ни Сигуня, ни я, ни, конечно, Лазаревский. Среди приглашенных — папа, Шульгин,⁴ Бунин, Ренников, Семенов, Шмелев, вероятно Ходасевич и Маковский, Тэффи... Завтрак в ресторане "Ренессанс". Гукасова я почти не выдаю.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо 1.

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962), писательница и общественная деятельница, давняя знакомая П. Б. Струве, вышедшая вторым браком за английского журналиста Гарольда Вильямса. Автор двухтомной биографии Пушкина и воспоминаний "То, чего больше не будет".

Письмо 2.

Михаил Михайлович Федоров (1858–1949), общественный деятель, в кабинете Витте был министром торговли.

Ляля – Алексей Петрович Струве (1899–1977), брат Г. П., библиофил.

Письмо 3.

Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1959) и ее муж, экономист, Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955) – известные политические деятели кадетской партии. В 1921 активно включились в Горьковский комитет помощи голодающим, после чего, в 1922, были высланы из России.

Письмо 4.

1. Так называемый "Зарубежный съезд", имевший своей целью объединить эмиграцию, но ставший ареной борьбы между крайне правыми и умеренными.
2. Абрам Осипович Гукасов (1872–1969), богатый нефтепромышленник, владелец и издатель "Возрождения".
3. Александр Александрович Яблоновский (1870–1934), писатель и журналист.
4. А. Ренников (наст. имя: Андрей Митрофанович Селитренников) 1882–1957, писатель, журналист, до революции присяжный фельетонист "Нового Времени", в эмиграции сначала жил в Белграде. Им написан ряд романов и пьес из эмигрантского быта.
5. И. А. Бунин ушел из "Возрождения" после увольнения П. Б. Струве.
6. Сергей Сергеевич Ольденбург (1889–1940), сын С. Ф. Ольденбурга, неперемного секретаря Академии Наук, оставшегося в России. Был одним из ближайших сотрудников П. Б. Струве не только в "Возрождении", но и в "России" и в "России и Славянстве". Позже вернулся

в "Возрождение" по материальным причинам. Его дочь, известная французская писательница Зоя Ольденбург, написала о своем отце книгу, в которой не слишком лестно его оценивает. В письме 9 упоминается под прозвищем "Сигуня".

7. Юлия Юльевна Андре, первая жена Г. П. Струве.
8. Лоллий Иванович Львов (1888–1967), поэт, журналист, ушел из "Возрождения" вместе с П. Б. Струве, сотрудничал в "России" и в "России и Славянстве". Во время войны стоял на прогерманских позициях, уехал в Псков издавать газету, сблизился там с философом Аскольдовым. Умер в Мюнхене.
9. Аркадий Борман, сын А. В. Тырковой, о которой написал книгу. Один из редких сотрудников П. Б. Струве, не ушедших из "Возрождения" после его увольнения.
10. Владимир Александрович Лазаревский (1897–1953), журналист, один из редакторов послевоенной "Русской Мысли".
11. Кирилл Осипович Зайцев (1887–1975), экономист, журналист, ушел за П. Б. Струве из "Возрождения", сотрудничал в "России" и в "России и Славянстве", по закрытии которых принял пост профессора в Харбине. После Второй мировой войны, потеряв жену, переехал в США, где стал монахом под именем Константина и редактировал главный орган Зарубежной Церкви "Православная Русь".

Письмо 6.

1. Брат Г. П. Струве и его жена Екатерина Андреевна; Котя – брат Г. П. Струве, впоследствии архимандрит Савва (1901–1947).
2. Владимир Иванович Поль, композитор, его жена, известная камерная певица, и ее сестра, историк и педагог.
3. Николай Карлович Кульман (1871–1940), филолог, общественный деятель.
4. Лев Петрович (1902–1929), брат Г. П. Струве, жил в те годы с матерью в Давосе, где и умер.
5. Иван Александрович Ильин (1882–1954), философ и публицист, высланный из России в 1922 г. Был постоянным сотрудником "Возрождения", вышел из газеты после увольнения П. Б. Струве, одно время издавал свой собственный орган "Колокол", в тридцатых годах возобновил свое сотрудничество в "Возрождении".
6. Юлий Федорович Семенов (1873–1947), общественный деятель, публицист, сотрудник "Возрождения", ставший его единоличным редактором после того, как Гукасов уволил П. Б. Струве.
7. Николай Николаевич Чебышев, писатель, жил в Праге, близкий друг и единомышленник П. Б. Струве.

Письмо 8.

1. Борис Эммануилович Нольде, бар. (1876–1948), юрист, историк, автор книги о Ю. Самарине.
Григорий Николаевич Трубецкой, кн. (1873–1929), дипломат, церковный деятель.
Наум Борисович Глазберг, московский промышленник, общественный деятель.
С. Г. Лианозов, общественный деятель, стал во главе Российского торгово-промышленного союза, созданного в эмиграции.
2. Михаил Алексеевич Суворин, сын известного издателя, редактировал в Белграде газету "Новое Время".

Письмо 9.

1. Вышедший в 1927 г. номер журнала "Русская мысль", под редакцией П. Б. Струве (после четырехлетнего перерыва) – оказался, за неимением средств, последним. Г. П. Струве описал историю зарубежной "Русской мысли" ("Русская литература в эмиграции". Сборник статей под редакцией Н. П. Полторацкого, 1972 г.).
2. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), мыслитель и ученый-естествоиспытатель, отец историка Георгия Вернадского, оставшегося в эмиграции.

Письмо 10.

1. В. Ходасевич (1886–1934), был соредактором в Берлине Горьковских сборников "Беседа". "Дни" – еженедельный эсеровский орган, где литературным отделом заведовал М. А. Осоргин.
2. Сергей Константинович Маковский (1877–1962), поэт, критик, издатель, автор воспоминаний "На парнассе Серебряного века".
3. Н. Роцин (наст. имя: Николай Яковлевич Федоров), печатался и под псевдонимом Днепров, прозаик; в 1946 г. вернулся в СССР, печатался исключительно в "Журнале Московской Патриархии".
4. Василий Витальевич Шульгин (1878–1976), политический деятель, писатель. Арестован в Белграде в 1944 и депортирован в Советский Союз.

III. ИЗ РАННИХ СТИХОВ

[Из письма к брату]

17. X. 1919

Посылаю тебе добрую порцию из произведений моей поэтической кухни – разного времени и разного, конечно, достоинства. Напиши, какие из них тебе нравятся, а о тех, которые не нравятся, – почему. Последнее впрочем глупо спрашивать: не нравятся и basta, объяснять тут нельзя, хотя мы и пытались делать это с Сережей Никольским.¹

Вот тебе одно существенное замечание по поводу твоих писем: пиши адрес на конверте пониже, иначе он попадает под штемпель и бывает трудно разобрать, особенно фамилию; и последнюю пиши разборчивей. Сейчас 12 ч., я зачитался философией у камина, а потом писал для тебя стихи и засиделся. Пора и на покой. Надеюсь завтра утром узнать, что Петроград взят. Пошлю тогда сразу телеграмму Карташеву, чтобы при первой возможности навели справки о маме.

¹ Сергей Никольский, соклассник Г. П. Струве, начинающий поэт. Убит во время гражданской войны.

Из цикла "Мой город"

а

Я тку стихов ненужных нити:
В бездельи тают вечера.
Я говорю словам: плывите
С конца усталого пера.

Иду на Невский; мглой и светом —
Вином искристым — напоен,
Боюсь стихом еще не спетым
Колдующий развеять сон.

Летят трамваев вереницы,
Мотор рассыпал сноп огня.
В конце проспекта только снится
Громада грузного коня.

И мнится: вот не станет силы,
И дрогнет царская рука,
И далеко во мрак постылый
Отбросит лошадь седока.

Но подойди: туга как раньше
В руке упругая узда.
И упадет с желтой башни
Часов унылых череда.

Навстречу — головы и плечи,
И каменеет встречный смех.
Но лица все бледней и резче,
Глаза огромные у всех.

Так жалобно застыло тело
В каменной броне,
И ряд домов похолоделых
И успокоенных во сне.

Петроград, XII/1918

в

О город чужой и близкий!
Твой вечер сверкнувший на миг —
Как радужный хвост василиска,
Колдует ласкающий вскрик.

Тобою плененный снова,
А старое помню едва.
И в сумерках бледнолиловых
Вино твое пью, Нева.

И жду: загорятся луны
В звенящей короне моста,
И месяц как мальчик юный,
Еще не познавший креста.

О город близкий и странный,
Чужой и знакомый равно,
Мне сладки твои обманы,
Твое хмельное вино.

Пгг. X/1918

* * *

Тихо, тихо. Тихо плачет
За стеной смычок.
Жди: твой суженый прискачет,
Выйдешь встретить на порог.

Поспешит к тебе, обнимет:
Как объятья холодны!
Вспомнишь вечер, мессу в Риме,
Холод каменной стены...

Тихо, тихо; стонет-плачет
За стеной смычок.
Если милый не прискачет,
Бросишь сердце за порог.

Бросишь сердце – скажешь: "баста"...
Тихо, холодно, темно.
– Посмотри, как заграбастал
Страшный призрак все окно.

* *

И если ты знакомым словом
Мне душу больно всколыхнешь,
Меня не успокоишь бромом,
За правду мне не выдашь ложь.

Я буду так же: ночью мерить
Свой пол от двери до стены,
Тебе и верить и не верить,
Бояться лунной пелены.

Все будет то же: в звездном небе
Иероглифы дивных числ;
И люди с мыслию о хлебе
(Сверлящая тупая мысль!)

И то же в сердце: только тише
И глуше мысли о тебе.
И слышу, как скребутся мышцы,
Как вечер плачется в трубе.

Но подойдя к окну, увижу
На тротуаре тень твою
(А месяц в облаке стал рыжий,
Как...: помнишь песенку мою?)

И снова те же, те же мысли,
И тень твою растет в глазах...
Ах если б только звезды считать,
Иль собирать цветы в садах!

Oxford, X. 1919

Мой путь

Мой путь неверный и обманный:
Навеселе все фонари,
И ветер взбалмошный и странный
Целует алый шлейф зари.
(Ах поцелуй ветра слаще,
Чем новогоднее вино!)
И только здесь мне знать дано,
Что я пустой, ненастоящий;
Что все, что было, будет снова,
Что наша жизнь – возвратный сон:
Твой взгляд случайный или слово
Вот так же будет повторен.
И желтых рыцарей качанье,
И ветра пьяный поцелуй –
Касанье изначальных струй,
О жизни прежней вспоминанье.

Алятино, 1918

* *

*

Уже поблек твой образ милый:
Я покорен иной мечте,
Влекусь неведомою силой,
Всегда послушный красоте.

Хоть эту, знаю, тоже сменил
Теперь еще неясный лик,
В теченьи дней, как в легкой тени,
Возникнув на короткий миг.

Их много в прошлом столь же милых,
Когда-то властных над душой,
Как стая уток узкокрылых
На север тянущих весной.

В изменах сладких сердце зреет
Пройдя неповторимый путь.
Но так же небо голубеет
Сквозь эту ласковую муть.

Там же

Когда я смотрю на других
Говорю не с тобой — а с другими —
Для тебя мой влюбленный стих,
Я твое повторяю имя.

И пускай ты не хочешь смотреть,
Я за это люблю тебя пуше;
И душа громогласно как медь
Обещает мне радость в грядущем.

Но когда я не вижу тебя
(Хоть со мною твоя улыбка)
Она бьется и плачет скорбя,
Как безумная хилая скрипка.

Судьбы России

Русские новомученики и исповедники

ЕПИСКОП СЕРГИЙ (Никольский)

(По воспоминаниям К. С.)

Мне было 12 лет, когда епископ Сергей (Никольский) появился в нашем городе Ефремове. Он был близок моим родителям и много раз бывал в нашем доме. От родителей я узнала о некоторых моментах из его биографии, но в основном мои воспоминания связаны с личными впечатлениями по церковной жизни нашего городка.

Еп. Сергей (Никольский) родом из Серпухова. Отец его, протоиерей Александр, служил в этом городе. Его дядя — митрополит Исидор (Никольский), с именем которого связано строительство собора Св. Троицы на Измайловском проспекте в Петербурге.

В миру еп. Сергия звали Михаилом. Это был красивый, высокий и стройный молодой человек, к тому же обладавший прекрасным тенором. У него была невеста, он должен был вступить в брак. Все приготовления к свадьбе были закончены. Будучи в офицерском звании, ему пришлось участвовать в сражениях. Однажды жизнь его едва не оборвалась. Но Бог услышал молитву его и спас тогда от смерти. Молодой человек дает обет принять монашество и всю свою жизнь посвятить Богу. И он принимает монашество.

Еп. Сергей (Никольский) хиротонисан во епископа Ефремовского святейшим патриархом Тихоном 23 марта 1925 г., за два дня до его смерти.

К. С. думает, что в момент появления еп. Сергия в Ефремове ему было 36 лет, следовательно, родился он приблизительно в 1889 году.

Патриарх Тихон любил еп. Сергия и, посылая его на трудную кафедру в уездный городок Ефремов, говорил: "Я надеюсь на тебя!"

В то время в Ефремове было 7 храмов (все они позже разрушены). Еп. Сергий в субботу и воскресенье служил в кафедральном соборе, а остальные дни недели читал акафисты попеременно в других храмах города.

Он был прекрасным, красноречивым проповедником. Говорил подолгу, горячо, увлеченно. Проповедь могла длиться полтора часа, и это было обычным явлением. Своими проповедями он стремился воспитать в народе любовь к Богу. Он любил свою паству, и паства его любила. С собой являл он образ апостола и таким остался в памяти у людей.

Некоторые проповеди говорились им специально для детей. Бывало, скажет: "Дети, прошу вас подойти вперед". И когда подходили они к нему ближе, он учил их слову Божию. Эти проповеди остались в памяти навсегда.

После всенощной владыка всех благословлял в отдельности и не уходил из храма до тех пор, пока не благословит последнего.

Помнится, среди прихожан был один юродивый — Егорушка Задонский (он приходил в Ефремов из Задонска). Голубоглазый, в холстинной рубахе, он всегда, и летом и зимой, ходил босым. Однажды после всенощной все прихожане подошли к владыке под благословение и только Егорушка все прикладывался к иконам. Епископ наблюдал за ним и не уходил. С любопытством наблюдали и другие, в особенности дети, — а что же будет?

Наконец, подходит юродивый к епископу. "Егорушка, ты меня испытывал?" — спросил владыка, благословляя его. Лицо епископа, как всегда, было ласковое и радостное. Егорушка кивнул головой, признаваясь, что действительно испытывал терпение владыки.

Рассказывали, что этого Егорушку по его же просьбе родные братья будто бы распинали на воротах, прибивали к ним гвоздями. Возможно, это было не так, но на руках и ногах его действительно были раны от гвоздей.

Вспоминается и другой случай, тоже связанный с этим Егорушкой. Однажды по просьбе владыки игумена Тульского монастыря мать Митрофания привезла в Ефремов крест с частицами честных

древ Животворящего Креста Господня. Крест был деревянный, не очень большой, высотой, возможно, около 30 сантиметров. На ночь его забирали в дома благочестивых семейств, побывал он и в семье К. С. Собрались там благочестивые люди, пришел и Егорушка. Все легли спать, а Егорушка всю ночь недвижимо простоял в молитве. Помнится, пол в доме был очень красивым, покрыт лаком. Когда утром все проснулись, Егорушка собрался уходить. Когда он сошел с места, все увидели на полу два белых следа от ступней — лак в этом месте полностью сошел. За всю ночь Егорушка не шелохнулся, не переступил с ноги на ногу, так что и пол под ним выцвел. Позже, вспоминает К. С., отец принес домой лак и заделал эти два пятна от ступней.

Дом, который занимали родители К. С., был добротным и просторным, но тот же Егорушка предсказал: "Будете жить в сарайчике на два окошечка". Вскоре это предсказание сбылось, семью выселили и она на некоторое время приютилась в сарае.

На всю жизнь запомнились службы с участием еп. Сергия. На Рождество Христово мальчики чудно пели по нотам тропарь и кондак. Владыка перед праздником сам проводил с ними репетиции.

В доме владыки елка зажигалась еще в сочельник, после всенощной, об этом рассказывала его няня Анна Антоновна Типцова.

Удивительной была служба Пасхальной заутрени. После крестного хода владыка стучит крестом в дверь и возглашает: "Христос Воскресе!" И в ответ троекратно доносится из храма пение жен мироносиц: "Воистину Воскресе!"

Как звучал в эти дни хор! Управлял им регент из Москвы Виссонов. А каким украшением службы был великолепный голос протодиакона Михаила!

Однажды в праздник жен мироносиц после обедни владыка вместе с 12-ю священниками и протодиаконом Михаилом был в доме родителей К. С. на обеде. После обеда, когда владыка собрался уходить, присутствовавшая в доме монахиня Мария хотела подать ему рясу, а К. С. по договоренности должна была подать посох. Священники было воспротивились, пожелали сами одеть владыку, но он остановил их словами: "Сегодня праздник жен мироносиц, пусть они послужат".

Наступил час, когда владыку стали часто вызывать в органы, беседовали с ним, отмечали его природные дарования, предлагали перейти на работу... в театр. Но местным властям не удалось оказать на него воздействия. И тогда вызвали его в Москву, чтобы заключить в Бутырки. Но через некоторое время выпустили его из тюрьмы, и он вернулся в Ефремов. Епископ Сергей рассказывал об этом так: "Раздался лязг ржавого замка, все насторожились. И голос тюремщика: "Никольский! Вы свободны, направляйтесь в Ефремов". И вот я снова с вами!"

Возвращение владыки вызвало у народа столько неопишуемой радости! Народ, особенно дети, плакал от радости!

Вскоре после возвращения собрал владыка детей. Угощал из самовара чаем, сам по чашкам разливал чай. И всем подарил по книжке, которая называлась "Маленький христианин".

Кто-то из ефремовской паствы написал незамысловатое, но искреннее стихотворение с посвящением епископу Сергию. Оно сохранилось в памяти в такой редакции:

О, премудрый наш Владыка!
Тебя Господь Сам к нам послал.

О, какой подвиг превеликий
Из любви ты к людям взял!

Ежедневные служенья
Совершаешь по церквам,
Твое мудрое ученье
Раздается звучно нам.

Как среди полей источник,
Охлаждающий сердца,
Так струится медоточник
Любвеобильного отца.

И мы готовы слушать с жаром
Твои пресладкие слова!
Не пропали чтобы даром,
Но чтобы плод дала земля.

Как милосерд Ты к нам, о Боже,
Что не оставил град наш пуст!
Не должны молчать мы тоже —
Ты, как древний Златоуст!

Он светильник был великий,
Во всей жизни был гоним,
И был сослан в город дикий
За то, что правду говорил.

Но он изгнания не страшился,
За скорби Бога благодарил,
Венца славы не лишился,
Явился чистым перед Ним.

Это стихотворение принесли К. С. Девочка решила написать музыку к нему. И однажды, когда владыка был в их доме, села за фортепьяно и под собственный аккомпанемент спела ему этот хвалебный гимн.

Владыка тепло благодарил за стихи, музыку к ним и за пение К. С.

Вскоре владыка и сам написал стихотворение, а при встрече с К. С. любезно попросил ее написать к нему музыку. Стихотворение это было посвящено покойному патриарху Тихону, которого он горячо любил. Это стихотворение тоже сохранилось в памяти К. С. — вот оно:

И нет того, кто целых восемь лет
Стоял на страже Церкви православной,
Кто охранял ее в годину тяжких бед
От смуты внутренней в борьбе неравной.
Жил патриарх, и мы спокойны были,
Что святость веры строго сохраним.
Мы верили ему, его высоко чтили —
Благословение собора было с ним.
Но час пробил, и мы осиротели,
Святейший от трудов своих почил.
Уста сомкнуты, очи потускнели,
И голос смолк, что правде нас учил.
Рука, благословлявшая с любовью
Несчетно раз нас знаменьем Креста,
Лежит теперь, не греемая кровью,
И скорбных чад к ней льнут горячие уста.

Окончен славный путь Христовой жизни,
Высоких подвигов, святительских трудов, —
И новый сын превыспренней отчизны
Вступил в ряды увенчанных борцов!

Епископ Сергей вернулся из Бутырок в Ефремов, но местные власти не хотели больше терпеть присутствие в городе этого пламенного проповедника, чудного духовного пастыря. И вскоре епископ был сослан в Задонск.

Но народ не оставлял своего владыку, многие ездили в Задонск, чтобы увидеться с ним, получить от него святительское благословение и вместе с ним помолиться в храме. К. С. тоже вместе с родителями ездила в Задонск, где присутствовала на службе в Скорбященском женском монастыре.

В то время собор в Задонске захватили живоцерковцы. К. С. вспоминает, как владыка, проходя мимо, стал на мостовой на колени и поклонился святому храму. Но в храм не зашел.

Рад был владыка повидаться со своими ефремовскими друзьями. Опять, как в Ефремове, пригласил детей на чаепитие. В белом подряснике сам наливал чай. Уже должна была начаться служба с участием владыки, а детям надо было уже уезжать домой. Чтобы попрощаться с ними, владыка попросил задержать звон на несколько минут. К. С. уходила и, оглядываясь, видела, как владыка благословлял ее, пока она не скрылась у него из виду. И только после этого раздался колокольный звон, зовущий к службе.

Недолго пробыл еп. Сергей в Задонске, вскоре снова вызвали его в Москву. Епископ просит разрешение заехать в Ефремов, чтобы проститься со своей паствой. В храме не разрешили ему даже отслужить молебен, можно было только попрощаться с народом. Но епископу удалось побывать в одном из домов в узком кругу верующих. После чая владыка преподал всем свое последнее благословение. Для каждого нашлось у него доброе, ласковое, увещательное слово. Нашлось оно и для К. С.: "Молись, терпи и крепись!" Эти слова врезались в память на всю жизнь.

На второй или третий день после прибытия в Ефремов он уезжал в Москву. На перроне собрались тысячи людей, чтобы попрощаться со своим владыкой. А он стоял у окна в вагоне и тоже прощался с народом. Чтобы собравшиеся не могли видеть владыку, в вагоне

внезапно был погашен свет. Вскоре поезд тронулся, народ ринулся вперед, вослед ему, но что теперь можно было сделать? Непоправимое совершается быстро. Больше не суждено было людям встретиться с тем, кто отдавал им весь жар своего пастырского сердца.

В Москве еп. Сергей получает назначение в Бузулук.

К. С. в это время, уже пятнадцатилетней девочкой, уезжает в Воронеж, чтобы продолжать свое образование. Узнав об этом, владыка из Бузулука посылает ей в Воронеж свою фотографию — стоит он возле домика, где жил, а из окна выглядывает все та же его няня — Типцова Анна Антоновна. На обороте владыка начертал своей рукой: "Вот куда ты, моя ласточка, прилетела!"

А через несколько дней пришла открытка от Анны Антоновны. Она спрашивает: "Узнала ли ты меня в окне домика?"

Потом связь прервалась. Чувствовалось, что с епископом Сергием что-то случилось.

Много позже люди рассказывали, что в 1927 году после выхода декларации митрополита Сергия епископ Сергей в храме сам снял с себя епископское облачение и отказался следовать, как он считал, антиканоничным указаниям митрополита Сергия.

Был арестован.

Много позже прошел слух об обстоятельствах его кончины. Моя подруга детства, вспоминает К. С., однажды конфиденциально рассказала следующую историю.

В 30-х годах она давала частные уроки музыки для детей. Одного ребенка всегда водил дедушка. Как оказалось, бывший работник органов. В минуту откровенного разговора он сказал учительнице: "Вы знали епископа Сергия Никольского и вам, наверное, интересно услышать о подробностях его смерти?"

По словам этого человека, епископа Сергия ввели в какое-то подземелье, где по порогам несла свои воды бурная река. Епископу велели идти вперед, вглубь подземелья, во тьму. Там, где-то на порогах, он, вероятно, оборвался и был унесен потоком.

По сведениям, изложенным в книге Л. Регельсона, еп. Сергей (Никольский) окончил Духовную академию со званием кандидата богословия. Хиротонисан в воскресенье 23 марта 1925 г. во епископа Ефремовского, викария Тульской епархии. С 1927 г. — еп. Бузулукский, викарий Самарской епархии. Был арестован за оппозицию митрополиту Сергию. Скончался 16 мая 1930 г. в Оренбурге.

АРХИЕПИСКОП АВЕРКИЙ (Кедров)

1. По воспоминаниям М.

Архиепископ Аверкий (Кедров) родился в 1879 году в г. Яранске Вятской губернии в семье священника Петра Кедрова. Мать звали Елизаветой. У него было два брата и сестра Вера Петровна. Один из братьев впоследствии становится епископом Пахомием Черниговским, другой — епископом Михаилом Брестским (или Варшавским?).

Образование Поликарп Кедров получил в Петербургской Духовной академии.

Фотография, относящаяся к тому периоду жизни будущего епископа, отобразила молодого человека с приятным, даже красивым лицом, с вьющимися белокурыми волосами.

Все в жизни Поликарпа Кедрова складывается к тому, чтобы принять монашество. И он становится монахом. А через некоторое время — архимандритом Аверкием. (День ангела был у него осенью, на Казанскую, в честь св. Аверкия Иеропольского).

Пройдет еще некоторое время, и архимандрит Аверкий будет хиротонисан во епископа Острожского. Это произойдет 28 июля 1915 года на праздник свв. первоверховных апостолов Петра и Павла.

Сохранилась речь, произнесенная им на хиротонии.

Через некоторое время еп. Аверкий становится ректором Житомирской Духовной семинарии.

Известно, что еп. Аверкий совершил паломничество в Иерусалим, чтобы поклониться святым местам. Вероятно, оно состоялось еще до посвящения в епископский сан.

Около 1925 года еп. Аверкий становится архиепископом.

Служил он в житомирском кафедральном Преображенском соборе и в Богоявленском монастыре (собственно монастыря к тому времени уже не было, оставался открытым только храм).

Архиепископ Аверкий неоднократно арестовывался и не один раз был в ссылке.

В первый раз его арестовали в 1922 году.

В 1925—26 гг. находился в ссылке в г. Ходжейли (Узбекистан).

В 1930—31 гг. сослан в Архангельск.

В 1932–33 гг. — Тотьма Вологодской области.

В 1935–38 гг. — Бирск, Башкирия.

М. ездила в 1936 г. в г. Бирск и видела архиепископа Аверкия, он жил в маленьком домике, снимал комнату у хозяйки. М. рассказывала, что он убирал двор, чистил траву. Неподалеку от Бирска был ручей, называвшийся "Три брата", — в этом месте архиепископ сфотографировался и благословил фотографией навестившую его М.

Неизвестно, что случилось с архиепископом Аверкием после 1938 года. По словам М., уже после войны она получила письмо от сестры архиепископа, Веры Петровны, проживавшей в Яранске. Она писала, что архиепископ Аверкий умер в ссылке в 1945 году от сыпного тифа.

Перед нами еще несколько фотографий архиепископа Аверкия. На одной из них дарственная надпись: "Глубокоуважаемой (имя, отчество, фамилия) с молитвенным пожеланием. Пусть легким сделает Господь Ваш жизненный путь и наполнит Вашу душу радостью и спокойствием. Храни Вас Господь! С сердечным уважением к Вам Епископ Аверкий. 1924 г. Житомир".

С другой фотографии на нас смотрит архиепископ Аверкий спустя 10 лет. На обороте надпись от 17/30 июня 1934 года (суббота): "Дорогим и глубокоуважаемым сестрицам, от сокровищ своего щедро одаренного Господом духа дарующим и мне недостойному много утешения и радости своей доброй памятью, теплой заботой, неизменным вниманием в счастливые и ненастные дни моей жизни, — на добрую молитвенную память". Чуть ниже на той же фотографии помещены слова Христовы: "И влас главы вашей не погибнет. В терпении вашем стяжите души ваша".

А вот небольшое Евангелие (размером около 120 X 80 мм), подаренное сестре М. с надписью: "Господь да хранит Вас от всякого зла. Не падайте духом и не унывайте: малодушие не заповедано христианам. Господь любит Вас и близок к Вам, особенно в дни печали. Его благость да будет Вам покровом и защитой!

Недостойный Епископ Аверкий.

1920 г. 20 сент. — 3 окт. Житомир".

По воспоминаниям М., архиепископ очень любил цветы и детей. Бывало, жезл, дикирий и трикирий во время богослужения были украшены розами.

Любимый цвет у архиепископа Аверкия был голубой. Облечение у него тоже было голубым.

Возле его домика в Житомире был небольшой садик, в нем росли вишни, цвели цветы. Дети из церковных семей (их звали "юное братство") приходили поливать эти цветы. Усердные труды их вознаграждались — архиепископ через окно раздавал им конфеты.

Он любил рассказывать им о звездах, о созвездиях, от него они узнавали, что такое Орион, Большая Медведица и т. д.

Возвращаясь из ссылок, архиепископ рассказывал детям о природе далеких краев, о нравах и обычаях населения. Конечно, рассказывал и о своем путешествии по Святой земле.

У него был "волшебный фонарь", через который он любил показывать детям библейские картинки, объясняя их содержание.

Архиепископ много ходил пешком. Бывало, уходил на молитву за 20 километров в Тригорье, где на берегу реки Тетерев стоял мужской монастырь. Любил купаться в этой реке. Летом ежедневно, рано утром, уходил на пустынный берег, чтобы освежиться в речной прохладе.

2. По воспоминаниям К.

К. рассказывает: "Захожу в Житомире в церковь, вижу: какой-то монашек подметает в храме. Оказалось, это еп. Аверкий в подряснике, в скуфейке трудится".

К. отмечает, что в 1925 г. Аверкий был еще епископом и служил в житомирских храмах.

3. По воспоминаниям Н.

Ректором Житомирской Духовной семинарии Аверкий (Кедров) был назначен еще будучи архимандритом.

С 1921 по 1929 г. служил епископом Вольнским и Житомирским. В 1929 г. был отправлен в ссылку.

Архиепископ Аверкий был среднего роста. Вспоминаются черты его внешности: довольно крупная голова, высокий лоб, вьющиеся белокурые волосы, рыжеватая борода.

В эти годы (1921–1929) епископ служил в Житомирском Бого-явленском монастыре, в деревянном храме. В ту пору в монастыре оставалось несколько монахов, монастырь по сути находился на положении приходского храма.

В будничные службы епископ любил стоять на клиросе, принимал участие в чтении и пении. Службу совершал истово, торжественно.

Еще будучи ректором семинарии, в дни первой недели Великого поста всегда сам читал канон Андрея Критского. Великолепно пели будущие пастыри, особенно трогательно звучала у них 9-я песнь канона: "Бессеменного зачатия Рождество несказанное".

Епископ любил украшать храм живыми цветами. На Страстной неделе — где самая убранный плащаница? В семинарии. Она утопала в цветах. В украшении ее принимал непосредственное участие ректор семинарии. Помимо цветов, он любил ставить по краям плащаницы березки, а в центре размещал хвою.

Епископ Аверкий любил служить всенощные службы ночью. Так, например, в праздники 3-х святителей, св. великомученицы Варвары, св. Саввы Освященного служба начиналась в 12 часов ночи, "Слава в вышних Богу" пелось на рассвете, потом начиналась литургия, которая, в свою очередь, завершалась в 6-7 часов утра.

Любил епископ службу с канонархом — эту обязанность обычно выполнял подросток — тенор.

Еп. Аверкий много делал для украшения и благолепия храма: восстановил роспись, установил для почитания частицу мощей св. Иова Почаевского (в раке). С правой стороны в нише храма была Голгофа. На время Пасхалии крест в ней заменялся Воскресшим Спасителем с белым знаменем, с изображением красного креста на нем.

Особым украшением храма был детский хор мальчиков в возрасте до 10 лет, не более. В канун именин владыки организовывался крестный ход детей, которые несли маленькие хоругви, крестики и иконки, украшенные живыми цветами. Сам владыка шел во главе крестного хода, дети провожали его до входа в храм и пели церковные песнопения.

Обычно по окончании всенощного бдения, сразу после службы 1-го часа, владыка, облаченный в мантию, выходил из алтаря, становился в левой части храма, возле образа Божией Матери Скоропослушницы, и читал молитвы на сон грядущий. На вечерние молитвы оставалось немного людей, но владыка тем не менее строго придерживался установленного им правила. Только по прочтении вечерних молитв владыка позволял себе идти домой.

Жил он во дворе монастыря в отдельном доме, рядом с садом и кладбищем.

Когда закрыли семинарию, владыка весьма скорбел об этом. Его усилиями организовуются пастырские курсы, где могли бы проходить учебную подготовку будущие священнослужители.

В 1925 г. еп. Аверкий участвует в похоронах патриарха Тихона. По возвращении в Житомир рассказывал пастве о своих впечатлениях от этого тяжелого для русской православной Церкви события.

Еп. Аверкий находился в братских отношениях с митрополитом Алексием (Симанским). Совместными усилиями боролись они в те годы против так называемой "Живой церкви", получившей тогда довольно широкое распространение.

В 1928—1929 гг. архиепископа Аверкия довольно часто вызывали на допросы, в связи с чем служение литургии задерживалось порой на час и более. Во время допросов владыка напоминал работникам органов, что по церковному уставу литургия должна начинаться не позже 12 часов дня и что его ждет собравшийся в соборе народ. Наконец, в 12-ом часу архиепископа выпускали, и он должен был спешить, чтобы успеть начать службу в положенный срок.

В эти же годы решался вопрос о становлении Церкви на Украине, о возможности выделения ее из русской православной Церкви в отдельную. Архиепископ Аверкий предостерегал от возможного церковного разделения. Вспоминается, как однажды он, опираясь на посох, произнес по этому поводу: "Осторожно надо!.."

Он любил повторять это слово "осторожно", когда решались трудные церковные вопросы. Это не нравилось тем, кто рубил сплеча, не задумываясь о возможных последствиях того или иного шага. Осторожная предусмотрительность епископа Аверкия вызвала раздражение у легкомысленных людей, и они не стеснялись говорить о нем, что он "трость, колеблемая ветром".

Архиепископ Аверкий неоднократно возглавлял архиерейские хиротонии. Он хиротонисал Леонтия (Матусевича), епископа Коростенского, Максима (Руберовского), епископа Полонского.

В 1929 году архиепископ Аверкий был отправлен в ссылку. Известно, что в ссылке неоднократно навещала его монахиня Лушкова (в монастыре стояла за свечным ящиком).

По некоторым сведениям, архиепископ Аверкий скончался будто бы в г. Бийске Новосибирской области в 1949 г.

Известно, что перу архиепископа Аверкия принадлежала брошюра "Повествование о путешествии во Святую Землю". По-видимому, она была написана им еще в бытность архимандритом.

Примечание:

В книге Л. Регельсона содержатся следующие сведения об архиепископе Аверкии: арестован в 1922 г. и на служение более не выходил. 30.03./12.04—1925 г. в числе 60-ти епископов подписал акт о восприятии митрополитом Петром (Полянским) власти Местоблюстителя. Епископ Аверкий умер в Архангельске после 1937 г.

ЕПИСКОП ЛЕОНТИЙ (Матусевич)

1. По воспоминаниям К.

Епископ Леонтий (Матусевич) Коростенский, как и архиепископ Аверкий (Кедров), пребывал в 20-х годах в г. Житомире и служил в кафедральном Преображенском соборе и в Богоявленском монастыре, где была его резиденция.

По убеждению К., еп. Леонтий до конца дней своих находился в лоне православной Церкви, в обновленчество не отпадал. Она рассказывала, что он и в 1925 году служил в житомирском соборе, куда, как правило, обновленцы не допускались. Поэтому следует считать ложными и ошибочными мнения людей, относивших епископа к живоцерковцам.

В 1925 г. К. поехала из Киева в Житомир в братство, организованное о. Аркадием (Остальским). С нею было передано письмо для еп. Леонтия. Приехав в Житомир, встретила с Софьей Павловной Остальской — матерью о. Аркадия. В разговоре с ней между прочим упомянула о письме, которое ей поручили передать еп. Леонтию. С.П. Остальская по этому поводу заметила, что еп. Леонтий весьма строг, ведет аскетический образ жизни, кроме монастырского борща и гороха ничего не ест, склонен к уединению и поэтому вряд ли примет К. с письмом.

К. пошла в Богоявленский монастырь, обратилась к какому-то батюшке и попросила его передать письмо епископу Леонтию. Священник передал в алтаре письмо епископу, который неожиданно пожелал увидеть подательницу письма — через того же священника передал ей, чтобы после службы она зашла к нему.

К. вспоминала:

Я зашла в келью владыки. Это была длинная и узенькая комната. Стоял топчан. В переднем углу иконостас, аналой. И — ничего больше.

Я перекрестилась, попросила благословения. Владыка стоял спиной ко мне. Не оборачиваясь, протянул мне руку и благословил.

— Ты откуда? Чего сюда приехала?

— Приехала я в братство, к о. Аркадию.

— Откуда его знаешь?

— О. Аркадий приезжал в Киев, бывал в Лавре... А теперь Лавру закрыли.

— Мы живем не так, как жили раньше монахи. Забрались на этажи. Наши дела закрыли Лавру... Сколько тебе лет? Сорок?

— Нет.

— А сколько?

— Двадцать два.

Тут владыка в первый раз повернулся, окинул взглядом с ног до головы. Спросил о здоровье, рассказал о своих болезнях. Я сказала, что у меня плевроит.

— Может быть, закрыть форточку? У меня тоже плевроит... Как ты живешь, как проводишь время? Что делаешь в праздничные дни?

Я рассказала, что нас оставил отец, что в 13 лет уже пришлось идти работать, что и по дому на мне лежат большие обязанности.

— Как собираешься ехать обратно в Киев?

— На попутных машинах.

— Нельзя, это опасно.

— Бог сохранит.

— А чем ты заслужила, чтобы тебя Бог сохранил? Это самонадеянность... Что читала? Еп. Феофана читала? Вот тебе его книга "Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться". Прочитаешь — дам другую. Чтобы перед отъездом зашла. Я назначу молитвенное правило. Пиши о духовном, буду отвечать.

На прощание благословил четками. Они были сделаны из белого прозрачного камня, а каждая 10-я бусинка — сиреневая. По-видимому, эти четки были сделаны из дорогого ожерелья. К сожалению, они не сохранились.

Я видела еп. Леонтия во время богослужения, во время чтения акафиста в соборе. Он стоял возле мощей св. Анастасии Римляныни (в соборе находилась глава этой святой). Читая акафист, наклонял свою голову к мощам и в это время несколько мгновений молчал.

Вспоминается его внешний вид. Он был высок, из-под рясы виднелись подрясники, — один, другой... Все одеяние было ветхое.

Келейника не имел.

Еп. Леонтий был сослан в Архангельскую область. Жил в каком-то поселке, где, кроме него, обитали еще две семьи рыбаков. Там больного епископа досматривала пономарка из житомирской церкви Зоя. По ее словам, еп. Леонтий умер в 1942 году на праздник св. княгини Ольги.

2. По воспоминаниям Н.

Еп. Леонтий (Матусевич) был викарием у архиепископа Аверкия (Кедрова). Был он монахом строгого поведения, отшельник и аскет. Постоянно стремился к уединению.

Ростом был высокий. Болел горловой чахоткой.

Будучи сосланным в Архангельскую область, стоя в воде, грузил на суда лес.

В обновленцах никогда не был. По этому поводу сохранилось воспоминание, убедительно подтверждающее негативное отношение епископа Леонтия к обновленцам.

У церковного старосты Яцковского сын Клементий учился в семинарии. Желал стать архиереем и, бывало, любил примерять на себя митру. Надо сказать, что симпатии этого молодого человека были на стороне живогерковцев. По окончании семинарии он становится обновленческим епископом Иосифом. Так своеобразно и недостойно сбылось желание молодого честолюбца.

Однажды на 1-ый Спас еп. Леонтий должен был совершить службу в кафедральном Преображенском соборе. Он уже собрался идти в храм, когда вдруг ему сообщают, что из Киева

в Житомир приехал епископ Иосиф и собирается служить праздничную службу.

Еп. Леонтий перекрестился и остался дома. Службу не запретил, но и не участвовал в ней.

По нраву был прост. Живя в монастыре, ходил пешком, чтобы совершить службу в кафедральном Преображенском соборе. Приходилось идти ему около 3-х километров. Не желая встречаться с множеством народа, шел он в собор окольными улицами. Если погода не благоприятствовала, двигался потихоньку, чтобы не запачкаться в дорожной грязи. Но случалось, попадая ногой в рытвину, забрызгивал одежду, обувь и тогда наклонялся, чтобы тут же водой из лужи смыть грязь.

Рассказывали, что у еп. Леонтия всегда не хватало нижней одежды. Когда он мылся, то, как правило, ему подавали новое белье. Это было связано с тем, что он все свое раздавал нищим.

Примечание:

По сведениям, содержащимся в книге Л. Регельсона, еп. Леонтий (Матусевич) хиротонисан в 1922 году во епископа Коростенского, викария Волынского, а в 1923 году будто бы отпал в обновленчество, что, судя по приведенным воспоминаниям, не соответствует действительности.

ЕПИСКОП НИКОЛАЙ (Парфенов)

По воспоминаниям К.

Еп. Николай (Парфенов), в миру Владимир, выходец из дворянской семьи.

Был он горбачем, горб был спереди и сзади. Уже будучи епископом, смиренно просил называть его "маленьким батюшкой". Рассказывали, что мать его не хотела "портить фигуру" и взяла для сына мамку. Та посадила его однажды на подоконник, а сама отошла. Мальчик упал и сломал себе позвоночник. О случившемся мамка никому не сказала, а когда у него появился горб, было уже поздно что-нибудь сделать.

Владимир Парфенов закончил Казанский университет и Духовную академию.

У него была сестра, сын ее, будучи офицером во время гражданской войны, погиб в плену под Житомиром.

Николай (Парфенов) тайно хиротонисан в 1923 году во епископа Аткарского, викария Саратовского и жил в монастырском скиту в Саратове. Стремясь к духовным подвигам, ушел в затвор, в котором пробыл два года. В затворе епископ не только молился, но и трудился — вязал чулки. Известно, что одну пару чулок он передал местному протоиерею Константину, еще одну — послушнице К.

По выходе из затвора продолжал некоторое время жить в Саратове. Келейником у него был иеромонах Питирим. Этот о. Питирим в миру был Яковом Ивановичем Ивановым. В молодости собирался жениться, но невеста умерла накануне свадьбы. Это так потрясло молодого человека, что он остался холостяком.

Якову Ивановичу давно хотелось взглянуть на еп. Николая, о котором он много слышал хорошего. Однажды он взял извозчика и поехал посмотреть на еп. Николая. Яков Иванович сел под зонтиком и стал наблюдать за епископом Николаем, который вышел на крыльцо своего домика.

— Яков Иванович, я тебя давно жду, — неожиданно сказал еп. Николай, повернувшись в сторону Иванова.

Этот случай стал новым потрясением для Якова Ивановича — ведь ранее он даже не видел епископа и тот о нем ничего не мог знать.

После недолгих раздумий Я.И. Иванов принимает монашество с именем Питирима, затем становится иеромонахом, келейником еп. Николая.

Через некоторое время еп. Николая высылают в Киев. Вместе с келейником поселяется он в частном доме Попова на углу Резницкой и Кловского спуска. В этом доме одну маленькую комнатку занимала монахиня Мариамна (в миру княжна Александра Львовна Шаховская), три остальные комнаты сняли еп. Николай с иеромонахом Питиримом.

Однажды в этот дом явились представители власти, чтобы арестовать мать Мариамну, но не застали ее дома. Велели хозяину

Попову немедленно заявить в органы, как только она появится. Но Попов немедленно предупредил ее об опасности, как только та пришла к нему. Монахиня успела скрыться, а Попов пострадал: за то, что предупредил ее, арестован и отправлен в ссылку.

В этом доме еп. Николай прожил 6 лет.

За эти годы жизни в Киеве саратовские почитатели не забывали его, некоторые из них приезжали в Киев. Приезжал к нему и упоминавшийся уже протоиерей Константин. При встрече с еп. Николаем он на коленях просил архиерейского благословения. Некоторым киевлянам рассказывал он о святой жизни еп. Николая в Саратове, о его духовных подвигах.

Но прошло 6 лет, и еп. Николая "направляют" в Москву. Вместе со своим верным келейником о. Питиримом он уезжает из Киева. Перед отъездом он сказал другому своему келейнику (с которым ходил в церковь), Борису Ветвицкому: "Уезжай немедленно, мы идем на Голгофу".

В Москве еп. Николая арестовывают, он попадает в Бутырскую тюрьму. Его верного келейника, иеромонаха Питирима, ссылают в Сибирь на 5 лет.

Еп. Николай не смог вынести тюремного режима и умер в заключении.

**К 60-летию со дня основания Богословского
Св. Сергиевского Института в Париже**

В 1985 году было отмечено торжественным собранием 60-летие со дня основания Богословского Св. Сергиевского Института в Париже. За эти 60 лет Богословский Институт дал Православной Церкви ряд епископов, многочисленных пастырей и церковных деятелей. Но наибольшая заслуга Института в том, что в тяжелые дни, когда в Советской России все духовные школы были закрыты, он был центром творческой русской богословской мысли. Ниже мы печатаем главу из книги, которую проф. А. Карташев подготовил к 25-летию юбилея Института, но которой так и не суждено было увидеть свет. Автор главы, прот. Василий Зеньковский, был профессором Института с самого его основания, а после смерти о. Сергия Булгакова и его деканом.

Прот. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

**ДУХОВНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА БОГОСЛОВСКОГО
ИНСТИТУТА**

Первою целью, ради которой был создан Богословский Институт, была и поныне остается подготовка священников. Для достижения этой цели недостаточно одного богословского образования, но необходимо и церковное воспитание. Последнее представляется тем более неотложным, что, в отличие от старых русских Духовных Академий, наш Богословский Институт дает образование людям, вышедшим в большинстве не из духовной среды и не прошедшим низшей и средней духовной школы.

Средствами духовного воспитания являются в Богословском институте участие в общественном богослужении и общежитие.

Посещение богослужений в храме Сергиевского Подворья было вменено в обязанность студентам Богословского Института с самого его основания. Это касалось богослужений праздничных и в будние дни раннего утреннего богослужения: литургии по вторникам и четвергам и утрени в остальные дни. Студенты

участвуют в богослужении пением, чтением и прислуживанием и тем самым практически знакомятся с церковным уставом. Лекции в Институте прерываются не только на Страстную и Пасхальную неделю и на Рождественские святки, но и на первую неделю Великого поста, когда студенты фактически целые дни проводят в церкви и проходят общее говение. Последнее не является формально обязательным, но случаи уклонения от него неизвестны. В этой связи представляется уместным отметить, что практика частого причащения, являющаяся характерной особенностью религиозной жизни в больших центрах русского рассеяния, наблюдается и в жизни студентов Богословского Института без какого-либо нарочитого и систематического воздействия со стороны их воспитателей.

Главным выражением общежития является в Богословском Институте, как и в монастырях, общая трапеза. Она была введена с самого основания Института. Вкушение пищи, опять-таки по обычаю, освященному в монастырях, совершается в молчании и сопровождается чтением. В трапезной Богословского Института первоначально читались Жития Святых, в настоящее время творения Святых Отцов (в частности беседы Св. Иоанна Златоуста, по возможности на те книги Св. Писания, которые в данное время года читаются за богослужением). Студенческую трапезу возглавляет и благословляет лицо, облеченное священным саном, обыкновенно инспектор (в настоящее время — ректор) Института. В студенческой трапезной соблюдаются установленные Церковью посты. Опыт Института (совпадающий с опытом всех других христианских общежитий) наглядно показал его ответственным руководителям великое воспитательное значение общей трапезы. Как монастыри общежительные (напр. на Афоне) по уровню дисциплины и религиозно-нравственной жизни неизменно стоят выше монастырей штатных ("идиоритмических") — так и в Богословском Институте вынужденное в годы войны прекращение общей трапезы мешало надлежащему воспитанию студентов, и ее возобновление с марта 1948 г. было большим достижением и тотчас же принесло благие плоды. Заслуживает внимания, что при этом восстановлении администрации Института пришлось преодолеть немалое сопротивление со стороны тех именно студенческих элементов, которые вообще с трудом подчиняются требованиям дисциплины.

Из присущего общежитию воспитательного значения вытекает и принципиальная обязательность для всех студентов Института жить в его стенах. Исключения из этого правила делались только в особых случаях, которые признавались администрацией безусловно уважительными (главным образом, для семейных студентов). Осенью 1948 г. опоздавший ремонт студенческих помещений заставил администрацию Института дать разрешение на временное выселение из общежития более значительному числу студентов, и это разрешение тотчас повлекло за собой неблагоприятные с воспитательной и даже с учебной точки зрения последствия. Вообще установленные для студентов Института дисциплинарные правила распространяются не только на разные стороны их жизни в более тесном смысле этого слова, но и на их учебные занятия. Обязательным для студентов является не только посещение богослужений, вынуждающее их в будние дни к раннему вставанию, не только возвращение по вечерам не позже установленного срока, но и присутствие на лекциях и исполнение учебных обязательств. Санкции (в виде денежных штрафов до полного лишения стипендии включительно) налагаются администрацией Института за провинность того и другого рода. Живя в Институте, студенты несут и общественные повинности по Институту, как то: по церкви, по трапезной, по уборке дортуаров и аудиторий. С самого же основания Института его администрацией были назначаемы из числа студентов особые старосты, на которых возлагалась ответственность за те или иные стороны общей жизни. На них лежит обязанность распределения дежурств (напр. по чтению в церкви или по обслуживанию студенческих трапезных, накрывание и уборка со столов) между другими студентами.

Со дня основания Института в 1925 г. до самой своей смерти в 1946 г. бессменным ректором Института, направлявшим все стороны его жизни, состоял митрополит Евлогий. Совершенно естественно, что он не имел фактической возможности входить во все мелочи его духовно-воспитательной работы, и таковая целиком лежала на ответственности инспектора Института. Первым инспектором Института, заложившим основание его внутреннего строя, был с апреля 1925 г. еп. Вениамин. С его отъездом в январе 1927 г. исполнение обязанности инспектора было возложено на прот. Сергия Булгакова. Осенью 1929 г. его сменил возвратившийся в Париж еп. Вениамин, который оставался инспектором Института

до начала 1931 г., когда последовал его разрыв с митрополитом Евлогием, и обязанности инспектора были снова возложены на о. Сергия Булгакова. Весной 1939 г. о. Сергия постигла тяжкая болезнь, и исполнение его обязанностей было поручено архимандриту Кассиану. Так как начало войны застало этого последнего в Греции, то митрополит Евлогий освободил его от инспекторских обязанностей и возложил их 13 сентября 1939 г. на проф. А. В. Карташева, на котором и лежала историческая заслуга спасения Института в критическую минуту, когда на очереди стояли закрытие и ликвидация Богословского Института, и ему дано было вдохнуть бодрость в наличных профессоров и студентов и наладить героическую работу инспектора среди всевозможных опасностей и лишений. А. В. Карташев оставался инспектором Института до февраля 1944 г., когда, по его прошению, митрополит Евлогий освободил его от этих обязанностей, которые и были вновь возложены на о. Сергия. Летом того же года, с болезнью и смертью о. Сергия, обязанности инспектора были сначала поручены профессорской коллегии, а затем архимандриту Киприану. 17 октября 1947 г. архим. Киприан был освобожден от этой обязанности по прошению. При наличности митрополита-ректора, инспектор с самого основания Института был его фактическим помощником и неизбежно нуждался в помощнике по педагогической части. В течение долгих лет 1926—1944 таким бессменным помощником инспектора, стяжавшим искреннюю любовь и коллегии, и студентов, был секретарь Института Е. М. Киселевский. После его смерти в январе того же 1944 г. исполнение обязанности помощника инспектора временно поручалось разным лицам. В 1944 г. оно было возложено на свящ. Стефана Еремина (впоследствии иеромонаха, а затем митрополита Николая). Осенью 1946 г. наблюдение за духовной и материальной жизнью студентов, с участием, на правах члена его, в правлении Института, было поручено возвратившемуся из Греции архимандриту Кассиану. Летом 1947 г. архим. Кассиан был хиротонисан во епископа и избран ректором Института, причем, за отставкой инспектора Института и за отсутствием помощника инспектора Института, в его руках оказались временно сосредоточены и обязанности, связанные с этими двумя должностями. Наряду с инспектором и его помощником, некоторые обязанности по наблюдению за порядком и поддержанию дисциплины ежегодно

возлагались администрацией Института на назначаемого ею из числа студентов общестуденческого старосту. Кроме того, в довоенные годы, когда этого требовало большое число студентов, особое наблюдение за каждым курсом поручалось, по выбору Правления, отдельным членам профессорской коллегии.

Богословский Институт не имел в своем штате должности духовника. Некоторые попытки в этом направлении делались, но не приводили к длительным результатам. Так, в 1926 г., с приездом с Афона иеромонаха, впоследствии игумена и архимандрита Алексея (Киреевского), среди студентов проявлялось некоторое стремление отдаться его духовному руководству. Впоследствии митр. Евлогий рекомендовал студентам духовно опытного прот. Сергия Четверикова, но положение общестуденческого духовника не закрепилось формально, или даже фактически, ни за тем ни за другим. Каждый студент имел своего духовного отца, большинство из состава институтского и подворского духовенства, но некоторые даже и в других юрисдикциях. Единственный случай вмешательства администрации Института в духовнические отношения студентов имел место весной 1931 г., когда, по разрыве еп. Вениамина с митр. Евлогием, последний воспретил студентам обращаться к еп. Вениамину как к духовнику.

Из сказанного вытекает, что дисциплинарная власть инспектора и зависящих от него органов, которой подчиняется жизнь студентов, имеет характер, по существу [неразб.] и формальный, и что в основании жизни студентов и их духовного воспитания полагается принцип духовной свободы. Руководители Богословского Института с самого его основания считали и ныне считают неправильным всякое стремление подвести каждого отдельного студента Института на какой-нибудь один определенный образец, по своему духовному содержанию. Общее направление того воспитания, которое дает Институт, не вызывает сомнения: Институт воспитывает своих студентов в духе православном и русском и старается поднимать их на уровень культурных запросов современности, но это общее направление допускает значительное богатство оттенков в соответствии с индивидуальными склонностями и способностями отдельных студентов.

Так например, с первого еще года существования Богословского Института, студенты его в довольно значительном числе были

постригаемы в монашество. Каждое пострижение было большим событием в жизни Института, пострижения совершал сам митр. Евлогий, поручавший их другим (архиеп. Владимиру, еп. Сергию) только в совершенно исключительных случаях полной физической невозможности. Последнее пострижение (студ. Эйкаловича — мон. Геннадия) в декабре 1948 г. совершал еп. Кассиан, но в присутствии митр. Владимира, который и со своей стороны приветствовал новопостриженного. И тем не менее Институт с неменьшею любовью поощряет служение своих питомцев и на других поприщах церковной жизни, и притом не только в священном сане, но и в мирянском состоянии. Достаточно упомянуть деятельное участие студентов Института в Р.С.Х.Д., присутствие их в качестве руководителей в летних лагерях и по окончании Института пополнение ими рядов секретарей и других активных работников Движения.

Разные формы церковного служения студентов Института неизбежно предполагают и различия идеологий, поскольку они допускаются богатством православной церковной жизни. Институт поощряет участие своих питомцев в экуменическом движении, но считает столь же законным церковный консерватизм, который делает это участие затруднительным для других. Не пытается Институт навязывать студентам и определенной политической идеологии. Среди студентов Института, и бывших, и нынешних, можно встретить монархистов и демократов, но Институт считает политические убеждения личным делом каждого и предлагает им только воздерживаться от активной политической работы в стенах Института. На этих условиях была принята в студенты летом 1947 г. и группа сербских "D. P.". При этом исключение из числа студентов Института лиц, занимавшихся политической деятельностью, хотя и имело несколько раз место, но не по этому признаку, а вследствие нарушения ими студенческой дисциплины и распространения, опять-таки, разных политических настроений. В этой связи должно быть упомянуто и дело Братства Св. Фотия, существующего и поныне в непосредственной (ставропигиально) юрисдикции патриарха Московского. Братство это возникло весной 1925 г. И его "начальник", и члены-учредители были студентами Богословского Института первого набора. Деятельность Братства, как вне Института, так и внутри его стен, поставила вопрос о нем перед

правлением Института, которое и пришло — летом 1926 г., к убеждению в несовместимости пребывания в Братстве с пребыванием в Институте по причинам учебно-дисциплинарного характера. В сентябре 1926 г. "начальник" Братства (Алексей Ставровский) был исключен из числа студентов Института. Решения Правления были безоговорочно утверждены митр. Евлогием. Есть, впрочем, одно политическое направление, которое не допускается пребыванием в Институте, и при этом в равной мере для студентов и для профессоров. Речь идет о советской ориентации. По этому признаку не был принят в число студентов весной 1947 г. афонский иеросхимонах Софроний Сахаров (в прошлом студент Богословского Института первого набора), и должен был оставить преподавание в Институте осенью того же 1947 г. иером. Николай Еремин, после того, как он занял пост настоятеля Трехсвятительского Подворья (в Париже, на rue Pétel) юрисдикции патриарха Московского... В этой связи представляется уместным вспомнить, что в годы испанской гражданской войны печатные выступления профессора Института Г.П. Федотова (ныне находящегося в Нью-Йорке) в пользу испанских революционеров повлекли за собою тяжелый внутренний конфликт в среде профессорской коллегии Института, улаживание которого стоило немалых усилий тогдашним руководителям Института. Дело в том, что во всех этих случаях речь идет уже не о нарушениях дисциплины в пользу той или иной принципиально дозволенной политической идеологии, но о ценностях религиозно-нравственных, сознание абсолютной несовместимости советской ориентации с мировоззрением христианским было причиной и той бескомпромиссной позиции, которую Богословский Институт в целом занял в юрисдикционном конфликте 1925/45 гг.

Можно подвести итоги. Выше было сказано, что богатство индивидуальных форм того духовного капитала, который выносят студенты Института из его стен, не исключает единства в существенном. Студенты Института воспитываются в духе православном и русском, и притом на уровне современной культуры. Так, считая законным церковный консерватизм, Институт сознательно и последовательно борется со всяким проявлением обскурантизма, относя к последнему и крайность обрядоверия, и узкое начетничество. Среди своих питомцев он старается развивать дух ответственности и самостоятельности. Когда на время летних каникул прерывалась (и в

1949 г. вновь прервалась) студенческая стипендия, студентам предоставлялось самим изыскивать средства своего существования. Хотя администрация Института и помогала им в этих поисках, однако, ответственность за изыскание лежала не на ней, а на самих студентах. Привлекались студенты и к деятельному участию в сборе средств на содержание Института. Сюда относились в годы 1933—38 поездки студенческого хора, пополненного вольнонаемными певчими, с руководителями-профессорами в Швейцарию, Великобританию, Бельгию, Голландию и Скандинавские страны, а равно и выступление хора в районе Парижа. Еще большее значение в смысле воспитания студенческой самостоятельности и ответственности имеет ежегодно проводимая — их личными средствами — финансовая кампания в пользу Института в Париже и его пригороде. Обходя поодиночке или попарно значительное число адресов, студенты собирают некоторую сумму денег на нужды Института и, что еще важнее, входят в соприкосновение с разными кругами русского общества, знакомятся с их потребностями и интересами и осведомляют их о жизни Института, осуществляя тем самым связь Института с русской средой.

Как особое проявление студенческой самостоятельности, должна быть отмечена студенческая кантина в годы 1940 и сл. С начала войны и наступления тех героических условий жизни, о которых речь была выше, Институт не мог брать на себя ответственность за питание студентов. Деньги стали выдаваться студентам на руки, и они, после некоторого периода нащупывания, сами восстановили на эти деньги общее питание. Институт представлял им бесплатное пользование газом, удавалось получать и некоторые продукты из министерства снабжения ("ravitaillement"). Этот порядок держался до 1944 г., когда представилось целесообразным возвратиться к индивидуальному питанию.

Особого упоминания требует Братство имени преп. Сергия Радонежского. Оно было основано воспитанниками Института в 1927 г. по мысли студентов А.И. Гревса (ныне еп. Никон) и К.П. Струве (впоследствии архимандрита Саввы, умершего в начале 1949 г. в Чехословакии). К.П. Струве и был его первым выборным старостой. Первоначально целью Братства было объединение студентов наличных и будущих. Она осложнилась впоследствии задачами миссионерскими, из которых выросло издание "Сергиевских

Листков". Кроме того, священнослужители из состава Братства совершали, одно время каждую субботу, панихиды на русских могилах на кладбищах Парижа и его пригородов.

Духовно-воспитательная работа Богословского Института получает неодинаковую оценку. Нередко приходится слышать голоса и в Институте, и вне его, которые оценивают достигаемое воспитанием единство как недостаточное. Передавали мнение покойного прот. С. Четверикова, что студенческая жизнь и взаимоотношения в Институте отмечены печатью не "духовности", а "душевности". Объективно эта оценка, вероятно, правильная, но положение, которое она выражает, не есть результат педагогической ошибки или неудачи в проведении намеченного плана. Долголетним руководителем духовно-воспитательной работы Института был прот. Сергей Булгаков, занимавший должность его инспектора непрерывно с 1937 по 1939 г., затем в последние месяцы своей жизни в 1944 г. и еще ранее с января 1927 по осень 1929 г. За границей Богословский Институт неточно называли "Булгаковской" Академией. Печать своей личности о. Сергей, несомненно, наложил на Институт и на его питомцев. В области духовно-воспитательной принцип о. Сергия был "ne pas trop gouverner". Свобода самоопределения была тем началом, которое о. Сергей сознательно полагал в основание своей воспитательной работы. Он был убежденным противником "старчества" в его современных уродливых формах. Он не боялся того (чего и теперь еще многие боятся — даже внутри Института), чтобы студенты были слишком предоставлены самим себе. Интересно, что по оценке такого опытного человека в вопросах церковно-административных, каким был покойный митрополит Евлогий, его лучшие священники вышли из студентов Богословского Института. И сами питомцы Института, выходя из его стен, выносили неизменно и на всю жизнь горячую любовь к своей alma mater. "Печать душевности", о которой речь была выше, может быть выражена другою описательной характеристикой: "атмосфера семьи", и руководители Института были рады и благодарили Бога, если им удавалось создавать и поддерживать эту атмосферу. Они всегда ценили личные отношения со студентами и ко всем вопросам их жизни — особенно к случаям педагогически трудным — старались и стараются отыскать подход конкретно-индивидуальный.

Эрнест ГАРАЕВ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. АВТОРХАНОВА "ЗАГАДКА СМЕРТИ СТАЛИНА (ЗАГОВОР БЕРИЯ)"

Новая работа А. Авторханова для любого советского читателя представляет громадный интерес. Безусловно, она интересна и для читателей других стран, но для советского — особо. События и деятели чужой страны представляют в общем случае лишь академический интерес. Изучение истории нам необходимо прежде всего для понимания настоящего, а оценить по достоинству влияние Сталина, Берия, Хрущева, Суслова и др. на современный советский мир под силу лишь жителю СССР (ну и, разумеется, тем, кто, как А. Авторханов, специально занимается историей нашей страны). Для советского читателя — это не гимнастика ума, а сама жизнь во всех ее проявлениях.

Как и "Технология власти" (с "Партократией" рецензент, по вполне понятным для советского читателя и непонятым для западного причинам, не знаком), "Загадка смерти Сталина" написана легко — это не сухой академический труд с сотнями и сотнями незнакомых фамилий, цифр и всякими заумными теоретизированиями. События, описанные А. Авторхановым, еще живы в памяти большинства населения нашей страны, а сама "загадка" настолько "загадочна" и по сей день, что рецензируемая книга в СССР в рекламе не нуждается — ее с превеликим интересом прочтет буквально *каждый*. Легкость изложения делает труд доступным также каждому.

Но легкость изложения отнюдь не означает легковесности труда — он написан на основе детальнейшего анализа документов, а не слухов, которыми (ввиду не столько отсутствия информации, сколько избытка дезинформации) полон советский мир. Несколько фактических неточностей — на совести не автора, а редактора (если таковой существовал). Например, на с. 23 указано, что письмо Ленина Сталину о разрыве отношений помещено в 46 т. Полного собрания сочинений Ленина, а на с. 292 говорится, что то же письмо опубликовано в т. 54. Это — или опечатка, или просмотр

автора (верен 2-й вариант). На с. 28 написано, что Поскребышев подписал приговор о расстреле Николая II и его семьи. Это — тоже просмотр, т.к. никакого суда, а стало быть и приговора не было, было лишь Постановление. На с. 294 читаем: "Политбюро ЦК КПСС на XX съезде КПСС". Однако на XX съезде был Президиум, а не Политбюро. Остальные фактические ошибки — того же порядка.

Прежде чем приступить к разбору рецензируемой книги, следует изложить версию смерти Сталина, широко распространенную в СССР (версии Эренбурга и Пономаренко, о которых говорится в книге, в СССР практически никому неизвестны, ибо они сочинялись для Запада). По этой версии, Сталин последние годы жизни был очень мнителен, а в последний год — сверхмнителен. Жил он в отдельной комнате, общаясь с миром посредством маленького окошечка, через которое ему подавали пищу. В один прекрасный день окошечко не открылось. Прождав какое-то время, охрана взломала дверь и обнаружила там мертвого (или умирающего) Сталина. Это — основная сюжетная линия; разумеется, существует масса вариаций. Многие жители СССР знают лишь эту версию ЦК и КГБ¹ (а другие вообще ничего не знают).

А. Авторханов достаточно аргументированно развивает гипотезу, высказанную им еще в "Технологии власти", — Сталин стал жертвой заговора партийной верхушки.

Глава I ("Верховный дезертир"), эффектно начинающаяся пророчеством Буду Мдивани, шедшим на расстрел в 1937 г.: "Пусть Сталин не забывает, что за Дантоном последовала очередь Робеспьера!"², посвящена началу конца Сталина. Паника, овладевшая Сталиным в начале войны, его отказ в первые дни немецкого наступления принимать какое бы то ни было участие в решении государственных дел — нельзя расценить иначе, как предательство страны, которой он руководил, и А. Авторханов совершенно справедливо указывает, что "по законам военного времени Сталин заслуживал, как дезертир и предатель Родины, расстрела" (с. 11).

Далее показано, что в пору безнадежного отчаяния Сталина³ лишь "два человека проявили не только присутствие духа, но и колоссальные организаторские способности. Они восстановили оборону при помощи политической полиции (Берия) и партпарата (Маленков)" (с. 17).

Но, пожалуй, самое интересное, на чем Авторханов почему-то не сделал акцента, хотя этот вывод вытекает сам собой из всей I главы, — это то, что впервые окружение Сталина поняло, что бог может быть и слабым, а коли он может быть слабым, то он уже не бог. Это низвержение Сталина с пьедестала божества было первым шагом низвержения его в ад.

Глава II ("Внутренний кабинет" Сталина). "Идею "личного кабинета" Сталин, вероятно, позаимствовал из Николаевской эпохи" (с. 27). Здесь А. Авторханов просто забыл то, о чем он писал в "Технологии власти". Семинарское сочинение И. Джугашвили на тему "В чем причина поражения Цезаря?" было самым лаконичным (как по форме, так и по содержанию) среди его соучеников: "У Цезаря не было аппарата личной власти".

По всей видимости, Сталин заимствовал у Николая I не идею, а структуру "личного кабинета", о чем так подробно пишет А. Авторханов. "Секретариат т. Сталина", возглавлявшийся вначале уже забытым почти всеми Иваном Петровичем Товстухой, а затем — легендарным Поскребышевым, был "первым отделением" личной канцелярии Сталина" (с. 28), а "Особый сектор ЦК", подчиненный тому же Поскребышеву, — его "третьим отделением" (с. 28–29). Достаточно убедительно показано, что Сталин умудрился так отшлифовать деятельность "Внутреннего кабинета", что он практически "был поставлен и над ЦК, и над государством" (с. 35).

"Биограф Сталина, — пишет А. Авторханов, — который не поставит в центр своего анализа "Внутренний кабинет" Сталина, состоявший из "Секретариата т. Сталина" и "Особого сектора", мало что поймет в биографии Сталина, в его восхождении к личной диктатуре, в секрете его феноменальных успехов. "Внутренний кабинет" — выдающееся изобретение Сталина, сделанное еще при жизни Ленина, когда признанным диктатором считалось не отдельное лицо, а коллектив — Политбюро. Уникальность этого изобретения заключалась в том, что личная диктатура была замаскирована отсутствием всякого внешнего его проявления. Члены не только ЦК, но и Политбюро не видели никакого "кабинета" у Сталина, а лишь техническую канцелярию, состоящую из самых обыкновенных технических чиновников" (с. 26–27).

3 фактические источники данной главы:

1. Расстрел Николая II, "его супруги и их малолетних детей" (с. 25). Дети были не "малолетние". Младшему — цесаревичу Алексею — было 14 лет; его сестрам Анастасии, Марии, Татьяне и Ольге соответственно 17, 19, 21 и 23 года.

2. "Сталин был единственным членом Политбюро ЦК, введенным накануне Октябрьского переворота в состав конспиративного центра восстания — "Военно-революционного центра" (с. 35). Неверно. Членом того же центра был член Политбюро ЦК А. С. Бубнов.

3. "Сталин был членом руководящей Коллегии ВЧК" (с. 38). В официальных биографиях (в том числе и в биографиях, написанных в 20–30-х годах) об этом нет ни слова. В книге "В. И. Ленин и ВЧК" (М., изд-во полит. лит-ры, 1975) на с. 37, 174–175 и 396 приведены списки Коллегии ВЧК соответственно на 20 декабря 1917 г., 27 марта 1919 г. и 29 июля 1920 г. Сталина в этих списках нет.

В главе III ("Берия — маршал жандармерии") советский читатель, пожалуй, впервые знакомится с биографией Лаврентия Павловича, биографией не официальной.⁴ Западнему читателю, да и многим советским, быть может, неизвестно, что биография Берия была опубликована во 2-ом издании БСЭ. Однако, после убийства Берия, всем подписчикам было рекомендовано (читай: приказано) изъять его биографию (вместе с большущим портретом), а вырванную страницу заменить на присланную из типографии новую.

Из этой главы читатели узнают, что Берия не был просто бандитом с большой дороги, шпионом, насильником и убийцей — нет, это был утонченный преступный гений, и именно гениальность Берия спасла нашу страну от новой "Великой Чистки", отправив на тот свет Сталина. Пересказывать содержание этой главы не имеет смысла — ее надо читать.

Укажу лишь на несколько самых ярких (на мой взгляд) моментов в биографии "маршала жандармерии". Берия окончил с отличием Бакинское техническое училище (тот, кто знает историю нашей страны, для того не откровение, что дореволюционные технические училища готовили не худших, а подчас и лучших специалистов, нежели советские ВУЗ'ы). В 1918–1919 гг. Берия служил сразу в 4-х разведках — советской, мусаватистской, турецкой и

английской, но, как замечает А. Авторханов, "все еще не выяснен главный вопрос: служил ли Берия "из любви к профессии" или по заданию Чека" (с. 42). "Берия был самый "орденоносный" человек в СССР — одних "орденов Ленина" у него было целых семь штук" (с. 49).⁵

Не могу не обратить внимания на грубейшую ошибку А. Авторханова в этой главе. Его утверждение о том, что "Красная армия не хотела воевать, народ жаждал поражения собственного правительства" (с. 53–54) до такой степени неверно, что рецензент даже не считает нужным его комментировать.

В главе IV ("Два временщика — Маленков и Жданов") описывается борьба не на жизнь, а на смерть двух сталинских кронпринцев — Маленкова и Жданова, закончившаяся смертью Жданова и возвышением Маленкова.⁶ Автор "Загадки смерти Сталина" справедливо указывает, что в характере Сталина было "поощрять доносы членов Политбюро и натравливать их друг на друга. Безопасность его личной диктатуры во многом основывалась на междоусобице партийных бояр. Пока бояре соревновались в любви к Сталину методами доносов, Сталин знал, что никакой заговор на верхах против него невозможен" (с. 66). Жители СССР наблюдают подобную методику управления почти в любом советском учреждении.

В этой же главе дана блестящая характеристика партийного деятеля марксистско-ленинского толка:

"Наивно было бы говорить о каких-либо идейных убеждениях партаппаратчиков типа Маленкова. Это люди с эластичной совестью и бездонным властолюбием. Сталинцы [я бы сказал: марксисты-ленинцы. — Э. Г.] впервые в истории нашли рецепт органического синтеза партийной политики и уголовщины. Согласно этому рецепту, все моральные категории и общепринятые нормы человеческого поведения находятся в постоянной диалектической трансформации: зло может превратиться в добродетель, бесчестье — в честь, долг — в предрассудок, подлость — в подвиг, и наоборот. И весь этот свой "моральный кодекс коммунистов" сталинцы [марксисты-ленинцы!! — Э. Г.] применяют не только в борьбе с врагами вне партии, но и в борьбе за власть между собой, внутри самой партии, причем побеждают наиболее ловкие, прибегающие к еще никем не использованным новинкам

политической подлости. Вся биография Маленкова — цепь таких подлостей” (с. 59).

Наибольший интерес в данной главе для современного советского читателя представляют не биографии двух главных героев, а жизненный путь секретаря сталинского, хрущевского и брежневского ЦК Михаила Суслова. Советскому читателю будет небезынтересно узнать, что Суслов — это не заматерельный догматик, а последний из палачей в нынешнем Политбюро ЦК.

”Суслов был до войны координатором работы НКВД и партии сначала в аппарате ЦКК, а потом и в Комитете партконтроля при ЦК. Официальный его ранг не был высок. В списках сотрудников партконтроля он числился лишь инспектором, но этот ранг делал его номенклатурным работником ЦК. Во время ”Великой чистки” Суслов, уже поднявшись до чина заместителя председателя Комитета партконтроля Ежова,⁷ вместе с ним участвовал в составлении знаменитых списков актива партии, направляемых Сталину и членам Политбюро для утверждения смертных приговоров.

На XX съезде Хрущев сказал, что в 1937-38 гг. Сталину было направлено 383 таких списка (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 28).

Когда Берия занял место Ежова в ноябре 1938 года, Суслов начал для Берия составлять уже другие ”списки”, — тех, кто внутри партии выполнял функции внутрипартийных чекистов: функционеров сети партконтроля для работы в НКВД вместо ликвидированных ежовцев. Ближе познакомился Берия с Сусловым во время войны на Кавказском фронте, где оба были членами Военного совета и руководили депортацией кавказских народов. После войны, по рекомендации Берия и Маленкова, Суслов был назначен чрезвычайным парторгом ЦК в Прибалтику с неограниченными правами для чистки ”освобожденных” республик. Успешно депортировав примерно четвертую часть населения Прибалтики в Сибирь, Суслов доказал, что ему можно доверить любой пост. Таким образом, из партийного и полицейского контролера среднего ранга получился ”идеолог” и ”теоретик” партии, конечно, как противовес Жданову... Этому-то Суслова завербовали Маленков и Берия, готовя против ждановцев удар, известный под именем ”Ленинградское дело” (с. 73—74).

Фактическая неточность в данной главе. А. Авторханов пишет: ”...Сталин ввел... протокол неравенства вождей... Впервые этот протокол был введен после ликвидации троцкистов и бухаринцев, когда членов Политбюро, Оргбюро и Секретариата начали перечислять не по алфавиту, а по важности занимаемого места” (с. 60—61). Неверно. См. хотя бы самого А. Авторханова — с. 290 (начало 1923 г.), протоколы XIV съезда ВКП (б) (1925 г.) и т. д.

По всей вероятности, эта идея принадлежит Г. К. Орджоникидзе, высказавшему ее еще 16 августа 1917 г. В подтверждение этого предположения привожу протокольную запись 16-го заседания VI съезда РСДРП (б):

”Свердлов. Напоминаю товарищам о решении закрытого собрания съезда об оглашении имен членов ЦК в случае нормального окончания съезда. Ставлю это на голосование.

Отклоняется.

Серго. Товарищи, предлагаю огласить имена четырех членов ЦК, получивших наибольшее число голосов. Считаю необходимым сделать это, чтобы выразить солидарность съезда с избранными вождями партии. (Шумные аплодисменты).

Избраны: т. Ленин, получивший 133 голоса из 134, т. Зиновьев — 132, Каменев — 131, Троцкий — 131 голос. (Шумные аплодисменты).

(Шестой съезд РСДРП /большевиков/, август 1917 года. Протоколы. М., Госполитиздат, 1958, с. 252).

В главе V (”Борьба за советизацию Восточной Европы”) повествуется о борьбе Сталина с Димитровым и Тито, окончившейся смертью (убийством?) ”героя Лейпцига” и отходом Югославии от ”единственно правильного пути построения социализма”. Говоря об опорачивании Сталиным югославских руководителей, А. Авторханов приводит блестящий пример ленинско-сталинско-советского метода пропаганды и агитации:

”Во время войны своему достойному единомышленнику от инквизиции, но безнадежному ефрейтору от политики — Гитлеру, Сталин приписал такую оголенную политическую философию варваров, которую не вычитаешь даже у Маккиавелли:

”Человек, говорит Гитлер, грешен от рождения, управлять им можно только с помощью силы. В обращении с ним позволительны

любые методы. Когда этого требует политика, надо лгать, предавать и даже убивать... Я освобождаю человека, говорит Гитлер, от унижающей химеры, которая называется совестью. У меня то преимущество, что меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка" (Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 1952, стр. 28–29)" (Авторханов, с. 90–91). Автор "Загадки" справедливо замечает, что "Гитлер так мог действовать, но никак не говорить" (там же, с. 91).

"Сталин, — пишет А. Авторханов, — видимо, навсегда запомнил мораль одного из героев "Стихотворений в прозе" Тургенева: "Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, — говорил мне один старый пройдоха, — то упрекайте его в том самом недостатке, или пороке, который вы за собою чувствуете. Негодуйте... упрекайте. Во-первых, — это заставит других думать, что у вас этого порока нет. Во-вторых, негодование даже может быть искренним... Вы можете воспользоваться укорами собственной совести. Если вы, например, ренегат, — упрекайте противника в том, что у него нет убеждений. Если вы сами лакей в душе, — говорите ему с укоризной, что он лакей, лакей цивилизации, Европы, социализма! — Можно даже сказать: лакей без лакейства, — заметил я. — И это можно, — подхватил пройдоха" (Авторханов, с. 91).

В главе VI ("Подготовка новой "Великой чистки") говорится об успешной попытке Берия и Маленкова оторвать Сталина от его "старой гвардии" (Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Андреев). Сталин санкционирует и сам принимает участие в псевдонаучных дискуссиях, избличавших, по словам Сталина, "аракчеевский режим" в науке ("Правда", 4 июля 1950 г.; см. Авторханов, с. 111). Автор рецензируемой работы остроумно замечает: "Сталин, критикующий "аракчеевский режим" — это уж воистину зрелище для богов" (там же).

Антисемитизм Сталина, о котором говорил еще Троцкий, привел к таким парадоксам, что Молотов находился на одной из высших ступеней иерархической лестницы, а его жена (Полина Жемчужная) — в застенках КГБ. "Сталину, — пишет Авторханов в другом месте, — всюду мерещились сионистские заговорщики. Таким заговорщиком в его глазах был каждый еврей, независимо

от того, коммунист он или нет; более того — им был и каждый русский коммунистический лидер, если он женат на еврейке. Свои "генеалогические таблицы" Сталин расширил до вторых и третьих колен в родословии коммунистов, выискивая у них еврейских бабушек, дедушек или внуков. Так, у Хрущева нашли внуку от еврейской матери, у Берии — мать, якобы грузинскую еврейку, у Маленкова дочь замужем за евреем" (с. 153).

Ведшееся в величайшем секрете с 1948 по август 1952 г. "Сионистское дело" закончилось гибелью в "автомобильной катастрофе" Михоэлса и расстрелом Лозовского и еще 20 видных еврейских деятелей. В конце 1950 г. были расстреляны Вознесенский, Кузнецов и другие участники (уже русского) так называемого "Ленинградского дела". Но все это были лишь цветочки — ягодки Великой чистки — впереди.

Не могу не привести отрывок из Г. Федотова, процитированный в этой главе:⁸

"Нужно славить власть даже тогда, когда ее ненавидишь. Но Сталин пошел дальше. Он изобрел систему, которой не знало человечество. Он поставил своей целью заставить каждого гражданина совершить какую-нибудь подлость, чтобы раздавить его чувство достоинства, чтобы сделать его способным на все... Сломить раз навсегда волю человека, осквернить его совесть, сделать его предателем, клеветником — вот цель. Такой уж никогда не сможет смотреть людям в глаза. Он сделает все, что мы от него потребуем... от оклеветанных и смертельно замученных людей требуется акт самобичевания и отречения от своих идей. И здесь та же цель: раздавить морально писателя или ученого. Он слишком гордо носит голову. Он воображает, что служит науке и искусству. Он служит нам; он оплачиваемая государством проститутка, и пусть не забывает этого" ("Новый журнал", Нью-Йорк, 1949, № XXI, с. 249–250; см. Авторханов, с. 97).

Блестящее подтверждение этому — рассказ А.Н. Поскребышева, полученный мной из третьих рук. Списки подлежащих расстрелу подавались Сталину. Против фамилий тех деятелей, кого он не считал нужным пока расстреливать, Сталин ставил галочки и передавал Поскребышеву. Тот выписывал эти фамилии и отдавал списки вниз по инстанции. Вначале, когда списки были немногочисленны, Поскребышев их просматривал. Но когда количество

жертв стало превышать сотню, да и самих списков прибавилось, Поскребышев обращал внимание лишь на те фамилии, против которых стояли сталинские галочки.

Однажды ему подали лист, на котором стояла только одна фамилия. Он невольно прочел ее и увидел там... фамилию своей жены. По словам Поскребышева, это была простая русская женщина, совершенно далекая от политики и которую он очень любил.

— Иосиф Виссарионович! За что? Ведь я ее люблю больше жизни!

— Вот за то, что ты любишь ее больше жизни, мы ее и расстреляли.⁹ Но ты нэ бэспакойса — мы найдем тэбэ другую жэнщину — красивую, маладую. Я панимаю — у тэбя сегодня горэ — ты можеш севодня до канцы рабочева времени уйти дамой.

Поскребышев идет домой, вставляет ключ в замочную скважину и чувствует, что дверь заперта изнутри. Он звонит. Ему открывает действительно молодая и очень красивая женщина.

— Вы кто такая?

— Ваша жена.

— ???

— Если не верите — вот паспорт.

И предъявляет ему паспорт со штампом о бракосочетании такой-то с А. Н. Поскребышевым...

По сравнению с этим эпизодом психологический эксперимент Лермонтова с Мартыновым и гроша ломаного не стоит.

В главе VII ("Удар по воччине Берия") А. Авторханов показывает, что Сталин попытался опровергнуть положение Гераклита о том, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Сталин "повторяет старые уголовные трюки тридцатых годов, так досконально изученные, а иногда и подсказанные тем же Берия" (с. 125). "Мингрельское дело", сфабрикованное с целью убрать Берия, было им разгадано, и он смог избежать гибели, но понял, что ему угрожает смертельная опасность.

В главе VIII ("Разногласия между Политбюро и Сталиным") повествуется о нарастании этих разногласий. Здесь, как впрочем и в других местах работы, А. Авторханов блестяще проводит анализ официальной прессы (сравни "В круге первом" (96 глав) Солженицына) и показывает, что даже из газеты "Правда" можно

увидеть, как Сталин начинает терпеть одно поражение за другим. Яркий пример, приводимый автором:

"Следует отметить еще один сюрприз: новый антибериевский ЦК Компартии Грузии торжественно внес предложение: "Первый параграф Устава начать словами: "Созданная вождями пролетарской революции Лениным и Сталиным, Коммунистическая партия Советского Союза"... и дальше по тексту, как у ЦК" ("Правда", 15 октября 1952 г., речь секретаря ЦК Грузии Цховребашвили). Политбюро отвергло это предложение" (Авторханов, с. 145—146).¹⁰

С главы IX ("Историческое поражение Сталина") начинается собственно "загадка" гибели Сталина. Но прежде, чем приступить к изложению этой главы, следует обратить особое внимание на высказанную здесь мысль А. Авторханова, мысль, которая в слегка измененном чтении достойна специального исследования. "Сталин, — пишет А. Авторханов, — был идеален для господства над закрытым обществом — закрытым внутри, закрытым вовне" (с. 147).

Но дело не в Сталине, Ленине или еще в ком-то. Дело в том, что социалистический режим идеален и может быть последовательно проведен в жизнь только в закрытом обществе. Социалистические режимы государства Инков, СССР, гитлеровской Германии, коммунистического Китая, Атлантиды Платона, Города Солнца Кампанеллы, Утопии Мора могут и могли бы существовать лишь при условии закрытого общества. Они идеальны не для народа и не для развития общества, а для существования социалистических режимов (нужно всегда помнить знаменитый ленинский вопрос: "Удержат ли большевики государственную власть?").

Основное содержание IX главы — поражение Сталина на первом (после XIX съезда) организованном Пленуме ЦК. Фактическая неточность. А. Авторханов пишет: "По неписаной партийной традиции, организационный пленум нового ЦК происходит еще во время работы съезда и результаты (выборы Политбюро, Секретариата и генсека) докладываются последнему заседанию съезда. Этот закон впервые был нарушен" (с. 150). Неверно. Сия "неписаная" традиция до XIX съезда не соблюдалась 6 раз: на VIII (1919 г.), XI (1922 г.), XII (1923 г.), XIII (1924 г.), XIV (1925 г.) и XVIII (1939 г.) съездах РКП (б) и ВКП (б).

Загадка с 25 членами Президиума ЦК. Ни в "Технологии власти", ни здесь А. Авторханов не указывает главной причины избрания столь многочисленного Президиума (до XIX съезда и после эта цифра колебалась между 9 и 11). Сталин хотел убрать всех старых членов Политбюро. Объявить о том, что из 9 членов Руководства 8 (кроме самого Сталина) – враги – неправдоподобно даже для выдавшего виды советского общества. А вот из 25 – 8 вполне могут быть врагами – к этому Homo Sovieticus привык.

2-я загадка, вытекающая из предыдущей, – состав Бюро Президиума ЦК. О существовании оно (на Пленуме был избран лишь Президиум) мир узнал (и А. Авторханов совершенно напрасно не приводит источник) лишь из "Постановления ЦК, Совмина и Верховного Совета СССР" после смерти Сталина 7 марта 1953 г.: "... XI ... I. Признать необходимым иметь в Центральном Комитете КПСС вместо двух органов ЦК – Президиум и Бюро Президиума, один орган – Президиум..." ("Правда", 7 марта 1953 г., КПСС в резолюциях..., ч. III, с. 606). Состав этого Бюро Руководство КПСС хранит до сих пор в тайне.

А. Авторханов (с. 160) со ссылкой на "Мемуары" Хрущева, опубликованные в 1971 г. за рубежом (Khrushchev Remembers, Little, Brown & Co., 1971, p. 299), т.е. в СССР неизвестные, приводит такой состав Бюро: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович, Первухин и Сабуров.

Но надо учесть, что Хрущев писал мемуары, находясь в опале, и, разумеется, мог писать только о том, о чем он имел право писать. Я этих мемуаров (по тем же "вполне понятным" причинам) не читал, но могу а priori заявить, что Хрущев не обошелся в них без дезинформации.¹¹ Он мог в них критиковать Сталина, Маленкова, Берия, Кагановича, но никак не Суслова, Брежнева, Косыгина и других лидеров КПСС в то время.

Состав Бюро, приведенный Хрущевым, которому А. Авторханов почему-то верит на слово, на мой взгляд весьма сомнителен. Здесь не место обсуждать эту сложную проблему (рецензия и так уж получается длинноватой). Укажу лишь на 3 обстоятельства.

1. Для чего надо было городить огород с 25 членами Президиума, если у руля партии из 9 человек 6 были теми, кого Сталин хотел ликвидировать? Я думаю, что в Бюро Президиума должно было быть соотношение *минимум* 5 к 4 в пользу Сталина.

2. Из 10 секретарей ЦК (а Секретариат ЦК – это вотчина Сталина) 7 были членами Президиума (Сталин, Маленков, Хрущев, Суслов, Аристов, Михайлов и Пономаренко). В Бюро Президиума (по Хрущеву) вошли 3 секретаря ЦК: Сталин, его явные враги Маленков и Хрущев и *ни одного* выдвигенца. Как говаривал Ленин, архисомнительно.

Если в пунктах 1 и 2 прав Хрущев, то или

а) Сталин бы сразу увидел, что это прямой заговор, и не стал бы ждать;

б) победа была на стороне заговорщиков и нечего было мудрить с отравлением спустя 5 месяцев.

3. Если в Бюро Президиума вошли сталинские выдвигенцы Первухин и Сабуров, то уж кого-кого, а их бы не включили в состав Президиума ЦК после смерти Сталина (а их включили).

Я не утверждаю, что прав в каждом из пунктов, – я лишь обращаю внимание читателя на то, что проблема слишком сложна, чтобы принимать на веру состав Бюро, приведенный Хрущевым.

3-я загадка (о которой большинство жителей СССР почему-то не знает) – это то, что Сталин, бывший генсеком с 1922 г., обожавший всякие звания и титулы и знавший, что пост генсека – это все, на XIX съезде им не был избран. К сожалению, А. Авторханов совсем не коснулся позднейшей фальсификации этого события в советской прессе. В 1975 г. я писал:

"Нынешнее Руководство КПСС, почувствовав, что неизбрание Сталина генеральным секретарем ЦК на XIX съезде КПСС и его кончина (при весьма загадочных обстоятельствах) вскоре после этого съезда могут навести на различного рода размышления, *post factum* избрало его на этот пост. В советских изданиях 1953 г. (Энциклопедический словарь в 3-х томах, т. 3, с. 310. М., Госнауциздат БСЭ, 1955; Краткий философский словарь, изд. 4-е, М., Госполитиздат, 1955, с. 460) констатировалось, что Сталин был генсеком лишь до октября 1952 г. (т.е. до XIX съезда КПСС), а "затем, до конца своей жизни являлся секретарем ЦК".

В 1969 г. "Советская историческая энциклопедия" утверждает, что Сталин на XIX съезде был избран генеральным секретарем ЦК (Советск. ист. энциклопедия, т. 12, с. 700), а в 1970 г. "Философская

энциклопедия” известила своих читателей о том, что в 1952—1953 гг. Сталин был... первым секретарем ЦК (Философская энциклопедия. т. 5, с. 124). Совсем запутались...” (Гараев. История Руководства КПСС. 10-е изд. Предисловие, с. II).

Что же касается неизбрания Сталина, то по-моему, вариант А. Авторханова — самый правдоподобный: “Сталин подал тому же пленуму ЦК [16 октября 1952 г. — Э. Г.] заявление об освобождении его от должности генерального секретаря ЦК; во-первых, будучи убежден, что оно не будет принято, а во-вторых, чтобы проверить отношение к этому своих ближайших соратников и учеников. Но произошло самое невероятное: пленум принял отставку Сталина” (с. 161).¹²

Глава X (“Разгром “Внутреннего кабинета”). Берия понимал, что начать борьбу за окончательное низвержение Сталина можно лишь после того, как будет разгромлен его личный кабинет: Поскребышев, Власик, личный врач, комендант Кремля. И Берия успешно проводит эту операцию. Однако Сталин тоже не дремал. Когда “врачи из группы академика Виноградова (лейб-врача Сталина) были арестованы по доносу сексотки Берия врача Тимашук..., Сталин обратил эти аресты против самого Берия, объявив врачей “давнишними английскими шпионами” (Авторханов, с. 171).

Глава XI (“Последние дни Сталина”) начинается анализом статьи в “Правде” от 13 января 1953 г., написанной (как говорит А. Авторханов, “по специфическим особенностям языка и стиля, по манере аргументации”) Сталиным. “С уму непостижимой оплошностью Сталин выдал себя, сформулировав обвинение кремлевских “врачей-заговорщиков”: ведь обвинение всей сети верховных органов госбезопасности в попустительстве “заговорщикам” было прямо направлено против Берия. Берия слишком хорошо знал и Сталина, и судьбу своих предшественников, чтобы строить иллюзии. Сталину теперь нужна была его голова. У Берия не было никаких других средств спасти ее, кроме того, как лишить Сталина его собственной головы” (с. 2).

К сожалению, А. Авторханов не обращает внимания читателя на следующее обстоятельство (не помню — писал ли он об этом в “Технологии власти” — но даже если и писал, желательно было повторить вновь). Указание на то, что врачи хотели убить товарища

Сталина, Василевского и др. военачальников, косвенно говорило о том, что врачи *не* хотели убить тов. Маленкова, Молотова, Берия, Ворошилова, Кагановича, Булганина, Хрущева, Микояна. А почему? Да потому, что они сами подговорили врачей убить Сталина — вот чем должно закончиться “дело врачей”, и об этом не могли не догадаться “старые” члены Президиума. Таким образом, не подписав статью в “Правде”, Сталин в то же время подписал свой смертный приговор. Описания различных вариантов болезни и смерти Сталина и последовавшего переворота, высказанные Хрущевым в разные годы, еще раз подтверждают то, что он умышленно дезинформировал читателей. Версии Эренбурга и Пономаренко, явно инспирированные партийной олигархией (и приводимые в главе XII — “Как произошел переворот”), также имели целью скрыть истину.

Особого внимания заслуживает приводимое А. Авторхановым признание Хрущева в насильственной смерти Сталина. Как хорошо известно советскому читателю, речи Хрущева подвергались тщательной цензуре: почти вся отсебятина впоследствии при публикации изымалась. 19 июля 1964 г. (т.е. за 3 месяца до своего падения — А. Авторханов не обратил на это внимания, а быть может, это и явилось той “каплей”, которая переполнила чашу терпения Сулова и К⁰ и привела к падению Хрущева) на митинге в честь венгерской партийно-правительственной делегации Хрущев заявил: “Напрасны потуги тех, которые хотят руководство изменить в нашей стране и взять под защиту все злоупотребления, которые совершил Сталин... Черного кобеля не отмоешь добела (аплодисменты)”. Дальнейшие слова при публикации этой речи были изъяты цензурой, но А. Авторханов приводит их по мониторинговой радиозаписи станции “Свобода”: “В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором” (Авторханов, с. 243—244).

Анализируя вопрос о дате переворота, А. Авторханов упускает из виду одно событие, на которое некоторые обратили внимание еще тогда. Ежегодно 1-го марта публиковалось Постановление о снижении цен. В Директивах XIX съезда КПСС по 5-й пятилетке говорилось: “... IV. ...2. Неуклонно проводить и впредь снижение розничных цен...” (КПСС в резолюциях..., ч. III). Уж в первый-то

год после съезда должны были их понизить. То, что 1 марта 1953 г. ожидаемое Постановление не было опубликовано, говорит, что верхушке было не до того.

Фактическая неточность: "...главные посты в партии и правительстве [при перевороте. — Э. Г.] достаются не тем, кого считали в партии и стране законными наследниками Сталина (Молотов, Каганович, Ворошилов), а тем, кто произвел переворот" (с. 221—222). Здесь автор ошибается. Последние года 2 никто в СССР не сомневался, что *единственным* преемником Сталина является Маленков.

Далее. Никакого особого перемещения "портфелей" в иерархической лестнице с 15 октября 1952 г. по 7 марта не произошло. Список на 15 октября 1952 г.: 1. Сталин, 2. Молотов, 3. Маленков, 4. Берия, 5. Ворошилов, 6. Булганин, 7. Каганович, 8. Хрущев, 9. Андреев, 10. Микоян. Если мы отсюда изыдем умершего Сталина, не избранного в Президиум Андреева и не вошедшего (если верить Хрущеву) в Бюро Президиума Молотова, то получим такой список (справа — "список" 7 марта 1953 г.; для удобства — без Молотова, занимающего в нем 3-е место):

1. Маленков	1. Маленков
2. Берия	2. Берия
3. Ворошилов	3. Ворошилов
4. Булганин	4. Хрущев
5. Каганович	5. Булганин
6. Хрущев	6. Каганович
7. Микоян	7. Микоян

Даже члены Президиума ЦК, знавшие, что Молотов не входил в Бюро, ничего особого в правом списке усмотреть не могли (за исключением перемещения Хрущева с 6-го места на 4-е).

Следующая глава (XIII), "Конец Берия", непосредственного отношения к теме не имеет, хотя и тесно с ней связана. Она повествует о беспрецедентном фарсе в большевистском терроре: судебном разбирательстве, процессе и расстреле одного из коммунистических лидеров, того, кто спас всех членов Президиума ЦК, и — что самое трагикомичное — уже мертвого. Берия, говоря коммунистическим жаргоном, был злодейски убит 26 июня 1953 г., а суд над ним состоялся... в декабре того же года.

Эпилог "Сталин легендарный и подлинный", написанный с привлечением свидетельств Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева и Бухарина, весьма интересен. Если бы этот эпилог дополнить некоторыми местами из "Технологии власти" (например, исключительно эффектными цитатами из Маккиавелли), то он бы только выиграл.

Утверждение А. Авторханова о том, что "в церковь Сталина ходили все и никто не верил ни в какой коммунизм" (с. 281) является явным преувеличением. Верили и верят (ну, разумеется, не все, и чем дальше, тем меньше).

На мой взгляд, совершенно неудачен раздел 7 — "Сталин о Сталине". Все легенды о Сталине, так же, как и о Ленине, Троцком, Мао Цзэ-дуне и др. — неотъемлемый атрибут коммунистической пропаганды. Так было, так есть и так будет всегда. Современники отлично помнят, как главным героем Великой Отечественной войны делали Хрущева, и отлично видят, как сейчас тем же героем делают Брежнева.

Заканчивая рецензию, я могу лишь повторить, что в рекламе сия книга не нуждается. Неточности, на которые указал рецензент (а это уж такая его работа — искать неточности), несколько не обесценивают труд А. Авторханова, ибо "не ошибается тот..." и т.д. Короче — большое спасибо автору. Мы ждем Ваших следующих книг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Меня так и подмывает написать "ЦКГБ", но после солженицынского "ЧКГБ" это было бы лишь плагиатом (а жаль — такое красивое сочетание).
2. Эффектно начало А. Авторханова, а не фраза Мдивани, ибо она — есть жалкая пародия на Дантона ("Я жду тебя, Робеспьер!").
3. О глубине отчаяния Сталина говорит его (широко известная в СССР) фраза: "Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда". Автор, приводя это высказывание на с. 12, к сожалению, его не прокомментировал. А надо бы. Дело в том, что это высказывание расценивается в СССР, как признание Сталиным своих ошибок, и что, мол, нападение Гитлера — мистическая расплата за предательство дела Ленина. На самом же деле Сталин только тем и занимался, что претворял дело Ленина в жизнь. "Никакого сталинизма... не было... Сталин был... очень последовательный и верный продолжатель духа ленинского учения" (Солженицын. На возврате дыхания и сознания. — В сб. "Из-под глыб", Paris, YMCA-Press, 1974, с. 15). Так что вышеприведенная фраза Сталина (если он вообще ее произносил, в чем я сильно сомневаюсь) говорит лишь о том, что он совсем потерял голову.
4. Официальные биографии партийных олигархов пишутся и переписываются на наших глазах. Например, в "биографии" А. Н. Шелепина, помещенной в "Ежегоднике БСЭ" за 1958 г., написано: "В 1936—1939 гг. учился в Московском институте истории, философии и литературы", а в "Ежегоднике БСЭ" за 1962, 1966 и 1971 гг.: "В 1941 г. окончил Московский институт истории, философии и литературы"... А, быть может, он (как говорилось в одном из советских анекдотов о Хрущеве) вообще нигде не учился? ...
5. У скончавшегося 14 мая 1977 г. министра авиационной промышленности СССР Петра Васильевича Дементьева было 9 орденов Ленина ("Правда", 16 мая 1977 г.).
6. В ходе этой борьбы Маленков был снят с поста секретаря ЦК: "Тщетно было бы искать в советских публикациях прямого указания на то, что Маленков в 1946 г. временно потерял должность секретаря ЦК, но есть много косвенных доказательств этого" (с. 60). В 1977 г. получено, наконец, и прямое доказательство: "...первый пункт [проекта решения ЦК. — Э. Г.]... гласил, что Г. М. Маленков освобождался от обязанностей секретаря ЦК" (Паголичев. Испытание на зрелость. М., изд-во полит. лит-ры, 1977, с. 284).
7. В официальной биографии Сулова (БСЭ, Советская историческая энциклопедия) нет указания на то, что он был зам. председателя Комитета партконтроля. По этим биографиям, Сулов в 1937—1939 гг. работал секретарем Ростовского обкома ВКП (б). То ли это переписанная

биография, то ли ошибка А. Авторханова — в любом случае он был обязан дать хотя бы ссылку на источник. Все остальные сведения о Сулове полностью совпадают с официальными источниками.

8. Западному читателю может показаться бессмысленным это (как и прочие) цитирование: мол, читатель и сам может прочесть это в рецензируемой работе. Западный читатель — может, а советский — нет (а я пишу прежде всего для него). Мы подчас читаем рецензии, не читая оригиналов. В Советском Союзе (к сведению поборников прав человека в СССР) даже сказка Ш. Перро "Красная Шапочка" не может быть опубликована без визы цензуры.
9. Подтекст: "Надо больше жизни любить партию".
10. У А. Авторханова ссылка на решение XIX съезда КПСС, отвергшего предложение ЦК КП Грузии, отсутствует. См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. III, М., Госполитиздат, 1954, с. 579.
11. Читайте и перечитывайте основоположника социализма Платона: "Уж кому-кому, а правителям государств надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих сограждан — или пользы своего государства" (Государство. Платон, Сочинения в 3-х томах, т. 3, ч. I, М., "Мысль", 1971, с. 169).
12. Но почему же все-таки принял?? ... Ох, как нужны протоколы этого Пленума!

Преследования верующих

ЗАЯВЛЕНИЕ В.Н.ОСИПОВА*

27 ноября 1982 г., на исходе очередного, 8-летнего, срока заключения, я был этапирован в Тарусу Калужской области и поставлен под гласный административный надзор. Сначала — на год, потом адмнадзор стали продлевать каждые 6 месяцев. И конца не видно. Надзор — это та же ссылка, особо строгого вида, с той, однако, существенной разницей, что к ссылке приговаривает суд на конкретный срок, а надзор объявляет опекающий милиционер по своему усмотрению год за годом. Мне, например, не то что выехать — шагу не ступить за черту и без того крошечной Тарусы, комендантский час с 8 вечера до 7 утра, регистрироваться в милиции еженедельно, давать отпечатки пальцев и т.д. Словом, наказание без суда и следствия лет на десять. Формально адмнадзор продлевают за нарушения. Фактически мне удлиняют его при отсутствии нарушений. Основание азбучное: "не раскаялся, не осудил свое преступное прошлое", "не встал на путь исправления". И еще: "отказывается от воспитательных бесед с сотрудниками милиции". Говорят, карают не за убеждения, а за действия. Меня сейчас карают надзором за одни мысли.

В мае 1984 г., т.е. на 18-м месяце надзора, моя бессудная ссылка усугубилась неременным компонентом неволи — террором. С этого времени я стал получать анонимные письма, полные бесстыдной клеветы, ненависти и угроз. Группа неизвестных сначала шантажировала меня, требуя выкупа, а потом перешла к делу. Поздним вечером 1 сентября 1984 г. в окно моей комнаты с треском влетел камень, пробив стекла обеих рам и едва не угодив мне в висок. Камень был завернут в записку, чтобы я не думал на случайных хулиганов, а знал четко: целят в меня и в мою семью.

* Владимир Николаевич Осипов, православный деятель и публицист. Из Морд. лаг. № 3-5. 1-й арест — 6.10.61, срок — 7 лет; 2-й арест — 28.11.74, срок — 8 лет.

По странному совпадению, как водится, фонари на улице в этот вечер погасли. Покушавшиеся с легкостью пантеры сели в автомобиль и укатили. Обычно мой дом находится под бдительным оком наблюдателей, оперативно сигнализирующих обо всем. Но здесь вдруг — проглядели, прощляли. Взятый был за расследование начальник Тарусского РОВД Гришаков 14 сентября официально уведомил меня, что в случившемся "не находит состава преступления". Дошла ли резолюция Гришакова до мафии, я не знаю, но 6 ноября 1984 г. две пантеры швырнули, смеясь, комом твердой грязи в окно детской и поехали. Наконец, вечером 21 ноября 1984 г. здоровый бульжник пробил стекла в московской квартире моей матери: не забывай! Попробуй выехать из-под надзора — ужокошим. Последнее предупреждение почта доставила мне 13 января 1985 г. Грозят участием священника Попелюшко.

Таким образом, вот уже девять месяцев группа неизвестных безнаказанно бьет окна, размножает и распространяет по стране клеветнические анонимки и угрожает расправой мне, моей жене и моим детям.

Я не боюсь смерти. Но если меня уничтожат, я хочу, чтобы все знали:

У МЕНЯ НЕТ ЛИЧНЫХ ВРАГОВ.

Меня могут убить только за убеждения.

Владимир Осипов

14 января 1985 года

249810 Калужская область,
город Таруса, проспект Пушкина, 37

ПАМЯТИ А. В. МОРОЗОВА (1899–1985)

Надгробное Слово

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

В час, когда земная Церковь провожает в вечную жизнь своего верного сына, новопреставленного иподиакона Андрея, прежде всего выражаю глубокое сочувствие от имени Богословского Института, от имени Общества помощи Институту, от прихода Сергиевского Подворья и от своего имени:

- брату покойного Георгию Вадимовичу и его супруге,
- приходу Введенской Церкви, Русскому Студенческому Христианскому Движению,
- Союзу Русских Военных Инвалидов

и еще многим организациям, в которых покойный, как неутомимый церковный и общественный деятель, работал до своего последнего вздоха.

Мы расстаемся сегодня с человеком истинно верующим, бесконечно преданным Церкви, самоотверженным, умным, способным, во многих областях сведущим, жертвенным, на которого можно всегда было положиться. С ним уходит некая часть нашего бытия, ибо мы привыкли всегда его иметь среди нас.

В жизни Движения и Введенской церкви Андрей Вадимович принимал участие с "монпарнасских" времен. Многие сейчас уже не знают, что Андрей Вадимович был первым председателем РСХД во Франции. Каждый вечер, окончив службу, он приходил в Движение, дом № 10 на бульваре Монпарнас и вел работу, либо как председатель, всегда корректный, вежливый, доброжелательный, либо как участник одного из кружков. Перед войной, из-за своей службы, ему пришлось поселиться в провинции. Он не мог, по этой

причине, продолжать занимать свой председательский пост, но в конце недели неизменно приезжал в Париж и продолжал принимать участие в жизни Движения и прихода, как член Совета или ревизионной комиссии. В церкви он неизменно читал на клиросе и прислуживал. В последние годы стал штатным псаломщиком Введенской церкви.

Его можно было видеть на всех съездах Движения. Он старался знакомиться со всеми, кто в первый раз оказывался на съезде. Он с ними беседовал, знакомил с другими, старался вводить их в круг постоянных участников съездов. Он тщательно записывал все доклады, вообще, вел летопись Движения, был для него своего рода Нестором или Пименом-летописцем, оказавшись долголетним свидетелем всей его жизни.

Мы с ним были духовно близки, так как было время, когда мы вместе читали здесь на клиросе и прислуживали в этом алтаре. Мы почти одновременно были посвящены в иподиаконы. Он оказался со мною в тот момент, когда я подавал приснопамятному митрополиту Владимиру прошение о священстве. Он здесь, в этом храме, как иподиакон, подводил меня к рукоположению. Будучи с ним духовно близким, я кое-что знал об его внутренней настроенности.

Он любил богослужение, хорошо знал его, постоянно читал свящ. Писание, был открыт богословию. Он имел от Бога великое счастье встретиться в течение своей жизни с рядом замечательных пастырей и духовно напитаться через общение с ними. В ученические годы его законоучителем в 4-ой Одесской гимназии был о. Евстафий (фамилию его я забыл), имевший благотворное влияние на гимназистов. В Париже он встретил протоиерея-старца Сергия Четверикова, пастыря-праведника о. Виктора Юрьева, мудрого наставника о. Василия Зеньковского и нынешнего настоятеля Введенской церкви, не шадящего сил в исполнении пастырского долга. Хотя Андрей Вадимович не стал священником и всю жизнь оставался иподиаконом, любовь к церкви и служение ей в приходе, в церковных организациях, были его стихией.

Он был человеком сдержанным, внутренне собранным. Одной из основных его черт была любовь к порядку, внутреннему и внешнему. Иногда его за это критиковали. Но он умерял эту черту отзывчивостью, преданностью делу, а также подлинным

остроумием и чувством юмора, которыми он был щедро одарен, как всякий подлинный одессит. Но надо еще прибавить, что его любовь к порядку была вместе с тем и своего рода духовным свидетельством.

И действительно, она, прежде всего, исходила от его внутренней собранности. Кроме того, она руководствовалась неприятием распущенности, той распущенности и расхлябанности перед злом, от которых так сильно страдает современный мир и которые, увы, проникают и в христианскую ограду, заставляя верующих робеть перед проявлениями явной неправды, отказываться отличать греховное от негреховного, терпеть явления, противоречащие Слову Божию. И в этом смысле покойного Андрея Вадимовича можно тоже назвать исповедником.

Да примет Господь в вечные обители своего верного раба, всею душою преданного Ему и Церкви, иподиакона Андрея. Да уделит Он нам нечто от его духа: духа скромности, трудолюбия, общительности, чувства долга, добропорядочности, ответственности, любви к служению. Такие люди нужны земной Церкви, особенно сейчас. Но и сейчас, и всегда, они тоже являются своими и в Царстве Божием.

Аминь.

Протопресвитер Алексей Князев.

29 мая 1985 г.

* * *

Многие, как и я, знали и ценили Андрея Вадимовича Морозова. Впервые я встретилась с ним в 1926 г. на съезде РСХД в Бьервиле.

Мне хочется рассказать одно из значительных событий его жизни, мало кому известное.

В годы гитлеровской оккупации Франции, когда в 1942 г. в пересыльном лагере Compiègne сидела, перед отправкой в германские концентрационные лагеря, группа русских, среди которых были мой муж о. Димитрий Клепинин, Юрий Скобцов, сын матери Марии, Ю. П. Казачкин, Сметанкин и несколько сербов, им захотелось в одном из барачков устроить православный храм и ежедневно совершать богослужения. Но для этого требовалось благословение митрополита Евлогия, который согласен был его дать, а также и антиминос, чтобы устроить храм.

Андрей Вадимович в тот год работал в Compiègne инженером. Он познакомился с assistante sociale, сочувствовавшей заключенным. Он привез ей антиминос, церковные сосуды и необходимые богослужебные книги, которые ей удалось чудесным образом доставить в лагерь.

Этот эпизод свидетельствует еще раз о служении Церкви, продолжавшемся всю жизнь покойного Андрея Вадимовича.

Тамара Клепинина

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции. Заветы на сегодня — Никита Струве	3
БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ	
Отцы первых веков — прот. Георгий Флоровский	5
Вход в Царство — прот. Александр Шмеман	32
■ В порядке дискуссии	
Об отношении христианского сознания к ветхозаветной традиции — О. Т. (Москва)	54
■ Христианство на Западе	
Фра Иероним Савонарола — непонятый и непризнанный святой — архим. Амвросий Погодин	60
Метафизика зла у Достоевского "Преступление и наказание" — Виктор Аксютин (Москва)	105
■ Материалы по истории русской культуры	
Письма Г. А. Рачинского к М. К. Морозовой (публикация и примечания Н. А. Струве)	153
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Стихи — Ольга Седакова (Москва)	172
Глава 136 из "Марта Семнадцатого" (Узел III) — А. Солженицын	177

"Октябрь Шестнадцатого". Интервью	
А. Солженицына	184
■ Памяти Г. П. Струве — публикация и примечания Н. А. Струве	
Глеб Петрович Струве — О. Раевская-Хьюз	198
I. Из писем самых первых лет эмиграции (1919—1922)	202
II. Работа в газете "Возрождение" (1925—1927)	205
III. Из ранних стихов	221
СУДЬБЫ РОССИИ	
■ Русские новомученики и исповедники	
Епископ Сергей (Никольский) — Самиздат	227
Архиепископ Аверкий (Кедров)	235
Епископ Леонтий (Матусевич)	240
Епископ Николай (Парфенов)	243
■ К 60-летию со дня основания Богословского Св. Сергиевского Института в Париже	
Духовно-воспитательная работа Богословского Института — прот. В. Зеньковский	246
■ Вопросы общественности	
Рецензия на книгу А. Авторханова "Загадка смерти Сталина (Заговор Берия)" — Эрнест Гараев (Ленинград)	255
■ Преследования верующих	
Заявление В. Н. Осипова	274
■ Памяти А. В. Морозова	276

SOMMAIRE

Un enseignement pour aujourd'hui – N. Struve 3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

Les Pères des premiers siècles – P. Georges Florovski 5

L'entrée dans le Royaume – P. Alexandre Schmemmann 32

■ Tribune libre

La conscience chrétienne face à la tradition vétero-testamentaire – O.T. (Moscou) 54

■ Le christianisme en Occident

Fra J. Savonarole – un saint méconnu et incompris – P. Ambroise Pogodine (USA) 60

La métaphysique du Mal dans «Crime et châtiment» – V. Aksioutchitz (Moscou) 105

■ Matériaux pour servir à l'histoire de la culture russe

Lettres de G. Ratchinski à M. Morozova (publication de N. Struve) 153

LITTERATURE ET VIE

Poésies – Olga Sédakova (Moscou) 172

Chapitre 136 extrait de «Mars 17» – A. Soljénitsyne 177

«*Octobre 16*» – Interview d'Alexandre Soljénitsyne 184

■ In memoriam Gleb Struve

Gleb Struve – O. Raevskaya- Hughes 198

Lettres inédites (1919- 1922) 202

Lettres et documents du temps de sa collaboration au journal «La Renaissance» 205

Poésies de jeunesse 221

DESTINEES DE LA RUSSIE

■ Les nouveaux martyrs de la Russie

Evêque Serge Nikolski 227

Archevêque Averkius Kedrov 235

Evêque Léonce Matoussevitch 240

Evêque Nicolas Parfenev 243

■ Pour le 60-e anniversaire de l'Institut de théologie Saint-Serge à Paris

La formation religieuse à l'Institut St Serge – P. Basile Zenkovski 246

■ Problèmes politiques et sociaux

Remarques critiques sur le livre d'A. Avtorkhanov «Le mystère de la mort de Staline» – E. Garaev (URSS) 255

■ Persécution des croyants

Une déclaration de V. Ossipov 274

■ In memoriam A.V. Morozov

..... 276

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 354-74-46

НОВИНКИ!!!

Серия "ИНИРИ" (Исследования Новейшей Русской Истории)

ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю.Г. — Большевики и левые эсеры

В предлагаемом исследовании делается еще одна попытка опровергнуть укоренившееся в советской историографии мнение о том, что германский посол граф Мирбах был убит левыми эсерами с целью сорвать Брестский мир. Ленин использовал убийство Мирбаха (вероятно спровоцированное Дзержинским) с целью покончить с левыми эсерами, больше ему не нужными, и установить однопартийную диктатуру.

В книге подробно изложены зарождение большевистско-левоэсеровской коалиции, формирование правительства, созыв и разгон Учредительного собрания, Брестский мир, убийство Мирбаха и разгром левых эсеров.

290 стр. Цена : 120.- фр.

Серия "ВМБ" (Всероссийская Мемуарная Библиотека)

ГЕРАСИМОВ А.В. — На лезвии с террористами

Увлекательный рассказ начальника генерального Петербургского розыска о борьбе с волной терроризма, охватившей Россию после первой русской революции (1905-1909).

Ближайший сотрудник Стольпина, А. Герасимов стал одной из жертв крайних реакционных сил и был отставлен от должности. С необыкновенной яркостью описаны жалкая судьба Гапона, тонкая игра Азефа, разрушившего эсеровский терроризм, ряд удавшихся или неудавшихся покушений.

208 стр. Цена : 100.- фр.

ФИЛАТЬЕВ Д.В. — Катастрофа Белого движения в Сибири

Только в Сибири удалось создать правительство всероссийского масштаба, на свободной территории, с нормальной армией. И тем не менее Белое движение потерпело там катастрофу. Генерал Д.В. Филатьев (1866-1936), участник этих событий, старается понять причины этой катастрофы: он считает, что адмирал Колчак — выдающийся моряк и рыцарский характер, оказался не на высоте ни как сухопутный военачальник, ни как государственный деятель.

144 стр. Цена : 60.- фр.

Николай БЕРДЯЕВ — Собрание сочинений (т. 2)

СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА

"Основную свою интуицию о человеке, о нужде Бога в творческом акте человека, я выразил в самой значительной книге своего прошлого "Смысл творчества"... Книга создана целостным творческим порывом, в ней обнаружена тема всей моей жизни".

"Смысл творчества" переиздается впервые после 1916г., с приложением более поздней статьи "Спасение и творчество", с разночтениями и дополнениями.

440 стр. Цена : 150 фр.
в переплете : 230 фр.

ФЕДОТОВ Г.П. — Святые древней Руси

Строгий научный метод, унаследованный от болландистов, необыкновенное историческое чутье, любовь к Церкви и писательский дар — совокупность этих качеств позволяет сказать, что книга Г. Федотова лучше, чем когда-либо было написано о русской святости.

241 стр. Цена : 100 фр.

Сергей КЛЫЧКОВ

КНЯЗЬ МИРА

428 стр. Цена : 120.- Фр.

Мифологизированный роман о Добре и Зле, сопоставимый с "Мастером и Маргаритой". В нем Клычков мифотворец и бытописатель достигает вершины своего искусства — фантастического реализма.

К этому переизданию прилагается неизданное резюме продолжения романа, с отрицательным отзывом испуганного клычковской фантастикой Луначарского, который тем не менее пророчил "Князю мира" войти "прочно в нашу литературу"

ИЗБРАННАЯ ПОЭЗИЯ

184 стр. Цена : 54.- фр.

С. Клычков — один из самых видных поэтов 20-х годов. Но он не переставал писать стихи. Для Есенина он "истинно прекрасный народный поэт". Для Ахматовой "поэт своеобразный". В "Избранное" вошли многие стихотворения, публикуемые впервые.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ — Оттиск

Новая книга стихов (1983-1985)

70 стр. Цена : 42.- фр.

Заказы направлять : LES EDITEURS RÉUNIS

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris, France.

Издательство Утса - Press

ВЫШЛИ В СЕНТЯБРЕ 1985г.

Феликс СВЕТОВ

Опыт биографии (Книга удостоена "Премии Даля" за 1985г.)

Отец, историк-марксист, арестован в 1936 и исчезает, мать идет в лагерь... Сын растет в одиночестве и нищете, становится известным литератором, постепенно прозревает, обращается вместе с женой, писательницей Зоей Крахмальниковой, в христианство. Но в 80-х годах, снова, репрессии. Вслед за женой, осужденной в 1982 за составление сборников "Надежда", арестован и Феликс Григорьевич Светов (23 января 1985). Его Опыт биографии выходит в свет, когда ни в чем не повинный ее автор сидит в Лубянке...

440 стр. Цена: 120 фр.

Варлам ШАЛАМОВ

Воскрешение лиственницы

Вторая, посмертная, книга В. Шаламова состоит из автобиографии, нескольких лагерных рассказов и большой автобиографической повести "Четвертая Вологда". В ней с потрясающей силой Шаламов воскрешает быт дореволюционной священнической семьи, разоренной подла революцией, рассказывает о своем глубоком конфликте с отцом, выразившемся в своеобразном религиозном богоборчестве, о гибели надежд, города, всех человеческих ценностей.

328 стр. Цена: 100 фр.

ВЫЙДУТ В ДЕКАБРЕ 1985г.

Свящ. Павел ФЛОРЕНСКИЙ

У водоразделов мысли.

Т.1 — СТАТЬИ ПО ИСКУССТВУ.

Впервые собраны воедино все когда-либо печатавшиеся статьи выдающегося русского мыслителя, ученого и богослова П.А. Флоренского, имеющие отношение к искусству.

В этот первый том *Собрания Сочинений* входят следующие работы: На Маковце (печ. впервые), Небесные знамения, Храмовое действо как синтез искусств, Троице-Сергиева Лавра и Россия, Моленные иконы преп. Сергия, Иконостас, Обратная Перспектива, главы из работы "Анализ художественного пространства", пять приложений. В качестве предисловия даны слово о. С. Бугакова и основные даты жизни и творчества П. Флоренского.

380 стр. Цена: 150 фр.

Серия "ВМБ" (Всероссийская Мемуарная Библиотека)

Кн. Е. Н. САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН

Дневник 1914-1918

События Первой Мировой Войны и Революции в непосредственных записях 20-летней барышни.

"Вы были весьма проинициальной барышней, — писал Солженицын автору. — Вы в середине марта в Петрограде сформулировали, в общем, все то главное, что мне удалось восемью томами повествования, и в чем я тоже абсолютно уверен".

Книга выходит 5-м выпуском серии "Наше недавнее". На немецком языке книга имела уже большой успех.

330 стр. Цена: 100 фр.

ПАВЕЛ, Архиепископ всея Финляндии

Как мы веруем

Краткое, общедоступное, вдохновенное введение в православную веру. Было уже издано на четырех языках.

Предисловие прот. А. Шмемана.

125 стр. Цена: 60 фр.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" «LA PENSEE RUSSE»

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Главный Редактор: Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe», 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris

Tél. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	74	138	265
ЗАГРАНИЦА	107	204	397

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 6 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

72-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 90 амер. долларов

6 месяцев — 50 амер. доллар

Воскресное издание только:

один год — 35 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

461 8th Avenue — New York, 10001, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты,
с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt am Main 80

**КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Российские и зарубежные авторы

Художественная литература. Проза и поэзия. Социально-политическая литература. История, философия, религия, мемуары, свидетельства.

Каталог высылается бесплатно.

ПОСЕВ

Ежемесячный общественно-политический журнал. 64 стр. большого формата. Подписка непосредственно в издательстве: 72 нм

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы. 288 стр. книжного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 48 нм

НАДЕЖДА

Христианское чтение. Составитель З. Крахмальникова (Москва). Религиозный Самиздат. 2 раза в год. 400 стр. карманного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 50 нм за три номера.

ВЕСТНИК

Основан в 1925 году

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

В Америке — *East* :

Mrs Elisabeth Dorman, 321 Varick St., Jersey City, N.Y. 07302, USA.

— *West* :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley Ca 94701, USA.

В Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal P.Q. H2L 2R7.

В Англии :

«Aid to the Russian Church» (Miss Ellis), Schoolhouse,
Heathfield Rd, Keston, Kent.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.
